

• КНИГА •

П. Н. БЕРКОВ
**О ЛЮДЯХ
И КНИГАХ**

П. Н. БЕРКОВ
**О ЛЮДЯХ
И КНИГАХ**

(из записок
книголюба)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»
Москва 1965

002.3 (09)
Б 48

Оформление художника
А. В. КОЛЛИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Узнав о том, что я готовлю к изданию «Записки книголюбца», мой знакомый — крупный ленинградский писатель, человек остроумный, но желчный и склонный к преувеличениям — стал меня отговаривать.

— Сейчас, когда автобиографический жанр в моде, Вам, литературоведу по специальности, а не писателю-профессионалу, — говорил он, — не следует выступать с книгой, которая может быть сопоставлена читателем с автобиографическими повестями И. Эренбурга, К. Паустовского и других к явной Вашей невыгоде. Ведь литературовед может вступать с писателем в единоборство только в качестве его исследователя, а не последователя.

Я ответил своему собеседнику, что книга моя — отнюдь не автобиографическая, что она называется «О людях и книгах», так как в ней на первом месте люди и на втором — книги, и что личность автора-книголюбца играет здесь роль только вспомогательную, а не главную, являясь чем-то вроде технического приема, связывающего материал в отдельные очерки и очерки в книгу.

По-видимому, удовлетворенный этим разъяснением, мой собеседник продолжал:

— Но уж, во всяком случае, не вздумайте по литературоведческой манере обязательно помещать впереди книги «предисловие» или «от автора» и т. п.

Увидев на моем лице недоумение, он пояснил:

— Я против предисловий не потому, что Вольтер сказал: «Книга должна говорить сама за себя», — а потому, что убедился в их бесполезности и даже вредности. Читатели делятся на две категории: одни читают только книги и не интересуются тем, что автор говорит в предисловии; другие читают или, вернее, проглядывают только предисловие, чтобы найти в нем материал, который позволил бы им, не читая книги, обругать автора. Таким образом, писать предисловие для первых — бесполезно, для вторых — вредно; то есть вредно для автора. Я никогда не предпосылаю своим книгам предисловий.

Я возразил своему знакомому, что он напрасно так огульно обвиняет наших читателей, что у нас читают и книги и предисловия и не только и даже не столько, с тем чтобы найти материал для критики. Задача предисловия, продолжал я, заключается в том, что автор, вполне доверяя способности читателя самостоятельно разобраться в содержании книги, рассказывает, как возникло произведение и какие цели он, автор, ставил себе при написании своего труда.

Может быть, это не всем читателям интересно, но это необходимо для тех из них, которые пожелают сравнить свое мнение и впечатление от прочитанной книги с задачей, которую решал автор.

Спор наш продолжался еще долго, каждый остался при своем прежнем мнении. Единственным результатом этого спора явилось настоящее «предисловие к предисловию»...

В конце 1959 года, вскоре после выхода в свет имевших столь большой и заслуженный успех «Рассказов о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского, ко мне обратился представитель «Вечернего Ленинграда» с просьбой написать для очередного субботнего номера газеты очерк об особенно интересных редких книгах моей библиотеки. Так как я «редких книг» никогда не собирал и не собираю, а библиотека моя в основном состоит из книг по моей специальности — литературоведению, то я не нашел возможным согласиться с предложенной мне темой, считая, что история нескольких действительно редких и ценных научных книг, имеющихся у меня, едва ли может

представлять интерес для широкой читательской аудитории популярной ленинградской газеты.

Вместе с тем мне не хотелось полностью отклонить сделанное предложение, и мы условились с представителем «Вечернего Ленинграда» о том, что я не стану писать статьи на предложенную тему, а выберу что-нибудь более подходящее для газеты из своих записей о других собирателях.

Перебирая с этой целью старые тетради, среди материалов преимущественно 20-х и 30-х годов, я нашел ряд страниц, посвященных судьбам разных «книжных» людей, а также книг и библиотек — судьбам иногда трагическим, — известным мне случаям книжных и литературных подделок, странным объектам коллекционирования. Нашел я также записи о книгопродавцах, с которыми мне пришлось иметь дело в процессе собирания библиотеки, заметки о Русском библиологическом обществе, Ленинградском обществе библиофилов, Институте книговедения, Институте книги, документа, письма, характеристики книголюбов, с которыми я был знаком лично или которые сделались мне известны по печатным источникам или из устных рассказов старых библиофилов.

Перечитав эти давние материалы, я пришел к выводу, что они после соответствующей литературной обработки могут представить интерес для современного советского читателя. На первый раз для «Вечернего Ленинграда» я переработал записи о старинных библиофилах и современных книголюбях. Статья эта в несколько сокращенном виде и с измененным редакцией заглавием была помещена в трех номерах названной газеты (1959, 21 ноября, 28 ноября, 12 декабря).

После опубликования статьи «Записки книголюбца» мною были получены многочисленные письменные и устные отклики читателей. Их благожелательное отношение показало мне, что, пожалуй, не лишена смысла полная или частичная публикация и прочих накопившихся у меня материалов.

Так возникла идея создания настоящей книги. Я назвал ее «О людях и книгах (из записок книголюбца)» не случайно: я глубоко убежден, что, когда мы говорим, что любим книгу, мы не осознаем того,

что любим умного, доброго, человеческого автора, создавшего ее, любим его героев, увлекающих и волнующих нас своими прекрасными человеческими качествами, любим людей, украшавших ее своими иллюстрациями, любим неизвестных нам типографов и переплетчиков, вложивших в нее свой талант, изобретательность, умение, понимание красоты, свое желание доставить читателю радость и наслаждение ею как произведением особого, высокого искусства — искусства книги. Любя книгу, мы любим явление культуры определенной эпохи, любим те сгустки человеческого ума, чувства, воли, которые проявились в содержании и форме книги.

Но в предлагаемых очерках говорится не только о любви к книге, в них рассматривается вопрос о собирании и о собирателях книг, библиофилах, книголюбях. Мне хотелось показать, какое большое значение для человеческой культуры имели и имеют библиофилы. Даже тогда, когда в этой книге говорится о собирании книг в коллекции, в библиотеки, когда в ней рассказывается о наличии в том или ином собрании каких-либо определенных редких, замечательных в политическом, научном или художественном отношении книг, я прежде всего стремился показать умственные или художественные интересы данного собирателя, его «лицо» как библиофила, показать, что собирание хорошей, ценной библиотеки — это большой человеческий труд, в котором проявляется личность владельца.

Поэтому в моих очерках прежде всего и больше всего идет речь о людях и лишь затем о книгах. Может быть, в другой раз я больше расскажу о книгах. «У книг, — как сказал римский писатель III века, — есть своя судьба... *Nabent sua fata libelli*». В этой же книге меня больше всего интересует судьба людей.

О ЛЮБВИ
К КНИГЕ,
БИБЛИОТЕКАХ
И НЕМНОГО
О МОЕЙ
БИБЛИОТЕКЕ

Ленинградские книжники, работники антикварных книжных магазинов, в особенности принадлежащие к старшему поколению, не считают меня библиофилом, хотя некоторые из них помнят, что с конца 20-х годов нашего века я был активным участником Ленинградского общества библиофилов, и знают, что несколько лет назад вместе с ныне покойным В. А. Десницким я был избран почетным членом ленинградской библиофильской организации — Секции коллекционеров Дома ученых.

Такое мнение старых ленинградских книжников меня не удивляет и не обижает, так как я знаю и понимаю их точку зрения.

Не скрою, что я был бы очень огорчен, если бы кто-нибудь из них или вообще кто-либо знающий меня усомнился в том, что я люблю и ценю книги, усомнился в том, что я книголюб.

Можно подумать, что я противоречу себе: ведь «библиофил» в переводе с греческого значит «книголюб», и, следовательно, эти слова равнозначны, они — синонимы. Филологически это так, но практически — и не только в словоупотреблении работников книжной торговли — понятия «библиофил» и «книголюб» различаются. Принято считать, что книголюб — это тот, кто собирает только такие книги, которые нужны ему для работы или которые он любит читать для удовольствия, тогда как библиофил — это человек, собирающий книги по какому-то особому пристрастию к ним, не задаваясь вопросом о том, что в них для него существенно, важно и ценно, собирающий, так сказать, бескорыстно.

Вот, например, что пишет об одном известном ленинградском библиофиле, советском историческом романисте Л. И. Раковском, старый деятель антикварной книжной торговли Ф. Г. Шилов: «Большим любителем книг является Л. И. Раковский. Это единственный из всех писателей, который не говорил, что собирает книги только для работы. Раковский любит книгу, как таковую. Ядром библиотеки Раковского является литература конца XVIII — начала XIX века»¹.

Таким образом, для Ф. Г. Шилова, как, впрочем, и для многих других, библиофил — тот, кто любит книгу «как таковую» и кто собирает книги не для работы. Жаль только, что Ф. Г. Шилов, говоря о Л. И. Раковском как библиофиле, не обратил внимания на одну подробность: почти все романы и повести Л. И. Раковского написаны об исторических деятелях конца XVIII — начале XIX века. Оказала ли ему помощь в работе его библиофильская библиотека? Или для своих романов он пользовался материалом только из государственных книгохранилищ или из собраний своих друзей?

Знаю, могут сказать, что Ф. Г. Шиллов не сумел полно и точно выразить правильную будто бы в основном мысль. Чтобы помочь своим оппонентам, напомним им превосходное место из очерка Анатоля Франса «Любовь к книгам». «Неизлечимый библиофил», как он сам называл себя, А. Франс больше, чем кто-либо другой из великих писателей XIX—XX века, оставался в своих произведениях на изображении библиофилов и любви к книгам. Вот одно из лучших высказываний его по этому вопросу.

«За свою жизнь,— писал он,— я знал многих библиофилов и убежден, что любовь к книгам делает жизнь сносной для некоторого числа порядочных людей. Истинная любовь невозможна без некоторой примеси чувственности. Можно быть счастливым при помощи книг, лишь лаская их. Я с первого взгляда могу узнать настоящего библиофила по той манере, с которой он берет книгу. Тот, кто, взяв в свои руки какую-нибудь дорогую, редкую, милую или просто добропорядочную книжку, не сжимает ее крепко и вместе ласково, не проводит нежно ладонью по корешку, по переплету и по обрезу, тот лишен инстинкта, создавшего некогда таких библиофилов, как Гролье² и Дубль³. Он может сколько угодно твердить о своей любви к книгам, мы ему не поверим. Мы ответим ему: вы их любите за их полезность. Разве это значит любить? Разве любят с мыслью о выгоде? Нет! В вас нет огня и веселья, и вы никогда не познаете наслаждения провести дрожащими пальцами по восхитительной шероховатости сафьяна»⁴.

«Признаемся,— говорит Франс в другом месте,— что нет любви без фетишизма, и отдадим должное людям, влюбленным в старую измаранную бумагу: они такие же безумцы, как и все прочие влюбленные»⁵.

Я знаю, что А. Франс любил книгу не только за «восхитительную шероховатость сафьяна», что он любил содержание книг и был не только страстным библиофилом, но и не менее страстным читателем. Однако в своих библиофильских высказываниях он останавливался преимущественно на внешних, а не на внутренних моментах любви к книге. Он даже брал под свою авторитетную защиту, хотя и со скептической, мягкой улыбкой, «нечитающих» библиофилов.

«Любовь к книге, — писал он в «Саде Эпикура», — поистине похвальная любовь. Много смеялись над библиофилами, и, может быть, в конце концов они и давали почву для насмешки; так обстоит со всеми влюбленными. Но, скорее, должно завидовать им, потому что они украсили свою жизнь долгой и мирной страстью. Думают унижить их, говоря, что они вовсе не читают своих книг. Но один из них ответил без смущения: «А вы, вы кушаете на вашем старинном фарфоре?» Можно ли поступать честнее, чем поставив книги в шкаф? Это напоминает бесспорно тот труд, который тратят дети, делая песочные насыпи на берегу моря. Они работают тщетно, и все, что они воздвигают, будет вскоре опрокинуто. Конечно, также обстоит с коллекциями книг и картин. Но можно винить только тяжесть существования и быстротечность жизни. Море уносит кучу песка, правительственный аукционист рассеивает коллекции. Между тем нельзя делать ничего лучшего, чем кучи песку в десять лет и коллекции — в шестьдесят. Ничего не остается из того, что мы воздвигаем, и любовь к коллекциям не более суетна, чем всякая другая»⁶.

В свое толкование библиофильства А. Франс вносит — может быть, не без некоторой позы — известную долю чувственности. Спору нет, такая форма любви к книге существует и может быть понята, но ведь не стал бы А. Франс требовать, чтобы все люди одинаково любили — все равно, о чем бы ни шла речь, — женщин, цветы, солнце, родину, детей. Зачем же настаивать на том, что подлинная любовь к книге только та, в которой играет роль корешок, золотой обрез, широкие поля, сафьяновый переплет?

Не надо отнимать права называться библиофилами у тех, кто любит книгу не только за ее красивую, изящную или трогательную своей примитивной простотой внешность, но и за ее содержание, за ее «конденсированную человечность», за то, что часто она — хранительница человеческого гения, ума, сердца, что часто она — горькая память о прошлом, неприглядная совесть настоящего.

Мне приходилось слышать, что выражение «любовь к книге как таковой» надо понимать в другом

смысле. Речь, мол, идет о том, что библиофил любит книгу как предмет искусства, как предмет художественного гения или таланта типографа, иллюстратора, переплетчика и что в данном случае не столько важно, а иногда и вовсе не важно содержание книги, сколько именно ее внешность.

Действительно, искусство книги — великое искусство, и можно понять эстетический восторг любителя, который восхищается замечательными миниатюрами старинных переписчиков рукописных книг, чудесными шрифтами Альда Мануция, Эльзевиров, Бодони, Дидо или нашими петровскими и елизаветинскими шрифтами, заставками, концовками и инициалами XVIII века или такими шедеврами советского типографского искусства, как брошюра «К двухсотлетию Всесоюзной Академии наук», выпущенная Государственным издательством в 1925 году, — в ней нет ни одного переноса⁷.

Я понимаю, что можно испытывать художественное наслаждение, рассматривая не только подлинные переплеты выдающихся мастеров XVII—XVIII веков, но и их изумительные воспроизведения в таком роскошном издании, как «История библиофильства» Тешнеров, состоящем из одних лишь таблиц.

Однако говорить, что только любовь к такой книге есть истинное и единственное признаваемое библиофильство, — глубокое заблуждение.

Было бы неверно отрицать, что деятельность библиофилов, собиравших книгу как предмет типографского, иллюстративного и переплетного искусства, принесла несомненную пользу культуре — повысила художественный вкус издательских и типографских работников, книжных иллюстраторов, художников-шрифтовиков и — что особенно важно — широких кругов любителей книги.

Любовь к книге как предмету искусства, — одна из исторически засвидетельствованных и, значит, в определенном смысле закономерных форм библиофильства. Но она закономерна и имеет свои права на существование только в том случае, если будет признано, что она — не единственный и не «только и возможный» вид любви к книге.

Чаще всего приходится слышать и читать, что «настоящее библиофильство», «настоящая любовь к книге» — это любовь к «редкой книге».

Вопрос о том, что такое редкая книга, очень сложен и труден. Слово редкий имеет ряд значений, которые в сочетании со словом книга приобретает в разных условиях разный смысл. В решении этого вопроса важную роль играет субъективный подход, личная оценка, наконец, наши собирательские интересы.

Напрасно говорят, что можно создать объективное, подходящее для всех времен и народов, для всех классов определение понятия «редкая» книга, вроде «абсолютно редкая книга» и «относительно редкая»⁸.

В самом деле, может ли удовлетворить нас простейшее решение вопроса — понимание слова «редкий» только как не часто встречающийся, имеющийся в одном или нескольких экземплярах? Ведь, например, известно, что книги, изданные в старину даже большими тиражами, — азбуки, песенники, образцы прописей для чистописания — до того зачитывались, что нередко не сохранялось ни одного экземпляра и о существовании такого издания нам известно из других источников. Это довольно часто обнаруживается при составлении списков книг XVIII и даже XIX века. И хотя для истории культуры, педагогики, народного творчества, музыки, коллекции подобных изданий очень важны, мне никогда не приходилось слышать о советских собирателях старинных или современных азбук. И это вовсе не случайность.

Не часто встречающимися являются, например, у нас книги, изданные в территориально отдаленных местностях отечественных и зарубежных. Однако у себя на месте эти книги вовсе не являются редкими.

Можем ли мы считать книжной редкостью брошюру-рекламу средства для ращения волос или отчет какого-нибудь дореволюционного провинциального банка, о которых нам известно, что тиражи их по какой-то причине погибли — сгорели, уничтожены наводнением и т. п.? Также нет! А для какого-нибудь краеведа, пишущего историю данного города, такой отчет может представлять большую ценность — для него это несомненно редкая книга, как и для историка культуры или медицины может быть интересной и

чрезвычайно важной сохранившаяся в одном экземпляре реклама средства для ращения волос.

Значит, при решении вопроса о том, что такое редкая книга, не так уж существенно, сохранилось ли определенное издание в одном или нескольких экземплярах или издано в отдаленной местности; гораздо существеннее, что за книга дошла до нас в таком малом количестве экземпляров, представляет ли она ценность по своему идейному содержанию, по своей художественной внешности, наконец, по своей исторической судьбе.

Следует заметить, что в большей части случаев, когда библиографические источники утверждают, что данная книга сохранилась в одном или нескольких экземплярах, оказывается, что эти сведения неверны: всегда потом обнаруживаются еще ранее не известные экземпляры. В первом специальном списке редких русских книг «Русские книжные редкости» Г. Н. Геннади о «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева сказано: «Редчайшая эта книга поступила в библиотеку Черткова из книг П. Бекедова. Есть и в императорской публичной библиотеке и у Н. П. Дурова» [стр. 61]. Таким образом, во времена Геннади, в 1872 году, было известно только три экземпляра «Путешествия». В 1918 году в брошюре проф. Д. Н. Анучина «Судьба первого издания «Путешествия» Радищева» было учтено уже семнадцать экземпляров. Наконец, в «Рассказах о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского перечислены 14 существующих и семь известных из литературы экземпляров «Путешествия» (два из них считаются безусловно погибшими). Так, со времен Геннади количество экземпляров «Путешествия», судьбу которых можно проследить, уже дошло до 21, то есть выросло в семь раз. И что же, стало ли из-за этого первое издание «Путешествия» менее редкой книгой?

Иначе ли обстоит дело с книгами, которые специально создаются как редкие, которые печатаются в минимальном числе экземпляров? У библиофилов существует убеждение, основанное, очевидно, на некотором опыте, что, когда какой-нибудь типографии заказывали напечатать ограниченное количество экземпляров определенной книги, даже оттисков

статьи, всегда печаталось несколько большее число их: то по распоряжению владельца типографии, то по личной инициативе типографских рабочих, перепродававших затем лишние экземпляры любителям.

Покойный проф. М. К. Азадовский мне рассказал забавный случай. Казанский краевед-библиограф Н. Я. Агафонов, придя однажды к ректору Казанского университета проф. Н. Н. Буличу, большому библиофилу, показал ему свою новую книгу и прибавил, что не может подарить ее уважаемому Николаю Никитичу, потому что она напечатана всего лишь в одном экземпляре. Тогда Булич подошел к одному из книжных шкафов и, вынув оттуда второй экземпляр книги Агафонова, сказал: «Прохожу я вчера по университетской типографии, вижу, что-то печатают. — Что печатается? — спрашиваю. — Да вот для Николая Яковлевича в одном экземпляре печатаем. — Ну добре, — говорю, — тисните и для меня экземплярчик... Вот вам и в одном экземпляре!»

Может быть, именно во избежание подобных нарушений своей воли — воли заказчика — некоторые авторы сами изучали наборное дело. Так, по литературным источникам мне известна книга некоего А. У. Ф. Эраста «*Calendariun germanogomanicum medii aevi*» («Германо-романский средневековый календарь»), набранная и напечатанная самим автором в 1761 году в Дилленбурге в одном экземпляре.

Иногда в библиофильской литературе создаются легенды о редкости какого-либо определенного издания, на самом деле не отвечающие фактам. При ближайшем ознакомлении с документальными материалами от подобного «библиофильского фольклора», кстати сказать, явления очень интересного и заслуживающего изучения, не остается ничего, достойного доверия. Такова, например, версия о том, что французский писатель XVIII века де ла Пупльиьер выпустил свою книгу «Картины нынешних нравов» в одном-единственном экземпляре⁹. На самом же деле оказалось что он издал книгу «*Les mœurs du siècle*» («Нравы текущего столетия») в двух вариантах: один — в единственном экземпляре, украшенном великолепными иллюстрациями более чем фривольного характера (этот экземпляр при распродаже его

библиотеки был конфискован по распоряжению короля), другой — «очищенный» от непристойностей в большом количестве экземпляров, сохранившихся у сына де ла Пуплиньера ¹⁰.

Таким образом, количественные показатели редкости той или иной книги не всегда точны, и, очевидно, не они определяют понятие «редкости». В подтверждение этого приведу еще два примера. В 1872 году, к 200-летию основания русского театра, Н. С. Тихонравов подготовил к печати «Русские драматические произведения 1672—1725 гг.» в двух томах с примечаниями к каждому тому. Книга печаталась в типографии Кожанчикова, который вскоре умер. Тихонравов получил часть тиража от наследников Кожанчикова лишь в 1883 году и пустил его в продажу, но без примечаний. Оказалось, что примечания к первому тому не сохранились вовсе, а из листов второго тома примечаний, не законченного печатанием, составилось несколько экземпляров, которые являются такой библиографической редкостью, какой не имели самые крупные русские библиофилы. Так, например, Д. В. Ульянинский, описывая свой экземпляр «Русских драматических произведений», — конечно, без примечаний — прибавляет, что примечаний ему не пришлось видеть. Ни разу ни в одном антикварном каталоге не публиковались объявления о продаже этих примечаний ко второму тому «Русских драматических произведений». Не было их и в специальной библиотеке по театру В. В. Протопопова.

И все же было известно, что существовало по крайней мере три экземпляра «Примечаний»: один у самого Тихонравова, другой, посланный им Александру Николаевичу Веселовскому, третий, купленный на рынке П. О. Морозовым. Сейчас известны экземпляры — в Библиотеке Академии наук (в отделе рукописей), в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, у покойного проф. В. Н. Всеволодского-Гернгросса (Москва; экземпляр П. О. Морозова), у проф. В. П. Адриановой-Перетц (Ленинград) и у меня. Куда девались экземпляры А. Н. Веселовского и Н. С. Тихонравова, не знаю.

Замечу попутно, что «Примечания» Тихонравова я приобрел не как «редкость», а как труд, очень нужный мне для работы по истории русского театра XVII—XVIII веков. И вместе с тем я люблю эту книгу. Мне доставляет большую радость иметь в любой момент под руками это недопечатанное издание, содержащее так много ценного и интересного документального материала, умно и с увлечением изложенного автором. Меня всякий раз волнует воспоминание о трагической истории, связанной с этой книгой. Ею без ссылок на Тихонравова воспользовался для своей работы по истории русского театра П. О. Морозов, который затем был печатно обвинен в плагиате, и этот беспримерный скандал прекратил его университетскую карьеру, несмотря на то, что он в следующем году перепечатал свой труд, внося в соответствующие места указания на «Примечания» Тихонравова. Так, для меня эта книга не редкость, сохранившаяся в пяти или десяти экземплярах, а памятник человеческого творчества и человеческих судеб. Признаюсь, что я даже заказал для нее особый переплет — но не для того, чтобы гладить его, а чтобы книга была в таком же переплете, как и «Русские драматические произведения». Но я был бы неискренен, если бы сказал, что редкость «Примечаний» не имеет для меня никакого значения. Сознание того, что я имею один из немногих сохранившихся экземпляров этой хорошей книги, увеличивает ее ценность. Но, например, знаменитых редкостей вроде «Курицы, имеющей профиль человека» или «Описания вши», за которыми охотились библиофилы XIX века, я не купил бы и за бесценок.

И еще пример. В свое время около 1836—1837 годов проф. П. А. Плетнев читал курс истории русской литературы тогдашнему наследнику престола Александру Николаевичу, впоследствии царствовавшему под именем Александра II. В то время при преподавании исторических дисциплин в моде были хронологические таблицы. Плетнев напечатал «Хронологический список русских сочинителей и библиографические замечания о их произведениях» (без указания места печатания и года). По сведениям друга Плетнева акад. Я. К. Грота, эта книга была напеча-

тана «в самом небольшом числе» экземпляров. Во времена Геннади было известно два экземпляра ее: у Я. К. Грота и у сенатора Ю. В. Толстого; несомненно, остались экземпляры в библиотеке Плетнева и в библиотеке Александра II; вероятно, был экземпляр и у проф. А. А. Котляревского. Позднее обнаружались экземпляры в библиотеках сенатора Н. П. Смирнова и библиофила А. Е. Бурцева. Еще позднее экземпляр «Хронологического списка» оказался у проф. О. Э. Вольценбурга, который уступил его мне в обмен на первое издание первого европейского «Словаря художников» швейцарца Фюсли (1763).

И эту книгу я приобрел также не как «исключительную библиографическую редкость», а как нужную мне для работы, как одно из звеньев истории русского литературоведения. Мне могут сказать, что, если книга нужна для работы, ее можно достать в библиотеке. Не все же время она нужна для работы? Это верно, но у книголюбца есть еще одно пристрастие — полнота подбора материала по интересующим его вопросам. С книгой Плетнева у меня не связано столько, сколько с «Примечаниями» Тихонравова, но и ее по-своему я люблю.

Эти примеры показывают, что почти всегда постепенно становится известно значительное количество экземпляров книги, изданной «в самом небольшом числе» экземпляров. Таким образом, понятие «редкости» зависит не от количества сохранившихся экземпляров. И где в конце концов граница количества экземпляров, за пределами которой книга перестает быть редкой? Пять, десять, пятьдесят, сто? Ведь значение имеет и то, когда и где издана книга в таком ограниченном количестве экземпляров: если в XV или XVI веках — это одно, а если в 1964 году — другое; если в Москве или Ленинграде — одно, а если в Глазове или Кременце — другое.

Все это говорит о том, что количественный критерий редкости сам по себе не является решающим и определяющим.

Гораздо большее значение в решении вопроса о том, что такое редкая книга, имеет общественно-политическая и художественно-литературная роль данного издания. С этой точки зрения «Путешествие

из Петербурга в Москву» Радищева ценно для нас не потому, что эта книга была сожжена и сохранилась в двадцати — двадцати пяти экземплярах, а потому, что это произведение сыграло такую важную историко-революционную и литературную роль.

Я не знаю, в каком количестве экземпляров был напечатан в 1848 году «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, но уверен, что число напечатанных и сохранившихся экземпляров этого произведения значительно больше количества сохранившихся экземпляров «Хронологического списка русских писателей» Плетнева. Но я не сомневаюсь, что «Манифест Коммунистической партии» в немецком издании 1848 года и в первом издании на языке той или иной страны — безусловно редкая книга, как и первые издания Сочинений В. И. Ленина, первые издания газет «Искра» и «Правда». Не сомневаюсь также в том, что именно поэтому для нас представляют такую ценность прижизненные издания сочинений Ломоносова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, ранние издания Горького и Маяковского и т. д.

Несомненно также, что книги, являющиеся памятниками типографского искусства, например инкунабулы, а также книги выдающихся западных и славянских типографов XVI—XX веков, издания первопечатника Ивана Федорова, книги петровского времени, художественные издания XVIII—XX веков, книги с автографами выдающихся исторических деятелей и т. п. должны быть признаны... И вот здесь я не могу написать традиционное слово: редкими. Мне представляется более правильным написать слово: ценными. Ведь ясно, что книга может быть редкой, но не ценной и может быть ценной, но не редкой. И собирать надо не редкие в принятом старом понимании книги, а ценные, важные и в общественно-политическом, научном (например, первые издания трудов великих ученых Бэкона, Декарта, Ньютона, Дарвина, Павлова, Циолковского), литературно-художественном и историко-типографском отношениях.

Над вопросом о том, что такое редкая книга, бились и бьются на западе и у нас не одну уже сотню лет. Найти определение единое, приемлемое для всех и предусматривающее все возможные реальные слу-

чай, не удалось никому и едва ли удастся. Больше того, я убежден в том, что найти универсальное определение понятия «редкая книга» невозможно.

Противоположностью любви к книге «как таковой» некоторые считают любовь к «хорошей книге».

Как всякие качественные понятия, слова «хорошая книга» по-разному толкуются разными людьми; сюда могут входить прямо противоположные представления, взаимоисключающие оценки. Но для некоторых читателей слова «хорошая книга» звучат чуть ли не враждебно, как навязываемая им, чуждая их мировоззрению система взглядов. В самом слове «хорошая» они чувствуютстораживающую их «рекомендательность». «Мы не хотим «хороших» книг, — заявляют такие читатели, — мы хотим таких книг, которые нам нравятся, которые нам интересны».

Не станем спорить — ведь отрицатели понятия «хорошая книга» не могут не признать, что в процессе существования человечества писателями разных эпох создавались плохие, средние и лучшие книги и что из числа этих лучших книг можно отобрать несколько вполне хороших. Значит, принципиально нужно признать, что существуют хорошие книги; остается практически определить, что такое хорошая книга.

К определению этого понятия опять-таки можно подходить по-разному. Ж.-Ж. Руссо, например, считал, что «хорошая книга — та, для написания которой автору не хватает всей первой половины его жизни и для исправления — второй». Но это было сказано едва ли с полной серьезностью.

Также спорно и парадоксально и другое определение хорошей книги, данное Б. Паскалем: «Лучшими книгами являются те, каждый читатель которых полагает, что он мог бы их написать». Это только острая мысль, не больше.

Не менее субъективны такие определения хорошей книги, как, например, книга, которая делает нас умнее и лучше, книга, которая учит нас добру. Все это понятия относительные, и в них можно вложить прямо противоположное содержание.

По-видимому, ближе к истине следующее определение, хотя и оно пользуется термином, который допускает разное понимание.

В повести писателя первой половины XIX века А. Ф. Вельтмана «Странник» (1831) есть такое место: «Хорошая книга — та, — писал Аристотель, — в которой сочинитель говорит то, что должно, не говорит того, что не должно, и говорит так, как должно» (ч. III, день XXXII).

Как отправная точка для дальнейшего рассмотрения вопроса это определение приемлемо, и поэтому мы на нем остановимся.

Слова Аристотеля, несомненно, имеют в виду читателей, которые уже обладают определенным запасом знаний, эстетическим вкусом, умением самостоятельно воспринимать прочитанное, у которых выработалась способность критического суждения. Только при наличии этих данных мы можем правильно решить вопрос, хороша ли такая-то книга, говорит ли в ней автор то, что должно, не говорит того, что не должно, и говорит так, как должно. А так как с такими способностями люди не рождаются, а они у нас вырабатываются, то и происходит то, что книги, которые мы признавали хорошими в одно время нашей жизни, утрачивают для нас позднее свое значение. И наоборот, книги, которые раньше казались нам плохими, в другое время мы признаем хорошими. Из этого можно сделать вывод, что понятие «хорошая книга» — понятие хотя и не стабильное, но, несомненно, существующее, и как ни не похожи люди даже одного и того же поколения друг на друга, существуют хорошие книги данного периода, поколения, данной эпохи.

Вместе с тем можно думать, что при всех индивидуальных колебаниях и изменениях, которые возможны и в пределах одной эпохи и тем более в разные времена, все же некоторое количество книг будет всегда признаваться «хорошим».

Следовательно, можно любить книгу не только как таковую, как редкую, как предмет искусства, но и как хорошую книгу.

Наконец, можно любить книгу и как орудие производства. Ведь ученый, пользующийся для исследований микроскопом, электронной вычислительной машиной, химической аппаратурой, несомненно, любит эти орудия своего производства так же, как ра-

бочий любит свой станок, свои инструменты, как тракторист любит свой трактор, а музыкант — свой инструмент.

В отделе редкой книги Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится библиотека Вольтера. Он был настоящим книголюбом, постоянно приобретал много новых и старых изданий, отдавал в переплет тематически подобранные брошюры, имел каталог своей библиотеки, но любил он книги по-своему. Вольтер не боялся подчеркивать привлекавшие его внимание мысли или снабжать язвительными замечаниями титульные листы и поля читаемых книг. По этим пометам («маргиналиям») Вольтера видно, что любил он книгу именно как орудие своего писательского дела, как источник познания, как объект борьбы. Да, можно по-своему ценить и идейно враждебную книгу, так как иногда она дает ученому или писателю повод точнее, полнее и ярче сформулировать собственные мысли, выразить собственные взгляды. Вольтер, вероятно, именно поэтому дорожил книгами, об авторах которых он писал: «Тупица!», «Идиот!» и т. д.

Я рассказал о любви Вольтера к нужной книге, потому что об этом сравнительно меньше известно. Напомню более известные данные об отношении Маркса к чтению и книгам. Любимым занятием великого ученого, по его собственному признанию, было «рыться в книгах», но в то же время «книги были для него орудиями умственного труда, — вспоминал П. Лафарг, — а не предметами роскоши. «Они мои рабы и должны служить мне, как я хочу...» Он был одно целое со своей рабочей комнатой, находящиеся в ней книги и бумаги повиновались ему так же, как члены его собственного тела»¹¹. Так же любили книги Ф. Энгельс¹² и В. И. Ленин¹³. А как захватывающе интересны материалы о библиотеках Ломоносова, Пушкина, Достоевского, Л. Толстого, Чехова, Горького!

Рискуя навлечь на себя негодование некоторых библиофилов, скажу, что ничего не понимает в любви к книгам тот, кто считает, будто писатель и ученый не любят нужные им для работы книги.

Таким образом, нет и не может быть только какой-то одной формы любви в книге. Они различны, как различны исторические эпохи, как различны люди, как различны сами книги. А. Франс сказал о библиофильстве, что это «долгая и мирная страсть». О первой части этого определения спорить не стану: действительно, кто полюбил книгу, разлюбить ее не сможет. Но о «мирном» характере любви к книгам говорить едва ли можно: если у читателя хватит терпения дочитать эту книгу до конца, он убедится в том, что гамма чувств, связанных с любовью к книге, значительно обширнее.

Но собираем ли мы книги «как таковые» или «хорошие», или «редкие» и «ценные», или, наконец, «нужные», мы уже имеем дело не с отдельной книгой, а с библиотекой, маленькой или большой, не так в конце концов важно. Здесь особо существенную роль играет вопрос о «профиле» или «лице» библиотеки, о ее составе, полноте подбора интересующих книголюбца изданий, о степени их сохранности, даже о красоте переплетов. Библиотека, правильно собранная и пополняемая,— это отнюдь не механическая сумма отдельных книг, не случайное нагромождение произведений печати. В настоящей библиотеке книголюбца должна быть своя логика, вернее, должна ощущаться логика собирательства, логика ее владельца. У библиофила (в моем понимании слова) то может появиться интерес к новым областям собирания, то утратиться интерес к прежним. Иногда, достигнув полноты подбора в определенной ветви своего коллекционирования, книголюб обнаруживает, что его начинает привлекать та область библиофильства, которая у него была представлена слабо или вовсе отсутствовала, и тогда начинается полоса новых поисков, покупок, обменов и тому подобных способов пополнения собрания.

Именно поэтому настоящие библиофильские библиотеки редко похожи друг на друга. Я говорю «настоящие библиофильские библиотеки», потому что во многих случаях создаются «модные» библиофильские коллекции. О таких библиотеках известно еще со времен античности. Были они и у нас — и в XVIII веке, и XIX, и XX. Существует достоверный рассказ

о том, что один из фаворитов Екатерины II, малообразованный гвардейский офицер И. Н. Корсаков, вздумал обзавестись библиотекой. На вопрос приглашенного книгопродавца, какие книги он предпочитает, Корсаков ответил: «Это ваше дело, а мне все равно. Ставьте только большие книги на нижние полки, а маленькие на верхние. Словом, сделайте так, как это сделано у государыни». Надо признать, что у этого «модного» библиофила была все-таки наблюдательность: он усвоил форматный метод расстановки книг.

Настоящие же библиотеки книголюбов — зеркало их умственных и эстетических интересов, материализованная совокупность их усилий в определенных областях собирательства, связанного с их каждый раз особой — индивидуально выражающейся — любовью к книге.

У библиофилов в большой цене рассказы их коллег, в особенности прославленных книголюбов, о том, как они собирали свои библиотеки. Мне кажется, что гораздо интереснее были бы рассказы самих библиотек — если бы они могли рассказывать — о том, как их собирали, о том, какова их судьба, каковы библиофильские судьбы их владельцев. Книжки могли бы рассказать, что, попав из библиотеки одного собирателя в библиотеку другого, они приобретали новые качества, так как образовывали иные комбинации с уже ранее имевшимися книгами или с книгами, которые поступили в эту коллекцию позже.

Но вот собирание библиотеки по тем или иным причинам заканчивается, владелец знает и чувствует, что вынужден будет с ней расстаться. Сохранится ли она как памятник культуры данного народа, как драгоценное пособие для других ученых, писателей, учащихся, вообще культурных людей страны или вновь рассыплется, книги попадут в водоворот книжного обращения и многолетний труд по составлению библиотеки, вложенные в нее знания и вкус пойдут прахом?

Эти вопросы не могут не стоять перед каждым истинным книголюбом. Мысль о будущем своей библиотеки невольно окрашивает последние годы каждого собирателя в мрачные, тревожные тона. Благо тому книголюбу, который сумеет обеспечить

своему жизненному труду спокойное пристанище! Библиотека для него по-своему живое существо, и не думать о ее будущем он не может.

И, может быть, именно по этой причине свои библиофильские воспоминания книголюбы пишут в старости, впрочем, как и большая часть мемуаристов.

Мои очерки — не воспоминания о том, как я собирал книги, по каким принципам, у кого покупал, что покупал, какие были у меня удачи и неудачи и т. д. О своей библиотеке я скажу очень коротко. Я собираю книги по литературе и театру (преимущественно до XIX века) по литературоведению, литературе народов СССР, книговедению и библиографии. Количество названий, включая брошюры и отписки, свыше 30 тысяч.

Люблю ли я одинаково все свои книги? Не думаю. Но мне трудно расставаться с любой книгой моей библиотеки; мне всегда кажется, что я потом пожалею о том, что «отпустил» ее, и так действительно было несколько раз, когда я обменивал «ненужные» книги на «нужные» или дарил товарищам книги из своей библиотеки. Я сделал также наблюдение, что почти ни одна книга не является для меня абсолютно лишней: в какой-то определенный момент она оказывается нужной, полезной — либо мне, либо моим друзьям и ученикам. Но не нужно из этого делать вывод, что следует покупать все, что стоит на полках книжных магазинов, — авось когда-нибудь пригодится. Любовь к книге не должна превращаться в любовь к приобретению книг.

КНИЖНЫЕ МИСТИФИ- КАЦИИ И ПОДДЕЛКИ

В

собрании каждого библиофила, в особенности старого, есть такие книги: о них вспоминаешь неохотно, а когда они попадают на глаза, стараешься их не замечать. При покупке этих книг библиофила одурачили — подсунули дефектный экземпляр, в котором не достает одной или нескольких страниц, гравюр, таблиц, карт; либо дорого стоящая книга оказалась реставрированной; либо обнаружилось, что сочинение, напечатанное в нескольких томах, оказалось «сборным», составленным из томов, взятых

из разных изданий; либо, наконец, выяснилось, что экземпляр «с петушком», то есть с тетрадками с вшитыми из другого тома произведений того же автора или из совсем другого издания. Большая часть таких книг покупалась обычно не в антикварных магазинах, куда дефектный экземпляр можно вернуть, а на толкучках, барахолках или с рук.

Особенно опасны реставрированные книги — их чаще всего покупают в антикварных магазинах. Реставрированным называется экземпляр, восстановленный из дефектного: недостающая страница или страницы переносятся в него из другого дефектного экземпляра, и хорошо еще, если из экземпляра того же издания; иногда же отсутствовавшие ранее страницы дополняются искусно скопированными при помощи пера и туши. В истории книжных реставраций известно несколько знаменитых мастеров этого дела. Так, например, в Британском музее, крупнейшей библиотеке Англии, с определенного времени реставрированные страницы стали помечать особым значком, после того как реставратор (имя его мне не известно) сам не мог отличить своей работы от подлинных страниц книги. В парижской Национальной библиотеке много лет работал в качестве реставратора некто Адам Пилинский, виртуозно воспроизводивший любой шрифт, выдерживая мельчайшие особенности копируемого оригинала.

Покупая редкую книгу, опытные антиквары тщательно проверяют ее от первой страницы до последней, обращая внимание на самые, казалось бы, незначительные подробности. Рассказывают, что парижский антиквар Порке, просматривая предложенный ему экземпляр редкостной инкунабулы, заметил, что в большом томе, попорченном от начала до конца книжным червем, только одна-единственная страница не имела дырочек — эта страница и оказалась реставрированной.

Однако от подобного рода обмана библиофилов, все же в основе своей имеющего дело с «настоящей» книгой, надо отличать книжные мистификации и подделки. В последнем случае создаются книги хотя и реальные, но выдаваемые не за то, чем они являются на самом деле. Именно о нескольких таких

книгах, или, вернее, о людях, их изготовлявших, пойдет в дальнейшем речь.

Но прежде условимся о терминах.

Книжной мистификацией называют издание, выпущенное автором в свет не с целью обогащения, а для того, чтобы посмеяться над легковерием читателей, особенно читателей-библиофилов. Подделка же всегда преследует цель наживы, хотя и строится в расчете на ту же библиофильскую доверчивость.

Книжные мистификации редко возникают самостоятельно — они являются лишь разновидностью бытовой и литературной мистификации вообще и тесно связаны с модой на таковые. Историки европейской культуры XVIII — первой половины XIX века установили, что в течение более чем столетия в Англии и Франции была в чрезвычайной моде мистификация — бытовая, научная, литературная, театральная, книжная и т. п. Интересные материалы по этому поводу и вообще о литературных подделках собраны в ряде работ французских, английских, немецких, русских и других ученых ¹⁴.

И только модой на мистификации можно объяснить те случаи, о которых я хочу рассказать.

В 1840 году английские и французские библиофилы были чрезвычайно взволнованы появившимся в продаже аукционным каталогом ранее совсем неизвестной библиотеки графа Фортса (Fortsas). Каталог содержал не только величайшие книжные редкости, но и книги, совершенно не известные библиографам и книголюбам. Библиотека распродавалась в маленьком французском городке, в особняке владельца. В назначенный день туда съехались крупнейшие библиофилы Англии, Франции, Бельгии и Голландии; оказалось, что нет ни аукциона, ни дома графа Фортса, ни самого графа. Все это подстроил в целях мистификации некий Р. Г. Г. Чэйлон ¹⁵.

У организатора этой проделки были очень интересные предшественники, тоже англичане и притом из высшего аристократического и академического круга, которые еще в XVIII веке в шутку выпустили в свет два издания, причинившие немало хлопот библиофилам, историкам литературы и историкам журналистики.

Первое издание, выпущенное этой группой шутников, известно и русским читателям и библиофилам, интересующимся книгой начала XIX века. В 1804—1805 годах в Москве вышли из печати две части книги, имевшей по обычаю того времени пространное заглавие: «Афинские письма, или Переписка одного агента, находившегося по тайным препоручениям от царя персидского в Афинах, в продолжение войны Пелопонесской, сочиненные английским ученым обществом. Переведено с французского»¹⁶.

В предисловии к русскому переводу кратко излагается история этой книги: «„Афинские письма“, над сочинением которых трудилось общество молодых приятелей, учившихся в Кембриджском университете, напечатаны на английском языке в 1741 году для круга знакомых людей, не для публики. В 1781 году вышло второе издание, но не обратило на себя внимание. Наконец, знаменитый творец «Путешествия младшего Анахарсиса»¹⁷ в 1789 году получил в подарок от милорда Довера один экземпляр «Афинских писем» и признался перед целым светом, что не начал бы писать своего «Анахарсиса», если бы знал, что существуют «Афинские письма». Очень лестная похвала! Английская переписка содержит в себе занимательнейшую часть греческой истории и основывается на свидетельствах Геродота, Фукидида, Плутарха, Страбона и проч.»¹⁸.

Предисловие к русскому изданию было заимствовано М. Т. Каченовским из французского перевода «Афинских писем», вышедшего в свет в 1801 году. К этому времени все участники мистификации умерли, и в печать постепенно проникли сведения о происхождении книги, вызвавшей такую лестную оценку Бартеlemi.

«Английское ученое общество», о котором говорилось на титульном листе русского перевода «Афинских писем», представляло собой компанию веселых, жизнерадостных и беззаботных, но в то же время очень способных английских аристократов, студентов Кембриджского университета. Дело происходило в 1739—1740 годах. Однажды собрались девять студентов, одна молодая леди и молодой ученый. В числе участников группы были два брата графы

Йорк-Хардуики, сыновья великого канцлера, Филипп и Чарльз, из которых первый был впоследствии видным политическим и литературным деятелем, а второй играл еще более крупную роль: — достиг того же звания, что и его отец, — звания великого канцлера. Старшему участнику дружеской компании, священнику Томасу Бэрчу, в это время уже академику (члену Королевского общества) и члену Общества антиквариатов (собирателей древностей), очень покровительствовало семейство Хардуиков. Вскоре он должен был получить звание доктора богословия, позднее он стал видным английским историком, автором и издателем многочисленных трудов, долгое время был непременным секретарем Королевского общества и директором Британского музея, Это не мешало Т. Бэрчу быть светским человеком, любить шутку и ценить настоящее остроумие.

Кому-то из компании (скорее всего Бэрчу) пришла мысль затеять игру. Пусть каждый вообразит себя греком, шпионом персидского царя: он собирает сведения о греческом обществе в годы Пелопонесской войны (431—404 годы до н. э.) и отправляет свои письма в Персию. Мнимые донесения должны опираться на источники, современные той эпохе, и показывать тогдашнего грека точно таким, каким он был, — с его манерой думать, поступать, говорить и писать. Игра увлекла молодых людей, они много работали над своими «донесениями», и в результате получилась очень интересная книга, которую авторы потом напечатали в количестве 12 экземпляров. Каждое письмо было подписано инициалом имени автора. Книга выдавалась за перевод с редчайшей греческой рукописи.

Через сорок лет «Афинские письма» были переизданы в ста экземплярах, но опять не для продажи, а для узкого круга знакомых. И только после смерти Филиппа Йорк-Хардуика (1720—1790)¹⁹ сын его напечатал «Афинские письма» (1798) для широкой публики, рассказав в предисловии историю книги и раскрыв мистификацию, длившуюся более полувека.

Остроумная выдумка авторов писем была в конце концов безобидной шуткой и не вызвала никаких научных споров и недоразумений. Более серьезные

последствия имела другая их проделка, оставившая значительный след в истории английской и тем самым европейской журналистики, след, замечаемый до начала XX века.

Идея «Афинских писем» настолько понравилась Ф. Йорк-Хардуику, что он решил использовать ее с соответствующими изменениями для другой литературной мистификации, которую он осуществил в сотрудничестве с тем же Т. Бэрчем.

«Допустим, что газеты существовали уже в 1588 году, в период испано-английской войны, когда Филипп II послал в Англию «непобедимую армаду», свой прославленный и до того времени не знавший поражений флот. Как выглядела бы тогдашняя газета?» — задал себе вопрос Ф. Йорк-Хардуик. Он стал изучать современные источники и исследовательскую литературу и затем вместе с Т. Бэрчем стал готовить «газету 1588 года». За образец они взяли английские газеты конца XVII века, применили орфографию хотя и не совсем современную той эпохе, но, в общем, не особенно от нее отличающуюся. Ф. Йорк-Хардуик писал Т. Бэрчу, что следовало бы попытаться найти типографию, располагающую шрифтами конца XVI века и старинной по внешнему виду бумагой. Однако от этого намерения пришлось отказаться, и газета, названная «Английский Меркурий» («The English Mercurie»), была напечатана в четырех-пяти экземплярах обыкновенными шрифтами XVIII века в той же самой типографии, в которой печатались «Афинские письма». В своей газете мистификаторы изложили события самого острого периода борьбы испанцев против англичан — между 23 июля и 24 ноября 1588 года — и выпустили пять номеров, от № 50 до № 54. Авторы «Английского Меркурия» не очень заботились о том, чтобы отойти от газетных приемов современной им эпохи. В привычной для середины XVIII века журналистской манере они сообщали о подготовке «непобедимой армады», вооружении Англии, оценке Иаковом VI шотландским политических событий и, наконец, о славной победе; тут же были «заграничные новости» и объявления о выходе в свет не существовавших никогда книг.

Два или три экземпляра «Английского Меркурия» Ф. Йорк-Хардуик роздал друзьям, не делая секрета из своей выдумки; поэтому лица, получившие в подарок «газету 1588 года», не придали ей значения и не сочли нужным сохранить ее. По-видимому, не дошли до нашего времени и экземпляры, принадлежавшие инициатору этой затеи Ф. Йорк-Хардуику.

Зато Т. Бэрч тщательно сохранил не только комплект «Английского Меркурия», но также и корректуры газеты и свою переписку с Ф. Йорк-Хардуиком по поводу нее. После смерти Бэрча его библиотека и архив поступили в Британский музей, где «Английский Меркурий» благополучно покоился на полке, пока в начале 1790-х годов на него не наткнулся молодой любитель древностей — антикварий Джордж Чалмерс. Человек солидных знаний, но совершенно неспособный к исторической и филологической критике, Чалмерс принял «Английский Меркурий» за действительную газету конца XVI века (впоследствии он признал подлинными подделки шекспировских произведений, сфабрикованные неким Айрлэндом).

Так как было известно, что первая в Европе регулярная газета стала выходить во Франции с 1631 года, то Д. Чалмерс, ярый английский патриот, обрадовался тому, что «Английский Меркурий» более чем на сорок лет опередил «La Gazette» Теофраста Ренодо. В это время во Франции происходила революция, к которой Чалмерс относился очень враждебно; это обстоятельство еще больше распалало националистические настроения английского ученого. В 1794 году он издал «Биографию Томаса Рэддимэна», филолога и журналиста XVIII века; в ней Чалмерс изложил историю английской журналистики, начиная с «Английского Меркурия» 1588 года. «Открытие» произвело огромное впечатление в Англии и во всей Европе, и версия Чалмерса получила необычайно широкую популярность и вызвала длительные споры между французскими и английскими историками журналистики по вопросу о приоритете в создании первой регулярной газеты.

Но уже в 1839 году, когда заведующий читальным залом Британского музея Т. Уотс — по-видимому, первый после Чалмерса — обратился непосредственно к комплекту «газеты 1588 года», стало ясно, то «Английский Меркурий» был напечатан много позже. Лишь через десять лет Уотс рискнул выступить с «Письмом о так называемой старейшей английской газете». Использованные им материалы переписки Ф. Йорк-Хардуика с Т. Бэрчем не оставляли и тени сомнения в подложности «Английского Меркурия». И хотя авторы «газеты 1588 года» не собирались никого обманывать и только наивность Чалмерса явилась источником недоразумения, английские журналисты, раздраженные подрывом национального престижа, осыпали бранью память графа Йорка.

И тем не менее еще в 1911 году и, по-видимому, позже находились ярые сторонники подлинности «Английского Меркурия» и приоритета англичан в области создания периодической печати ²⁰.

Я рассказал о книжных мистификациях, сознательных или невольных, но, во всяком случае, не преследовавших никаких материальных выгод. Однако история литературы и история библиофильства знают много случаев преднамеренного обмана читателей с целью извлечения дохода от сбыта этих подделок. Почти все известные в литературе примеры подобного рода фальсификаций являются подделками литературных произведений, а не книг, то есть фальсификаторы изготавливали мнимое сочинение какого-либо известного или, напротив, совершенно неизвестного автора и печатали свои фабрикаци как современные книги, воспроизводящие якобы старый литературный текст. Таковы, например, романы и поэмы, приписывавшиеся популярным писателям XVIII—XIX веков (Анне Радклиф, Вальтеру Скотту, Бальзаку, Пушкину и др.). Такие подделки не являются обманами книжными.

Книжной подделкой надо считать рукописную или печатную книгу, изготавливаемую фальсификатором не как литературное произведение, а именно как новый экземпляр известной уже книги или экземпляра неизвестного издания известной книги.

В этих случаях текст произведения чаще всего не содержит никаких отклонений от обычного текста; основная и единственная цель такой подделки — создание новых экземпляров книги, рукописной или печатной. Впрочем, иногда литературная подделка сочетается с книжной, и трудно определить, где кончается одна и начинается другая.

Чаще всего изготовители поддельных рукописных книг останавливали свое внимание на таких литературных произведениях, которые пользуются у библиофилов и вообще в науке большой популярностью и известны в минимальном количестве экземпляров.

Таковы поддельные рукописи «Слова о полку Игореве», которое, как известно, дошло до нас в одном экземпляре и погибло во время пожара Москвы. Сразу после Отечественной войны 1812 года стали появляться подделки рукописей этого замечательного памятника древнерусской поэзии. Все они были изготовлены купцом Антоном Ивановичем Бардиным.

По-видимому, Бардин был не одинок в изготовлении поддельных древнерусских рукописей. Исследователям известны и другие сфабрикованные в начале XIX века памятники древнерусской письменности — «Русская правда», «Устав Ярослава», «Житие Бориса и Глеба» и др. Фальсификаторы были в то время еще довольно неопытны. «Для подделки, — пишет А. Н. Пыпин, — брался обыкновенно пергамен, почерк подражал старому уставу, писалось по-старинному по разграфленным линейкам; в конце прибавлялось иногда послесловие, которое должно было подтверждать древность рукописи, — но всякому, кто имел дело с настоящими старыми рукописями, подделка не может не броситься в глаза: пергамен чистенький, края обрезаны ровненько, иногда даже свежий переплет; самое письмо не умеет схватить особенности старого устава с его определенными чертами»²¹.

Таким образом, Бардину повезло в том отношении, что его имя как фальсификатора из корыстных целей — едва ли не единственное — сохранилось в истории науки и библиофильства.

Еще более древние рукописи изготовлял Александр Иванович Сулакадзев, человек совершенно

инного склада, действовавший на поприще фальсификации рукописей вовсе не ради наживы.

Этим лицам посвящена посмертно напечатанная статья акад. М. Н. Сперанского «Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев)»²². Сведений об этих лицах М. Н. Сперанский сообщает крайне мало: «Так же, как и про Бардина, об А. И. Сулакадзеве, как личности, мы знаем очень немного, хотя имя его довольно часто встречается в письмах и мемуарах начала прошлого века». И далее он пишет: «На основании этих упоминаний мы представляем себе общественное положение Сулакадзева приблизительно так: титулярный советник, бывший офицер-гвардеец, человек, по-видимому, материально обеспеченный, он принадлежал к числу коллекционеров—собирателей старины и редкостей»²³.

Из библиографических ссылок к цитируемой статье видно, что М. Н. Сперанскому остался неизвестен ряд источников, немного дополняющих собранные им сведения,— правда, об одном только Сулакадзеве.

Вот что мне удалось узнать.

Предки Сулакадзева, грузинские дворяне Цулукидзе, прибыли в Россию, по-видимому, вместе с царем Вахтангом VI при Петре Великом и здесь окончательно обрусели. Фамилия их писалась по-разному: Салакатцевы, Салакадзевы, Суликадзевы, Сулакадзевы. Иван Салакатцев, очевидно, отец подделывателя, учился в Московской университетской гимназии одновременно с Д. И. Фонвизиным и Н. И. Новиковым.

Существует печатная копия записи, сделанной А. И. Сулакадзевым в синодике (поминальной книге) Валаамского монастыря; в этой записи перечисляются предки Сулакадзева, но проф. И. А. Шляпкин, снимавший копию с этого документа, почему-то их имена пропустил²⁴. То обстоятельство, что Сулакадзев имел в Петербурге «в Семеновском полку собственный дом № 35 по 1 роте 4 квартала»²⁵, дает некоторые основания считать, что до отставки он был офицером Семеновского полка.

В своей статье о рукописях Валаамского монастыря И. А. Шляпкин мимоходом так характеризует

Сулакадзева: «...«Хлестаков археологии», имел непостижимую дерзость выдумывать невозможный вздор, которому, быть может, и сам верил»²⁶.

В другом источнике о Сулакадзева рассказывается следующее: «Гаврила Романович Державин толковал о каком-то Селакадзева, у которого будто бы находится большое собрание русских древностей и, между прочим, новгородские руны и костыль Иоанна Грозного. Он очень любопытствовал видеть этот русский музей и приглашал А. С. Шишкова и А. Н. Оленина осмотреть его. «Мне давно говорили о Селакадзева,— сказал Оленин,— как о великом антиквари, и я, признаюсь, по страсти к археологии, не утерпел, чтобы не побывать у него. Что ж, вы думаете, я нашел у этого человека? Целый угол наваленных черепков и битых бутылок, которые выдавал он за посуду татарских ханов, отысканную будто бы им в развалинах Серая; обломок камня, на котором, по его уверению, отдыхал Дмитрий Донской после Куликовской битвы; престрашную кипу старых бумаг из какого-нибудь уничтоженного богемского архива, называемых им новгородскими рунами; но главное сокровище Селакадзева состояло в толстой, уродливой палке, вроде дубины, употребляемой кавказскими пастухами для защиты от волков; эту палку выдавал он за костыль Иоанна Грозного, а когда я сказал ему, что на все его вещи нужны исторические доказательства, он с негодованием возразил мне: «Помилуйте, я честный человек и не стану вас обманывать». В числе этих древностей я заметил две алебастровые статульки Вольтера и Руссо, представленных сидящими в креслах, и в шутку спросил Селакадзева: «А это что у вас за антики?» «Это не антики,— отвечал он,— но точные оригинальные изображения двух величайших поэтов наших, Ломоносова и Державина». После такой выходки моего антиквари мне осталось только пожелать ему дальнейших успехов в приращении подобных сокровищ и уйти, что я и сделал»²⁷.

Приведенный отрывок из «Записок» Жихарева известен в литературе о Сулакадзева. Но вот еще одно не привлекающее внимание свидетельство современника об этом странном человеке.

«В Петербурге было <в 20-е годы XIX века.— П. Б.> одно, не очень благородное общество, члены которого, пользуясь общею, господствовавшей тогда склонностью к чудесному и таинственному, сами составляли под именем белой магии различные сочинения, выдумывали очистительные обряды, способы вызывать духов, писали аптекарские рецепты курений и т. п. Одним из главных был тут некий Салакадзе, у которого бывали собрания, и в доме его в одной комнате висел на потолке большой крокодил»²⁸. Итак, современники, характеризуя Сулакадзева как антиквария, любителя старины, ничего не говорят о его библиотеке. Однако о ней сохранились более полные и надежные сведения, чем о коллекции древностей. Это два каталога библиотеки Сулакадзева, составленные им самим; оба напечатаны²⁹, из них явствует, что у владельца был еще более полный каталог, который, по-видимому, не дошел до нас или, может быть, еще не обнаружен в архивах или рукописных отделениях государственных книгохранилищ.

В конце второго каталога, содержащего описание шестидесяти двух рукописных книг, Сулакадзев сделал приписку: «Всех рукописей имеется 290, причем много весьма редких книг на разных языках 15-го, 16-го, 17-го, 18-го и сего <то есть XIX.— П. Б.> веков». Из этой приписки можно заключить, что в дошедшие до нас каталоги Сулакадзев включил наиболее редкие книги своей библиотеки³⁰.

И действительно, в обоих перечнях находится немало старинных и редких рукописей. Однако еще больше в них книг никогда не существовавших, выдуманных самим Сулакадзевым, не менее фантастичных, чем принадлежавший ему обломок камня, на котором отдыхал Дмитрий Донской после Куликовской битвы.

Вот, например, № 1 из второго каталога. Сначала идет заглавие на греческом языке: «Священная и православная»,— а далее следует пояснение Сулакадзева: «Номоканон³¹ на древнем греческом языке с примечаниями собственных рук древних ученых греческих отцов, патриархов и проч., написанный в 459 году по Р. Х., включает в себе многое, о чем идут ученые споры. Сия рукопись из числа тех, кото-

ры были кидаемы в огонь в 642 году по повелению калифа Омара из Александрийской библиотеки; на ней есть признаки сжигания сверху. Пергамент и тонкий, как атлас, гладкий, какой с 10-го века редко попадается».

Вот № 15: «Таинственное учение из Ал-Корана, на древнейшем арабском языке, весьма редкое — 601 года»³².

Или вот № 4: «Амана и Мардохея история, или Полнейшая книга Эсфири библейской, писана на еврейском языке без точек; на ней имеются надписи: 1) Жреца Имира 910 г. во время Олега... 2) подпись посадников новгородских, бывших во время св. Владимира: Угоняй, Язь Стоян, Руд Путята 989 г. ... 3) на обороте записей Ярослава I ... 1051 г.»

Однако наибольший интерес представляют рукописи, содержание которых взято из славянской «древности» и мнимославянской мифологии: «Люб Адамль, X века, рукоп[ись] смерда Вnezдилища, о холмах [волхвах?] новгородских, о тризнах Злогора, Коляде вандаловой и округе Буриовой и Владимира, на коже белой», «Коледник V века дунайца Яловца, писан[ный] в Киеве, о поклонении Тройским горам, о гаданиях в печерах и днепровских порогах русалами и кикимрами», «Волховник... рукопись VI века, Колота Путисила, жившего в Русе граде, в пещере», «Поточник, рукопись 8 века, жреца Солнцеслава», «Путник, IV века», «Иудино послание, рукопись на славянском языке второго века, претрудно читать, на шкуре»³³.

Была в собрании Сулакадзева еще одна удивительная «редкость»: «Молитвенник св. великого князя Владимира, которым его благословлял дядя его Добрыня». Об этой книге писал Н. А. Макаренко (см. прим. 30)

Особенно повезло двум рукописям Сулакадзева — на них обратил внимание Державин во время своего посещения «русского музея» антиквария, сделал из них выписки и включил отрывки в свое «Рассуждение о лирической поэзии», сопроводив последние осторожными оговорками.

Вот как описаны эти рукописи в каталогах Сулакадзева: «Боянова песнь Славену — буквы греческие

и рунические. Время писания не видно, смысл же показывает лица около I века по Р. Х. или позднейших времен Одина. Отрывки оной с переводом были напечатаны в журнале, издаваемом Г. Р. Державиным под заглавием: «Чтение в Беседе любителей российской словесности», 1812 г., в книге 6-й, стр. 5 и 6 ... Драгоценный сей свиток любопытен и тем, что в нем изъясняются древние лица, объясняющие Русскую историю, упоминаются места и проч.». В другом каталоге Сулакадзев более подробно передал содержание этой рукописи: «Боянова песнь в стихах выложенная им, на Словеновы ходы, на казни, на дары, на грады, на волховы обаяния и страхи, на Злогора, умлы и тризны, на баргаменте разном малыми листками сшитыми струною. Предревнее сочине[ние] от 1-го века или 2-го века».

Вторая рукопись такова: «Перуна и Велеса вещания в Киевских капищах жрецам Мовеславу, Древославу и прочим. Века в точности определить нельзя, но видимы события V или VI века. Отрывки оной рукописи с переводом были напечатаны Державиным. Писана стихами, не имеющими правила. Паргамент весьма древний, скорописью, и, видимо, не одного записывателя, и не в одно время писано, включает ответы идолов вопрошающим — хитрость оракула видна — имена множества жрецов, и торжественный обычай в храме Святовида, и вся церемония сего обряда довольно ясно описана, а при том вид золотых монет, платимых в божницу и жрецам. Достойный памятник древности».

Обращает на себя внимание то, что у Сулакадзева эта рукопись приурочена к Киеву, а Державин почему-то упорно называл ее «ответами новгородских жрецов».

Кроме фабрикации подделок, Сулакадзев занимался еще тем, что портил действительно древние рукописи, принадлежавшие ему, «приписками», которые делали якобы их мнимые поздние владельцы или читатели.

После смерти Сулакадзева (1830) его вдова предполагала продать библиотеку «знаменитого антиквария» за 25 тысяч рублей, но ей не удалось осуществить это намерение. В том же году она вторично

вышла замуж и, по-видимому, уехала на Украину, а библиотека, брошенная ею на произвол судьбы, позднее была куплена за бесценок книгопродавцем Шапкиным, торговавшим на Апраксином рынке. Печатные книги сулакадзевского собрания купили у Шапкина петербургские библиофилы Я. Ф. Березин-Ширяев, проф. Н. П. Дуров, М. И. Семевский, а рукописи — кн. П. П. Вяземский, тот же Н. П. Дуров, Московский Публичный и Румянцевский музеи и Археографическая комиссия³⁴.

Куда девались главные редкости библиотеки Сулакадзева — «Боянова песнь Славену» и «Перуна и Велеса вещания в Киевских капищах», — сведений в литературе нет. Поэтому отрывки из них, которые сохранил Державин в «Рассуждении о лирической поэзии», только и могут дать нам представление об этих фальсификациях Сулакадзева, «честного человека», как он охарактеризовал себя в беседе с А. Н. Олениным.

«Рассуждение о лирической поэзии» Державин создавал в 1811—1816 годах, печатая отдельные разделы его в журнале «Чтения в Беседе любителей российской словесности» (1811—1812). В то время, когда поэт писал о лирике средних веков, он решил посетить Сулакадзева, чтобы посмотреть так называемые «новгородские руны». Вот как описывает это посещение уже цитированный нами выше С. П. Жихарев: «По приезде Державин, не обращая внимания на другие предметы, бросился рассматривать новгородские руны и, к общему удивлению, отыскал несколько отрывков, которые его заинтересовали до такой степени, что он тотчас же списал их и впоследствии поместил в рассуждение свое о лирической поэзии, читанное в Беседе...»³⁵

Позднее, в 1816 году, обрабатывая текст «Рассуждения о лирической поэзии», Державин вновь получил от Сулакадзева список заинтересовавших его отрывков³⁶ и включил в свой трактат не только «славянский» текст и свой русский перевод, но и воспроизведение «рукописи» I и VI веков³⁷. Не приходится и говорить о том, что «почерк» I и VI веков является наивной подделкой Сулакадзева, но он не выдумал эти азбуки: для первой азбуки некоторые буквы

были взяты им из «пермских писем» (л и т, представляющие те же буквы славянского алфавита, но в перевернутом виде), другие — из обычной славянской азбуки, но с некоторыми изменениями (е писалось в обратную сторону) или с присвоением им другого звукового обозначения (к означало о) и т. д. Кое-что было заимствовано, вероятно, из глаголической азбуки и из скандинавских рун. Вторая азбука Сулакадзева ближе к скорописи XIV—XV веков.

Язык «Гимна Боянова» и «Изречений или ответов новгородских жрецов», сфабрикованных Сулакадзевым, представляет, по словам М. Н. Сперанского, «бессвязный набор слов, показывающих бессилие автора справиться с самыми простыми оборотами старинной речи; в то же время чем «древнее» был текст приписи, тем такая бессвязность больше бросается в глаза»³⁸.

Приведу для примера отрывок из «Песни Бояновой Славену» по записи Державина с его же переводом:

Мчи Бояни на языци оста
Памети Злгорь Волхви глоти
Одину памяти Скифу гамъ
Злым пески тризны сыпи

Перевод:

Мечи Бояновы на языке остались;
Память Злогорь Волхвы поглотили,
Одину вспоминание, Скифу песнь.
Златым песком тризны посыплем³⁹.

Исследователи, писавшие о Сулакадзеве (Пыпин, Сперанский), ставили вопрос об «историко-литературных условиях, дававших возможность подделки, и о психологии фальсификатора»⁴⁰. Они пришли к одинаковым выводам. «Едва ли сомнительно, — писал А. Н. Пыпин, — что это был не столько поддельщик, гнавшийся за прибылью, или мистификатор, сколько фантазер, который обманывал и самого себя. По-видимому, в своих изделиях он гнался прежде всего за собственной мечтой восстановить памятники, об отсутствии которых сожалели историки и археологи; вывести на сцену самого Бояна, о котором лишь неясно говорило Слово о полку Игореве: объяснить древние события, о которых не осталось никаких

сведений... Древность представлялась Сулакадзеву в таинственных и фантастических очертаниях: без сомнения, до него дошли творения Оссиана; ему помнилось Слово о полку Игореве; по его каталогу видно, что он рылся в старых книгах, знал поллатыни, умел, по крайней мере, читать по-гречески. Главной чертой остается фантастическое представление о старине... В этом смысле его фальсификации составляют черту времени...»⁴¹

«Фальсификаторская деятельность Сулакадзева, — пишет М. Н. Сперанский, — характерна для эпохи общеевропейского романтизма, вызвавшего и на Западе несколько ранее, нежели у нас, полосу подделок старины в области истории и литературы. Мечтания в духе «Оссиана», как известно, в это время окрашивали представления о старине в литературе»⁴².

Таким образом, характеристики Сулакадзева, данные ему разными учеными, чуть ли не исключают друг друга: И. А. Шляпкин называет его «Хлестаковым археологии», А. Н. Пыпин — «археологическим романтиком», М. Н. Сперанский — мечтателем «в духе Оссиана». Если мы вспомним еще «белую магию» и большого крокодила, висевшего под потолком одной из комнат квартиры Сулакадзева, то можно к приведенным выше характеристикам прибавить еще предположение: был ли он нормальным человеком?

Чтобы закончить раздел о фальсификаторах рукописей в начале XIX века, приведу эпизод, который непонятным образом оказался вне поля зрения исследователей, занимавшихся историей славяноведения и историей литературных и книжных подделок.

В своей книге «Известие о древностях славяно-русских и об Игнатие Ферапонтовиче, первом собирателе оных» (1811) К. Ф. Калайдович писал: «Моравский⁴³ дворянин Ганкенштейн хотел обмануть нас славянскою рукописью, будто бы 8-го века (он продавал ее); но доказательства его признаны недостаточными». К этому месту Калайдович сделал примечание, в котором говорится, что «помянутый дворянин в 1803 году прислал из Ольмица в св.

Синод описание церковной славянской книги будто бы 8-го века; но доказательства его признаны недостаточными. Ганкенштейн, несмотря на то, в 1804 году напечатал в Офене⁴⁴ свое описание под заглавием:

«Rezension der ältesten Urkunde der slavischen Kirchengeschichte, Literatur und Sprache, eines pergamentenen Codex aus dem achten Jahrhunderte»⁴⁵. На сию книгу критические замечания можно читать в петербургском журнале любителей словесности (1806, май)⁴⁶.

Судьбу этой рукописи, по всей видимости, поддельной, мне не удалось проследить. Из «Примечаний», напечатанных в журнале «Любители словесности» (1806, май, стр. 140—152; статья принадлежит Евгению Болховитинову), нельзя сделать прямого заключения о том, что рукопись сфабрикована Ганкенштейном; рецензент считает, что владелец рукописи только неправильно ее датирует VIII веком.

О Иоганне-Алоизе Ганке фон Ганкенштейне (1751—1806) известно, что он был австрийским немцем, служил библиотекарем в Ольмютце (Оломоуце), хорошо знал чешский язык и литературу, переводил с русского. Он собирался издавать журнал «Славянка», первый номер которого и составляла его книга, названная Калайдовичем⁴⁷.

Я рассказал о подделках рукописных книг. Фальсификация печатных книг, то есть книжные подделки в собственном смысле, значительно труднее, и поэтому они встречаются реже. Из истории «Английского Меркурия» видно, что Ф. Йорк-Хардуик понимал необходимость печатания «газеты 1588 года» на бумаге, современной выбранной эпохе, и соответствующими шрифтами; однако в середине XVIII века нельзя уже было достать ни того, ни другого. Еще сложнее стало подделывать книги в XIX веке, и несоблюдение необходимых условий часто приводило к провалу фальсификации.

Впрочем, в конце XVIII века в двух французских городах было налажено производство «первых изданий» наиболее ценившихся коллекционерами классиков: в Лионе печатались произведения Расина, в Руане — Мольера. Воспроизведение делалось страница в страницу, строчка в строчку; точно соблюда-

лись шрифты, титульные листы, виньетки. Чтобы лучше обмануть наивных книголюбов XVIII века, книги держали над дымом, и они приобретали желтизну старой бумаги ⁴⁸.

В XIX веке, когда вместо тряпичной бумаги стали применять бумагу из древесной массы, подделка старых книг сделалась еще более затруднительной. Однако и здесь фальсификаторы нашли выход, в особенности в Голландии, Германии и Австрии, где еще до первой империалистической войны сохранилось несколько древних бумажных мельниц, производивших старинным способом тряпичную бумагу из добротного материала; она имела совершенно такую же окраску и такое же строение, как бумага предыдущих столетий, и напечатанные на ней книги легко вводили в заблуждение библиофилов ⁴⁹.

Подделки же на новой бумаге относительно легко разоблачались, поэтому они не представляют особенного интереса. Отмечу только, что, насколько мне известно, у нас подобного рода подделок не было.

Зато на Западе среди множества заурядных и бесталанных фальсификаций известен один случай исключительно тонкой, смелой и неожиданной по своим последствиям подделки. Я знаю его по цитированной выше книге Э. Э. Уиллоуби «О пользе библиографии для изучающих литературу и историю». Автор — видный американский библиограф-библиофил — читал лекции на тему, ставшую затем заглавием его книги, в ряде английских и американских университетов. Он не только превосходный знаток предмета, о котором пишет, но и умелый и занимательный рассказчик. «Случай с Томасом Дж. Уайзом», к которому я сейчас перехожу, на мой взгляд, самый интересный, положительно напоминающий по своему сюжету лучшие рассказы О. Генри и новеллы Конан-Дойля о Шерлоке Холмсе.

Дело происходило в начале 30-х годов. Уиллоуби в первый раз приехал в Лондон. Как библиофил, он естественно при первой же возможности постарался попасть в Библиографическое общество. В журнале, издававшемся обществом, к этому времени было напечатано несколько статей Уиллоуби, и он имел основания считать, что имя его более или менее

известно читателям-библиофилам. Поздоровавшись с секретарями общества, известными английскими библиографами А. Поллардом и Мак-Керроу, он заметил в том же помещении неподалеку от себя хорошо одетого, пожилого, но бесцветного джентельмена, который, как ему казалось, являлся воплощением респектабельности времен королевы Виктории. Подойдя к этому господину, Уиллоуби представился ему на своем чикагском английском языке: «Я — Уиллоуби, из чикагской Ньюберрийской библиотеки». Тот ответил коротко, давая понять, что на этом разговор должен кончиться: «В самом деле?»

Получив такой щелчок, Уиллоуби вынужден был оставить неразговорчивого джентельмена. Он очень огорчился, когда узнал, что эта бесцветная личность не кто иной, как знаменитый библиограф и библиофил Томас Дж. Уайз, владелец выдающейся коллекции редчайших изданий писателей XIX века, тот самый Уайз, которому удалось пополнить списки книг, изданных авторами викторианской эпохи, несколькими номерами, ранее не известными библиографам и библиофилам. Он был президентом Библиографического общества и получил золотую медаль этой организации — высшую почесть, какая может выпасть на долю английского библиографа и библиофила.

Очень состоятельный человек, в прошлом владелец фабрики по изготовлению душистых масел для парфюмерной промышленности, Уайз тратил большие деньги на свою коллекцию. Ему, несомненно, везло — в его руки попали все так называемые и им открытые «пробные» издания («prepublication editions») английских писателей середины и конца XIX века: Роберта и Элизабет Броунингов, Д. Рескина, А. Теннисона, М. Арнольда, Суинберна, Киплинга, У. Морриса, Д. Г. Россетти, Стивенсона, Диккенса, Теккерея, Уордсворта, Йетса. Пробными изданиями называются в западной библиографии и в библиофильской литературе книги, выпускаемые автором для друзей до того, как осуществится настоящее издание. Пробное издание имеет целью вызвать критические замечания друзей писателя, чтобы перед окончательным печатаньем книги он мог внести в текст нужные

исправления. Везло Уайзу и в том отношении, что доставшиеся ему пробные издания (свыше пятидесяти номеров) — все были превосходной сохранности.

Наиболее интересной из книг этой коллекции были «Сонеты Э.Б.Б.», изданные в Рединге в 1847 году. Считалось, что это первый вариант «Сонетов, переведенных с португальского» Элизабет Баррет Броунинг; книга была продана за 1250 долларов. Такая высокая цена была вызвана романтической историей книги, рассказанной в 1894 году одним английским критиком.

В 1847 году поэт Р. Броунинг совершал со своей молодой женой свадебную поездку по Италии. Как-то утром за завтраком (дело было в Пизе) Элизабет конфузливо сунула мужу в карман какую-то рукопись и выбежала из комнаты. Прочитав ее, Броунинг пришел в восторг. Это были сонеты, в которых рассказывалась история любви Элизабет к мужу. Она считала, что стихи печатать нельзя, так как они слишком интимны. Однако муж настоял, чтобы рукопись была отправлена одной из подруг Э. Броунинг в Англию, и та, напечатав сонеты в небольшом количестве экземпляров, прислала их Броунингам в Италию для раздачи друзьям.

Некоторые мелкие детали этой истории смущали тех книгопродавцев и коллекционеров, которые постарались за большие деньги достать экземпляры «Сонетов Э.Б.Б.». Из писем Р. Броунинга и его близких друзей явствовало, что рассказанная критиком сцена произошла не в Пизе, а на Луккских водах, и не в 1847, а в 1849 году. Если Броунинги указывали точную дату (а уж кому было лучше их знать ее?), как же могло случиться, что книга была напечатана за два года до самого события?

Этой загадкой занялись два молодых библиографа — Картер и Г. Поллард. В результате долгих и тщательных исследований и розысков они установили, что «Сонеты Э.Б.Б.» напечатаны на бумаге, которую стали изготавливать лишь с 1874 года, и шрифтами, которые поступили в обращение после 1880 года; наконец, что по тексту своему пробное издание ничем не отличалось от текста полного собрания сочинений Э. Б. Броунинг. Зачем же тогда

нужно было тратить деньги и труды на пробное издание, если ни одной поправки, ни одного изменения в текст не было внесено?

Для молодых исследователей стало ясно, что почтенный библиофил Уайз стал жертвой ловкого мошенника или группы мошенников. И не только он сам был обманут, но невольно обманул и общественность: он подарил дублиеты некоторых пробных изданий Британскому музею и другим лондонским библиотекам, в которых этими брошюрами пользовались исследователи и читатели.

Картер и Поллард обратились со своими сомнениями к Уайзу, но, как и следовало ожидать, старый библиофил, репутация редкостной коллекции которого подверглась сомнению, не пожелал назвать обманувшее его лицо и сначала сказал, что экземпляры «Сонетов Э.Б.Б.» купил у одного из знакомых той самой подруги Э. Броунинг, которой поэтесса поручила печатание своих стихотворений (этот знакомый умер в 1895 году); потом Уайз стал утверждать, что «Сонеты» достались ему от другого лица, также покойного.

Тогда Картер и Поллард решили выяснить, в какой типографии были напечатаны «Сонеты Э.Б.Б.» и другие пробные издания, отличавшиеся теми же особенностями в отношении бумаги, шрифтов и текста. И хотя это было не легко, но они в конце концов нашли типографию, из которой выходили фальсифицированные пробные издания. Оказалось, что это та самая типография, в которой почтенный Томас Дж. Уайз, будучи секретарем Общества по изучению Броунинга и Общества по изучению Шелли, печатал отчеты этих научных организаций. Картеру и Полларду стало ясно, что фальсификациями занимался сам Уайз. Они поняли также, зачем он жертвовал отдельные экземпляры пробных изданий крупным библиотекам — включение их в библиотечные каталоги придавало подделкам неоспоримую авторитетность.

Когда молодые библиографы рассказали о результатах своих исследований нескольким крупным английским библиофилам, те с негодованием отвергли их сообщение как недостойное оскорбление и клевету на безупречного джентельмена.

Картер и Поллард решили выступить в печати. Они изложили ход своих исследований, указали, что некоторые из брошюр — несомненные подделки, а другие — очень подозрительны, и намекнули на то, что существуют серьезные основания предполагать причастность к этому делу Уайза. Кроме того, молодые библиографы позволили себе ехидную шутку. Скромно и несенсационно озаглавив свою книгу «Исследование о природе некоторых брошюр XIX века», они вслед за титульным листом поместили эпиграф, взятый из «Библиографии Суинберна», написанной Уайзом: «Все это еще раз подтверждает, что, как ни кажется легко фабриковать поддельные редкие книги, в настоящих условиях совершенно невозможно делать это таким образом, чтобы разоблачение не последовало вскоре же».

Выходу в свет этой книги предшествовал ее печатный проспект, в котором авторы обещали разоблачить фабрикацию подделок во всем ее объеме, а также раскрыть методы фальсификатора — опять-таки имя Уайза не называлось; они характеризовали аферу с пробными изданиями как «жульничество, по своим размерам и по ловкости замысла и выполнения не имеющее себе равных в истории библиографии и библиофильства».

Естественно, что английские и американские читатели ждали книгу молодых авторов с большим нетерпением. И больше всех, конечно, сам Уайз, предупрежденный специально посетившим его Картером. Он скупил все находившиеся в продаже экземпляры пробных изданий и сжег их. Уайз попытался обелить себя, ссылаясь на умершего библиофила, предлагал своему бывшему подчиненному поддержать эту версию, но тот решительно отказался. После выхода в свет книги Картера и Полларда в 1934 году Уайз вновь предпринял безуспешные попытки реабилитировать себя. В 1937 году он умер.

Через семь лет после смерти Уайза была опубликована его переписка с американским миллионером Рэнном, из которой видно, как умело делал он свои коммерческие дела по сбыту подделок, и, конечно, по очень высоким ценам. В предисловии к этой книге была высказана мысль о том, что появившаяся в

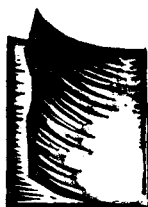
1894 году статья английского критика о происхождении «Сонетов Э.Б.Б.» была инспирирована Уайзом. Впрочем, эта точка зрения не была принята всеми безоговорочно.

Свой рассказ о «деле Томаса Дж. Уайза» Уиллоуби заканчивает так:

«Мне довелось быть в Лондоне вскоре после появления в продаже книги Картера и Полларда. Лондонские книгопродавцы были встревожены. Один из них, крупнейший антиквар, сказал мне, что оборот, который приняло дело с «пробными» изданиями, нанесет смертельный удар собиранию книг новых авторов. Многие книги, за которые были заплачены огромные деньги, сейчас совершенно обесценены. Никто теперь не станет рисковать покупать такие книги, чтобы не попасть вновь впросак.

Но о времена! о нравы! Через несколько месяцев тот же самый антиквар предлагал, и по гораздо более дорогим ценам, одну из «подлинных уайзовских подделок»: они вошли в библиофильскую моду, и коллекционеры стали гоняться за ними, пожалуй, даже больше, чем когда-то за «пробными» изданиями...»⁵⁰

ПОДБОРКА
ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
(СУДЬБА
ЖОРЖА-ШАРЛЯ
ДАНТЕСА
И ЕГО
СЕМЕЙСТВА)

К

ак ни разнообразны и часто причудливы бывают предметы собирательства у коллекционеров разных времен и народов, однако мне ни разу не приходилось читать или слышать о том, чтобы кто-либо собирал одни только газетные вырезки: обычно последние входят в состав библиотек наряду с брошюрами и журнальными оттисками. Особенно ценят газетные вырезки историки и литературоведы. Впрочем, в последние десятилетия потребность в систематизированных подборках газетных вырезок

стала быстро расти, и у нас уже много лет существуют «бюро газетных вырезок» (при «Моссправке» и «Ленсправке»).

Однако рядовой читатель относится к газетам без должного внимания и уважения: прочитанный сегодня номер завтра уже не представляет для большинства из нас интереса, мы им не дорожим и без сожаления уничтожаем. А сколько ценнейших исторических материалов впервые публикуется в газетах! Ведь можно смело сказать, что почти все важнейшие политические, социальные и культурные события последних 200—250 лет, прежде чем попасть в учебники истории или в специальные исторические труды, освещались на страницах газет. Многим ли читателям XVIII, XIX, XX веков пришлось в свое время в голову вырезать из газет сообщения, например, о постройке первых русских заводов на Урале, о взятии Бастилии, о том, что мастеровой Алексей Пешков был спасен при попытке самоубийства, о первых результатах применения атомной энергии, о первых опытах с космическими ракетами?..

И, очевидно, именно эта привычка более или менее спокойно читать сегодняшние газетные новости создает особое, взволнованно-приподнятое настроение, когда мы, просматривая комплекты старинных газет, наталкиваемся на сообщения или объявления, которые связаны с историческими событиями или с великими деятелями прошлого, а иногда просто с фактами, делающими для нас более осязаемыми эти былые времена.

Помню, как был я потрясен несколько лет назад, когда, пересматривая в отделе редкой книги Государственной Публичной библиотеки для одной из своих работ (по истории русско-французских культурных связей в XVIII веке) парижскую «Gazette de France» за 1778 год, я наткнулся в одном из номеров на лаконичное объявление:

«Мари-Франсуа Аруэ де Вольтер, дворянин по особым поручениям короля, один из сорока членов Французской академии, скончался 30 числа прошлого месяца в возрасте восьмидесяти четырех лет и нескольких месяцев»⁵¹.

Это было то самое сообщение о смерти великого французского философа-просветителя, которое взволновало весь тогдашний культурный мир, объявление, которое читали Фонвизин, Новиков, Радищев, Гете, Шиллер, Робеспьер, Марат, Франклин и многие, многие другие.

В другой раз меня поразило — но уже совсем по-иному — в «Санктпетербургских ведомостях» от 13 сентября 1745 года следующее коротенькое объявление:

«Кто именем Василией Фурсовский, обретающийся ныне здесь, а прибывший недавно из Гамбурга, тот бы, для своея особливья нужды, изволил вскоре повидаться с Васильем Тредияковским, императорския Академии наук профессором»⁵².

Надо знать, что в середине XVIII века всякая печатная работа, в том числе и газетные объявления, стоила по сравнению с предметами питания и бытового обихода очень дорого. Поэтому помещение Тредиаковским объявления о Василии Фурсовском, очевидно, было вызвано какими-то особо важными для него причинами. Кто был этот В. Фурсовский, почему он прибыл из Гамбурга, по какой причине Тредиаковский, человек не особенно состоятельный, счел нужным затратить значительную сумму на обращения к Фурсовскому (кроме «Санктпетербургских ведомостей» объявление это в немецком переводе было напечатано в «Sanktpetersburgische Zeitung»⁵³), свиделись ли они, мы не знаем. Однако для нас существенно, что старинная газета сохранила на своих столбцах загадочный факт из жизни недостаточно понятого в свое время и только советской наукой по достоинству оцененного деятеля русской литературы и культуры.

До сих пор я приводил примеры, касающиеся лишь отдельных материалов, почерпнутых из старых газет, но не являющихся еще вырезками из них.

Газеты в прежние времена стоили очень дорого, и к ним относились бережнее, чем сейчас. Известно, например, что историк И. Е. Забелин (1820—1908) выписывал в течение шестидесяти лет газеты и журналы и не утратил ни одного номера, считая эти издания ценнейшими материалами для своих работ.

Конечно, хранить комплекты журналов и газет более чем за полвека, имея библиотеку свыше 10 тысяч названий, возможно было в XIX веке, и притом если не стесняться в средствах. Но уже в середине XIX века ученые, менее состоятельные, чем И. Е. Забелин, не могли хранить занимавшие много места комплекты газет и журналов и были вынуждены довольствоваться извлечениями из них. Так появились вырезки.

В истории русской науки сохранилось имя человека, который, по-видимому, первый — может быть, один из первых — стал делать вырезки из журналов и газет. Это был историк М. Д. Хмыров (1830—1872), занимавшийся исключительно журнально-литературной деятельностью и умерший почти в полной нищете. Не располагая почти никакими средствами, он все же умудрился составить превосходную библиотеку, но совершенно особого рода. Он стал скупать на толкучих рынках все встречающиеся в продаже номера русских журналов, альманахов и газет и делал из них вырезки по интересовавшим его темам. Газетные вырезки он колонкой наклеивал на чистые листы бумаги или в тетради особого формата, а вырезки из журналов и альманахов снабжал бумажными обложками, на лицевой стороне которых, как и на газетных вырезках, точно указывая источник, из которого была взята данная статья. В случае, если на наружной стороне страницы кончалась одна нужная Хмырову статья, а на внутренней начиналась другая, также необходимая ему, он от руки замечательно четким почерком переписывал этот текст. Когда известность библиотеки Хмырова вышла за пределы узкого круга его знакомых, даже посторонние лица стали приносить ему номера периодических изданий. Передают, что через руки Хмырова прошло до 12 тысяч одних только отдельных номеров журналов. После его смерти эта библиотека была приобретена Московским историческим музеем.

Опытом М. Д. Хмырова воспользовались многие русские ученые, делая в основном вырезки из журналов. Газетные вырезки встречались в их библиотеках реже, и обычно как отдельный, случайный эле-

мент собрания, отражающий какой-то факт, заинтересовавший владельца библиотеки. Однако гораздо большее значение имеет не единичная газетная вырезка, а группа их, подборка, посвященная какой-либо определенной теме и составлявшаяся в течение более или менее длительного периода. Тогда перед нами встает не частный, обособленный, хотя бы и очень интересный факт, а целый ряд данных, отражающих какой-то процесс в общественной жизни. В таких случаях мы можем проследить зарождение, развитие, а иногда и завершение определенного исторического явления. Понятно, что надо быть очень зорким, наблюдательным и вдумчивым читателем газет, чтобы обратить внимание и суметь выделить среди множества фактов тот или те, которые позднее повлекут за собой другие, с ними связанные, в результате чего получится заслуживающая нашего интереса, поучительная подборка материалов.

Какое важное значение может иногда иметь коллекция газетных вырезок, систематически подобранная, рассказывает в своем романе «Города и годы» К. А. Федин. Дело происходит в Германии в годы первой империалистической войны:

«Штадтрату города Бишофсберга в числе документов, отобранных при обыске в комнате бельгийского гражданина Перси, была представлена тетрадь в голубом бумажном переплете с изображением национального бельгийского флага на левом углу переплета, у корешка. Тетрадь была украшена надписью:

*На память об ангажементе без контракта
Отзывы критики о гала-представлении
без моего участия*

Текст состоял из газетных и журнальных вырезок, аккуратно наклеенных и снабженных тщательными указаниями на источники. Никаких комментариев нигде не было. Отдельные заметки были обведены чернилами. Вероятно, они казались monsieur Перси наиболее замечательными. По крайней мере некоторые из них остановили внимание штадтрата, и он отметил их красным карандашом. Вот они.

Если бы Иисус из Назарета, проповедовавший любовь к врагам, снова пожелал сойти на землю, он, конечно, вочеловечился бы в немецком отечестве. И — как вы полагаете? — где его можно было встретить? Неужели вы думаете, что он возглашал бы с церковной кафедры: многогрешные немцы, любите врагов ваших? Я уверен — нет! Нет, он был бы в самых первых рядах бойцов, сражающихся с непоколебимой ненавистью. Он был бы там, он благословил бы кровавые руки и смертоносное оружие, он может быть, сам взялся бы за карающий меч, изгоняя врагов Германии далеко за пределы обетованной земли, как он когда-то изгнал торгашей и барышников из Иудейского храма.

(«Volkserzieher») 54

Лицевая сторона расчетного листа ткацко-пря-
дильной фабрики «Конкордия» в Бунцлау:

БЕРЕГИТЕ ХЛЕБИ

Каждым сбереженным кусочком хлеба вы помогаете в тяжелой войне
вашим мужьям, отцам и сыновьям.

Каждый сбереженный ломоть хлеба —
выстрел в Англию,

в нашего исконного врага!

Каждая сбереженная крошка хлеба сокращает войну!

Обратная сторона того же листа:

ТКАЦКО-ПРЯДИЛЬНАЯ ФАБРИКА «КОНКОРДИЯ»
В БУНЦЛАУ

№...	ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ЗА 57 ½ ЧАСОВ	М. 9.91
В ы ч е т ы:		
Больничная касса		28
Страховая касса		12—40
	Netto	М. 9.51

Отныне никто не в состоянии уклониться от логического вывода, что примирение было бы катастрофой, что единственной возможностью стала война. До сих пор — ответ на вызов, дело чести, средство к цели, отныне война становится самоцелью! Вся нация, как один человек, будет требовать вечной войны! («Münchener Medizinische Wochenschrift».)⁵⁵

Воспитание ненависти! Воспитание уважения к ненависти! Воспитание любви к ненависти! Организация ненависти! Долой детскую боязнь, ложный стыд перед зверством и фанатизмом! Да будет и в политике по слову Маринетти:

побольше оплеух, поменьше поцелуев! Мы не смеем колебаться объявить богохульно: наше достоинство — вера, надежда и ненависть! Величайшее среди них — ненависть!

(Советник медицины доктор В. Фукс, старший врач Государственной Баденской психиатрической лечебницы в Эмендингене.)

Штадтрат просидел над голубой тетрадью до глубокой ночи, прочитывая одну вырезку за другой. Их было много, они были наклеены без порядка, и люди, образы, идеи, анекдоты сыпались на штадтрата, точно погремушки из кузова елочного деда, — уродливые, расцветенные, искаженные, цирковые. Штадтрат отточил ножичком красный карандаш и острыми буквами напечатлел на голубой обложке:

Собранные в этой тетради заметки не представляют собою военной или государственной тайны, как опубликованные в печати. Однако тенденциозный подбор газетных сообщений указывает на враждебные чувства собирателя к Германии и мог бы, при удобных обстоятельствах, оказаться на руку противнику. Поэтому считаю нужным передать бельгийского гражданина Перси военным властям.

Я не знаю, использовал ли К. А. Федин для своего романа реальный факт или это его собственная литературная находка, но и в том и в другом случае перед нами признание одним из самых крупных советских писателей художественного, психологического и исторического значения систематизированных газетных вырезок. Просто, без каких-либо своих «авторских» комментариев и оценок, одними только документами бельгийский гражданин Перси — а на самом деле советский писатель Федин — создал мрачную картину вильгельмовской Германии накануне ее поражения. Не только изуверские тексты, приведенные в газетных вырезках, но и самые названия изданий, в которых печатались подобные чудовищные призывы, — «Воспитатель народа», «Мюнхенский медицинский еженедельник» — показывают, до чего пала буржуазная культура империалистической Германии, ее педагогика, ее медицина. А «гимн ненависти», написанный старшим врачом

государственной Баденской психиатрической лечебницы, предвосхищающий подобные же документы времени фашизма, внушает мысль, что автор этого воззвания, советник медицины доктор В. Фукс, должно быть, не в меньшей, если не в большей степени психический больной, чем те, кто вверен его попечениям, кого он должен вылечить и сделать нормальными людьми.

Так ряд бесстрастных, прозаически обыденных газетных вырезок превращается в говорящие документы, за которыми чувствуются судьбы отдельных людей, государств, народов, в конечном счете, и судьбы человечества.

Конечно, такое использование подборки газетных вырезок — явление в художественной литературе не частое. Кажется, примеру К. А. Федина не последовал никто из советских писателей.

В моей собирательской практике был случай, когда подборка газетных вырезок, составлявшаяся много лет подряд, раскрыла передо мной неизвестные страницы судьбы одного человека, сыгравшего зловещую роль в истории нашей литературы.

Одно из самых ранних моих воспоминаний относится к тому времени, когда мне было четыре-пять лет.

Помню, я сидел на окне и рассматривал книгу, которая успела уже стать моей любимой, — однотомное павленковское издание произведений Пушкина с иллюстрациями. Многие стихотворные отрывки из сказок и «Евгения Онегина» («Зима! Крестьянин, торжествуя...») я знал уже наизусть и особенно любил рассматривать иллюстрации к сказкам. В тот день мое внимание привлекла репродукция картины А. А. Наумова «Дуэль Пушкина». По моей просьбе мать (в доступной, конечно, моему детскому пониманию форме) разъяснила мне смысл картины; рассказ ее заставил меня горько плакать, и с этого дня я страстно возненавидел Дантеса.

Когда я подросток и стал много читать, меня особенно интересовала биография Дантеса. Мне хоте-

лось узнать, что стало с убийцей Пушкина после его высылки из России, как сложилась его дальнейшая судьба, виделся ли он потом с кем-либо из людей, связанных с дуэлью, и т. д. Ни в энциклопедиях, ни в популярной пушкиноведческой литературе ответа на эти вопросы я не находил.

Лишь около 1917 года в мои руки попала книга П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» (Пг., 1916), которая дала ответ на некоторые интересовавшие меня вопросы. В ней была помещена статья внука Дантеса, Луи Метмана: «Жорж-Шарль Дантес. Биографический очерк» (стр. 290—307).

Как и следовало ожидать, это была благонамеренная и почти панегирическая биография, ловко сглаживающая все острые углы жизненного пути Дантеса-Геккерна. Из нее, не зная других источников, можно было бы составить о Дантесе представление как об одном из замечательных политических и финансовых деятелей Франции второй половины XIX века, которыми должна гордиться их родина. Позднее я узнал отзыв К. Маркса о Дантесе: «известнейший выкормыш Империи»⁵⁶.

Так, вероятно, и остались бы некоторые моменты биографии Дантеса для меня неясными, если бы случайно не попала в мои руки незадолго до Великой Отечественной войны подборка газетных вырезок. Ее составитель на протяжении 30 с лишним лет собирал газетные статьи и заметки, посвященные убийце Пушкина⁵⁷.

Это была небольшого размера, довольно толстая самодельная тетрадь из плотной белой бумаги, в красной обложке из еще более плотной бумаги; в ней были тщательно наклеены в один столбец вырезки из разных газет с 1880 по 1912 год с точным указанием, в какой газете и когда была напечатана та или иная статья или заметка.

На первой странице было четким, красивым почерком конца XIX века написано: «Убийца Пушкина. Судьба Ж. Дантеса и его семьи». В нескольких, очень немногих местах тетради тем же почерком были сделаны приписки. По ним и по всему подобранному материалу можно было предположить, что составитель тетради имел намерение

обработать накопленные сведения в форме статьи. То обстоятельство, что последняя вырезка сделана была из газеты «Раннее утро» от 15 марта 1912 года и что книга П. Е. Щеголева с подробной статьей Луи Метмана о Дантесе вышла через несколько лет, дает некоторое основание предполагать, что составитель сборника вырезок, познакомившись с книгой Щеголева, отказался от своего многолетнего замысла. Впрочем, может быть, эти факты и не связаны.

Прочитав эти газетные вырезки, я пришел к выводу, что, несмотря на то, что исследователи в советское время⁵⁸ уделили довольно много внимания Дантесу, собранные неизвестным лицом материалы и сделанные им приписки представляют все же интерес, так как содержат некоторые факты, неизвестные в литературе об убийце Пушкина.

Естественно, у меня возникла мысль привести в порядок эти материалы и написать на их основе статью, но другие работы постоянно отвлекали меня, и замысел мой остался до сих пор неосуществленным.

Сейчас мне кажется более целесообразным перепечатать все эти газетные вырезки в том виде, в каком они находятся в знакомой мне тетради, — может быть, кое-где сократив их, — вместе с приписками ее составителя и отдельными моими замечаниями. Приписки неизвестного составителя я специально оговариваю.

Первая статья была помещена в июне 1880 года в московской газете «Русский курьер» вскоре после знаменитых пушкинских торжеств в связи с открытием в Москве памятника поэту.

Это была корреспонденция⁵⁹ постоянного парижского сотрудника данной газеты, человека, достаточно осведомленного, как можно судить по другим его статьям, но здесь допустившего ряд неточностей.

«В то время, как в России празднуется открытие памятника отцу нашей новейшей литературы, читателям «Русского курьера», быть может, будет не

безынтересно знать кое-какие подробности о том, кто лишил нас великого поэта.

Дантес-Геккерн жив до сих пор и живет постоянно в Париже на Елисейских полях. И не только он жив, но даже его отец, бывший министр при Луи-Филиппе, благополучно здравствует, хотя ему теперь не меньше, вероятно, девяноста шести лет⁶⁰. По возвращении из России Дантес-Геккерн оставался в неизвестности до 2 декабря 1851 года, когда он поступил на службу к Наполеону III⁶¹. Признательный авантюрист наградил его за это чином сенатора с 60 000 франков жалованья в год⁶². Он — тот самый Геккерн, о котором так нехорошо говорит Виктор Гюго в своих *Châtiments*⁶³. Дантес-Геккерн был женат, как известно, на Екатерине Николаевне Гончаровой, сестре Натальи, жены А. С. Пушкина. От этого брака родились три дочери и один сын. Одна из этих дочерей вышла замуж за Вандаля, директора почт при империи и главным образом директора так называемого «черного кабинета», чем он и приобрел себе печальную известность во всей Франции. Другая дочь замужем за бонапартовским же генералом Метманом, а третья — душевно больная уже в течение десяти лет».

В этой статье слова начиная от «а третья» и до конца обведены красными чернилами и рядом с ними сделана приписка составителя подборки: «Ее звали Леония-Шарлота. Она была влюблена в Пушкина. См. о ней подробнее в корреспонденции И. Яковлева». (Действительно, в одной из дальнейших статей в красной тетради, в корреспонденции «Нового времени» за 1899 год, оказались поразительно интересные сведения о третьей дочери Дантеса, которые читатель найдет в соответствующем месте.)

Вторая вырезка была взята из статьи М. Загуляева «Убийца Пушкина» («Новое время», 1887, 14 января, № 3907, стр. 3). Статья эта была помещена в связи с предстоящим 50-летием со дня гибели поэта.

Рядом с фамилией М. А. Загуляева есть приписка составителя: «Беспардонный лгун и хвостун!» М. А. Загуляев (1834—1900) — буржуазный журна-

лист, известный в свое время в качестве поставщика сенсаций, чаще всего выдуманных им самим. Статья его «Убийца Пушкина» — один из образцов необузданной фантазии или же патологической лжи, которые вообще были присущи этому представителю тогдашней русской прессы.

«Убийцу Пушкина ошибочно считают французом по происхождению. Побочный сын голландского посланника, барона ван-Геккерна и неизвестной⁶⁴ матери, Дантес был принят в русскую военную службу в качестве голландца, по протекции, как уверяли, покойной голландской королевы Анны Павловны. Выросши в кружках, близких к Пушкину, я слышал не раз от людей, сведущих в тогдашней великосветской хронике Петербурга, что имя «Дантеса» было именем кормилицы ребенка, каталонки по происхождению, выдававшей себя за его мать. Действительно же матерью многие считают голландскую королеву Гортензию, родительницу Наполеона III, так что Дантес приходился бы по этому толкованию единоутробным братом известному герцогу де Морни⁶⁵.

Право французского гражданства Дантес, уже усыновленный бароном ван-Геккерном, получил только при Второй империи и вскоре после этого был сделан сенатором.

Позднее он был членом Национального собрания 1870 года, и мне лично довелось быть свидетелем, как на него с отвращением указывали многие французы, называя этого бонапартиста «убийцею Пушкина».

В 1873 году, весною, такая выходка заставила барона Геккерна поспешно ускользнуть из вагона версальской железной дороги, в котором помещался я в компании с двумя членами Национального собрания».

Приведенная статейка Загуляева — сплошная фантазия и представляет интерес только в качестве примера того, что печаталось семьдесят пять лет назад в пушкинские дни в газете, не считавшейся «бульварной».

Следующая, третья по счету вырезка также носит название «Убийца Пушкина» и является статьей

некоего П. Р. С., которая была напечатана в «Московских ведомостях» от 28 октября 1895 года (№ 297, стр. 3). Незадолго до этого, 2 ноября по новому и 21 октября по старому стилю, в г. Сульце (Франция) умер Ж. Дантес; в парижских газетах через несколько дней появились объявления о его смерти и некрологи. На основании одного из таких некрологов и была написана статья «Убийца Пушкина». Она не содержит ничего интересного, и поэтому я не нахожу нужным ее перепечатывать здесь.

Внимание русского общества к Дантесу в особенной мере проявилось в столетнюю годовщину со дня рождения Пушкина, в 1899 году.

В № 8364 от 12 (24) июня 1899 года «Нового времени» была помещена «Беседа с бароном Геккерн-Дантесом-сыном» постоянного парижского корреспондента газеты «Нового времени» И. Яковлева (И. Я. Павловского) ⁶⁶.

Сначала автор «Беседы» отмечает в своей статье слабый отклик многотысячной русской парижской колонии на пушкинский юбилей. Говорит он и о том, что музей А. Ф. Онегина (Отто) ⁶⁷, давно уже открытый, посещают плохо. Но, по словам корреспондента, еще слабее откликнулись на юбилей великого русского поэта французы.

«Все, что писалось здесь в последнее время о Пушкине (за исключением статей Вогюэ ⁶⁸ в «Revue des études russes» ⁶⁹ и Леже ⁷⁰ в «Revue encyclopédique» ⁷² относится к области пустыков и глупейших анекдотов...» Далее Яковлев рассказывает о своей беседе с сыном Дантеса.

Привожу наиболее интересный отрывок из записи этой беседы.

«— Встречался ли когда-нибудь отец ваш с Натальей Николаевной после дуэли? — спросил я.

— Один раз здесь, в Париже. Мне было 12 лет ⁷², и я шел с отцом по rue de la Paix ⁷³. Вдруг я заметил, что он сильно побледнел, отшатнулся назад, и глаза его остановились. Навстречу к нам шла стройная блондинка, с начесами à la vierge. Заметив нас, она тоже на мгновение остановилась, сделала шаг в нашу сторону, но потом обогнула нас и прошла мимо, не взглянув. Отец мой все стоял, как вкопанный.

Не отдавая себе отчета, с кем он говорит, он обратился ко мне:

— Знаешь, кто это? Это — Наташа.

— Кто такая Наташа? — спросил я.

Но он уже опомнился и пошел вперед.

— Твоя тетка, Пушкина, сестра твоей матери.

Это имя ударило меня в сердце. С раннего детства я помнил старый зеленый мундир с красным воротником, который я видел однажды, правый рукав его был продран и на нем виднелись следы запекшейся крови. Мне сказали, что в этом мундире отец мой дрался на дуэли с дядей Пушкиным и был ранен... Пушкин! Как это имя связано с нашим. Знаете ли, что у меня была сестра, — она давно покойница, умерла душевнобольной⁷⁴. Эта девушка была до мозга костей русская. Здесь, в Париже, живя во французской семье, во французской обстановке, почти не зная русских, она изучила русский язык, говорила и писала по-русски лучше многих русских. Она обожала Россию, и больше всего на свете — Пушкина!..»

И не знаю, основательно или нет, передо мной мелькнул на мгновение скорбный образ этой девушки, с сильно подымающейся грудью, нагнувшейся над книгой, где она читает:

Не мог щадить он нашей славы,
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

Она поднимает голову от книги и встречается глазами с человеком, о котором говорится в этих вдохновенных стихах. Это — ее отец. И мне кажется, что я понимаю дикие вспышки ее гнева вперемежку с глубокой меланхолией — вспышки, которые часто, по словам ее брата, заставляли отца унимать ее словами: «*Ne fais donc pas le cosaque!*»⁷⁵ Эта девушка обладала еще особенностью русской женщины: она любила науку, любила учиться. В то время дочь сенатора Второй империи, имевшая доступ ко двору, где бушевало такое шумное веселье, знаете, что она делала? Она проходила, — конечно, дома — курс *École Polytechnique*,⁷⁶ весь курс, — и по словам своих профессоров, была первой...

— Ваш отец никогда не бывал после своей печальной истории в России?

— Нет, но он дважды видел после того императора Николая I в Берлине. В первый раз он был послан Наполеоном, тогда еще президентом республики, чтобы позондировать мнение императора насчет предстоявшего государственного переворота. Ответ был положительный. Во второй раз он был послан Наполеоном, уже императором, чтобы просить для него руки великой княгини. На этот раз ответ был более чем резким.

— Знали ли вы Геккерна-старика?

— Очень знал; он умер 93 лет и часто бывал у нас. Мы его терпеть не могли. А он меня до того ненавидел, что даже лишил наследства».

Приведу приписку составителя тетради, сделанную на полях против слов: «Знаете ли, что у меня была сестра».

«У Леонии-Шарлоты комната была обращена в молельню. Перед аналоем висел большой портрет Пушкина, на стенах были другие его портреты. Дочь Дантеса молилась перед портретом своего дяди, в которого была влюблена. С отцом она не говорила после одной семейной сцены, когда назвала его убийцей Пушкина. Сумасшествие ее было на почве загробной любви к дяде. Стихи Пушкина она знала наизусть. А. Ф. Отто видел ее до болезни; он считал ее девушкой необыкновенной».

На этом можно было бы закончить «историю одной подборки газетных вырезок». Но среди них имеется еще одна, хотя и не особенно содержательная, но все же по-своему интересная, и главное, она вносит поправку или сомнение в только что цитированное примечание составителя тетради.

В 1912 году в газете «Раннее утро» в номере от 15 марта было помещено «письмо из Парижа» некоего Л. Б., озаглавленное «Пушкинский праздник».

Корреспондент рассказывает, как отметила русская колония в Париже 75-летие со дня смерти Пушкина, говорит о том, что интересно было выступление А. В. Луначарского, и прибавляет, что центром пушкинского праздника оказалось импровизирован-

ное выступление присутствовавшего в зале престарелого А. Ф. Онегина.

«Познакомился А. Ф. Онегин с Дантесом в 1887 г. Дряхлым стариком тот жил тогда в Париже совершенно уединенно, вдали от жизни и людей. До этого многие русские добивались встречи с ним, но он упорно отказывался от этого, и самому Онегину тоже стоило немало труда, прежде чем он добился от Дантеса согласия принять его...

— Но как же это вы решились?..— спросил его Онегин.— Неужели вы не знали?

Но этот вопрос не смутил Дантеса.

— А я-то? — спросил он в свою очередь.— Он мог меня убить. Ведь я был потом сенатором.

Да, он был потом сенатором... Его страна могла лишиться его сенаторских услуг!»

Если рассказ А. Ф. Онегина был передан корреспондентом «Раннего утра» точно и знакомство его с Дантесом состоялось только в 1887 году, то, значит автор примечания, ссылавшийся на его отзыв о Леонии-Шарлоте Дантес, по-видимому, что-то напутал.

Впрочем, А. Ф. Онегин мог быть знаком с дочерью Дантеса, не будучи еще знаком с самим Дантесом, или мог только видеть ее издали, не будучи лично знаком с ней, а отзыв его мог сложиться на основании чужих суждений.

Во всяком случае, значение подборки вырезок о Дантесе и его семье от этого не умаляется.

К тому материалу, который был собран неизвестным коллекционером, следовало бы прибавить еще одну вырезку. Она, правда, не говорит о судьбе Жоржа Дантеса и его семьи, но без нее портрет убийцы Пушкина был бы неполон.

В ряде советских газет 24—25 апреля 1963 года была напечатана распространявшаяся ТАСС информационная заметка.

Привожу ее текст по газете «Известия» (1963, 25 апреля):

Эксперты обвиняют Дантеса

Ленинградские судебно-медицинские эксперты через 126 лет после дуэли, погубившей Пушкина, обвиняют его противника Дантеса в преднамеренном нарушении существовавшего тогда дуэльного кодекса.

Эксперты установили, что пистолет Дантеса был более крупного, чем у Пушкина, калибра и обладал повышенной убойной силой. Больше того, современные криминалистические методы помогли установить, что под кавалергардским мундиром Дантеса находилось тайно надетое защитное приспособление. К барьеру против поэта вышел не дуэлянт, а заведомый убийца.

В процессе судебно-медицинской экспертизы было объективно проанализировано 1500 первоисточников, в том числе записки свидетелей и очевидцев поединка.

Данные баллистической экспертизы полностью отвергают несостоятельные версии о рикошете, который якобы сделала пуля Пушкина от пуговицы на одежде Дантеса».

Газетная заметка произвела на советских читателей сильное впечатление. Почти одновременно с ней в журнале «Нева» (1963, № 2, стр. 200—203) была помещена статья В. Сафронова «Поединок или убийство?», той же теме была посвящена статья В. Гольдинера «Факты и гипотезы о дуэли А. С. Пушкина в журнале «Советская юстиция» (1963, № 3, стр. 22—24). Впрочем, еще раньше читатели «Нового мира» познакомились со статьей Э. Герштейн «Вокруг гибели Пушкина. (По новым материалам)» (1962, № 2, стр. 211—226).

Из этих статей и заметок, а также из бесед с знаковыми крупными литературоведами — пушкинистами я вынес впечатление, что, при всем уважении к ленинградским судебно-медицинским экспертам, советское пушкиноведение не приняло безоговорочно всех выводов, изложенных в информационной заметке ТАСС. Особенно спорным остается вопрос о том, что «под кавалергардским мундиром Дантеса находилось тайно

надетое защитное приспособление», как сформулировал корреспондент ТАСС,— иными словами, кольчуга, рубашка из металлических колечек.

Однако, хотя вопрос и не решен окончательно, не сомневаюсь, что составитель подборки газетных вырезок «Убийца Пушкина. Судьба Ж. Дантеса и его семьи» включил бы и эти материалы в свое собрание... если бы дожил до наших дней.

ЗАГАДОЧНЫЙ
БИБЛОФИЛ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
ПРОШЛОГО ВЕКА
ПЛАТОН
ЯКОВЛЕВИЧ
АКТОВ

В

сякий, кому приходилось заниматься рукописной литературой XVIII века, в особенности сатирической поэзией середины этого столетия, безусловно знает так называемый «Казанский сборник», озаглавленный в подлиннике «Разные стиходействия»⁷⁷. В этом сборнике, составленном, возможно, из устной традиции малограмотным любителем литературы (или переписчиком) не позднее 80-х годов XVIII века, сохранились ценнейшие материалы по истории русской рукописной поэзии 1740—

1770-х годов. «Казанским» назван этот сборник потому, что он принадлежит библиотеке Казанского университета. Поступил он туда «покупкою от г-жи надворной советницы Актовой»⁷⁸. Вместе со сборником «Разные стиходействии» Казанский университет приобрел у Актовой еще ряд рукописей, а именно: Псалтырь, XVI в.; Триодь цветную, XV в.; Око церковное, XV в.; Историю о патриархе Никоне, XVII в.; Географию, XVII в.; Сказание о брани с Мамаем, XVIII в.

В процессе работы над своей книгой «Ломоносов и литературная полемика его времени» я заинтересовался «г-жей надворной советницей Актовой», у которой были приобретены такие ценные рукописи, но никаких сведений о ней найти не мог. Только в «Жизни и трудах М. П. Погодина» Н. П. Барсукова, этой бестолковейшей из всех существующих биографий и в то же время сокровищнице всяких неожиданных материалов различного научного достоинства, я обнаружил указания, что Актова не была собирательницей книг, а только распродала библиотеку своего мужа, но и о нем мне не удалось тогда найти ничего более или менее конкретного. Поэтому в своей книге я вынужден был написать: «О библиофиле Актове нет никаких сведений ни у У. Г. Иваска («Частные библиотеки в России»), ни в «Историографии» В. С. Иконникова. Беглые замечания о библиотеке Актова см. у Н. П. Барсукова — «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. VI, стр. 364, и т. VII, стр. 175, 246, 247»⁷⁹.

Но этот таинственный Актов не переставал интересовать меня; время от времени я встречал в печати сведения о нем, и постепенно у меня накопились данные об этом забытом и загадочном русском библиофиле первой половины XIX века, представляющие, на мой взгляд, интерес и для историков русского библиофильства и для широкого читателя.

Платон Яковлевич Актов, сын священника Воскресенской церкви в городе Нерехте бывшей Костромской губернии Иакова Нерехотского, родился 13 ноября 1797 года. Образование он получил в Костромской семинарии, которую окончил в 1816 году с отличием и аттестатом 1-го разряда. Фамилию

Актов он, по-видимому, по тогдашнему семинарскому обычаю получил при поступлении в учебное заведение вместо фамилии-клички своего отца. В том же 1816 году он был назначен в Макарьевское духовное уездное училище учителем и инспектором⁸⁰. Через восемь лет Актов покинул духовное ведомство и служил четырнадцать лет в Туле, а в 1838 году переехал в Петербург, где до смерти своей, в июне или июле 1842 года, служил столоначальником в департаменте уделов.

П. Я. Актов хорошо знал латинский язык и в годы службы в Макарьеве перевел «Краткую римскую историю» Евтропия. Перевод этот, оставшийся в рукописи, находился еще в конце XIX века в Костромской семинарии, считался «отлично хорошим» и был известен под названием Актовского.

Возможно, что еще в Макарьеве, где бывало в год три ярмарки, а затем уже в Туле Актов стал собирать библиотеку, которая впоследствии состояла более чем из пяти тысяч книг. Среди книг были рукописные и старопечатные, в том числе «Островская (острожская?) славянская библия», купленная им в Туле⁸¹.

По-видимому, в Петербурге П. Я. Актов был мало известен в кругах тогдашних библиофилов, возможно, что он болел, так как еще при жизни, как мы увидим ниже, предполагал ликвидировать свое собрание. Все же некоторые книги его собрания были известны академику А. Х. Востокову и «петербургским антиквариям»⁸², то есть коллекционерам древностей.

Первые сведения о библиотеке Актова в печати появились при следующих обстоятельствах.

В № 22 и 23 «Литературной газеты» за 1842 год известный в то время библиограф И. П. Сахаров поместил большую рецензию на незадолго до того вышедшее в свет «Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описанию библиотек графа Ф. А. Толстого и купца И. Н. Царского» П. М. Строева (М., 1841). В этой рецензии, представлявшей первый, относительно полный и связный очерк истории русской (точнее, славяно-русской, то есть старопечатных книг) библиографии,

Сахаров называл и фамилии тогдашних библиофилов:

В следующем номере «Литературной газеты» в отделе «Смесь» была помещена заметка, по-видимому, тоже написанная Сахаровым:

«Известие для библиофилов»

В разборе нашем книги Павла Михайловича Строева, мы, исчисляя известнейших наших собирателей книг, пропустили почтенное имя г. Актова, который ныне владеет у нас в Петербурге весьма значительным и редким собранием старопечатных и древних книг. Между ними есть такие, которых, как известно, существуют только два или три экземпляра. Не имея возможности в газете нашей напечатать подробный каталог библиотеки г. Актова, мы, однако ж, с удовольствием готовы удовлетворить любопытствующих довольно полным реестром этого замечательного собрания книг, который хранится в редакции. Г. Актвов желал бы даже продать всю свою библиотеку или часть ее, и потому желающих приобрести ее просят адресоваться в редакцию Литературной газеты, где они могут получить ближайшие о том сведения»⁸³.

Менее чем через месяц в той же «Литературной газете» и, по всей вероятности, тот же И. П. Сахаров поместил следующее пространное сообщение:

«Известие для библиоманов»

Мы недавно еще писали в нашей Газете о собрании древних, редких 1105 книг, составляющих библиотеку надворного советника Актова. Теперь, к прискорбию нашему, мы должны известить о внезапной кончине этого деятельного и почтенного библиомана русского. Библиотека его теперь продается вся его наследниками. Это настоящая находка для собирателей редких книг. Чтоб ознакомить их несколько с библиотекою г. Актова, мы поместим здесь краткий перечень главнейших сочинений, в ней заключающихся.

I. Рукописи.

а) На пергаменте 27, в числе коих на славянском: Евангелие XVI в., Святцы XIV-го в., Слово о полку

Игорева, имеющее свойства и вид старинного почерка; на латинском языке молитвенник, присланный папою Львом Карлу Великому, служебник католический XI в., История Юстина XIII в., булла Папская XV в., помянник 1427 г., постановления Базилейского (так! вместо Базельского.— П. Б.) собора с надписью 1455 г. и Сенека 1560 г., на армянском толкование апостольских посланий 1189 г. и на французском языке подлинные парижские и орлеанские акты 14: судебные процессы, контракты и другие записи нотариальные 1618—1701 г., также в подлиннике протокол 1-го лица в Гамбурге 2-го мая 1797 г. о премиях за сочинение оды на кончину императрицы Екатерины II.

б) На пергамене и бомбицине Евангелие славянское XIV в. с молдавскими надписями.

в) На бумаге 324; в них XV-го века 52 и XVI-го 51, из коих в особенности на славянском языке: аа) 14 экз. Евангелия и других священно-церковных рукописей были иноземные, и 6 служебных миней Молдавии содержат в себе жизнеописания многих таких греческих святых, кои не упоминаются в России; бб) устав церковный 1401 г., писанный в Цареграде Афанасием, учеником св. Сергия Радонежского, для его монастыря; вв) в подлинниках 16 царских грамот 1656—1701 г., 39 квитанций на платеж в казну денег, 4 отпускные, 2 вечные памяти, 6 других записей XVII века и 34 грамоты 1459—1699 г., в списках, из коих духовная Окинфова 1459 г., и другие многие неизвестны; гг) 17 книг разных неизданных сочинений и переводов в подлинниках.

II. Старопечатные книги 511, а именно:

А. Славянские:

а) Неизвестные библиографам 64, из коих Евангелие XV и Апостол XVI в., принадлежавший молдавскому господарю, и умиленные молитвы на всяк день Кирила Мниха Туровского, печат. 1631 г.

б) Редкие 170, из коих псалтырь 1575 г., Библия 1581 г., Евангелие 1600 г., Требник Петра Могилы 1646 г. и Апостол издания в Гаге 1717 г., которое велено было уничтожить.

Б. Иностранные древние 277, из коих 1444 г. одна, XV-го в. 46, XVI-го в. 90 и XVII-го века 140.

В числе их на пергаменте 1506 г. статуты Польши, Пруссии и право Магдебургское.

III. Редкие, отличные иностранные 242 издания, особенно *in folio majori* путешествия Humboldt(!), Choris, Cassas Labillardiere, Belzoni, собрания рисунков Рубенса, Габбиани де-Винци (!), живописные виды по предметам натуральной истории искусств, древностей этрусских (!), греческих, римских и отборные творения классиков. По этому есть много изданий Aldi Manutii, Stephani, *in usum Delphini*, Elzevir, Vatican, Bodoni, Barbou, Didot. Более редкие отмечены точными о достоинстве их отзывами иностранных библиографий, с означением при том знаменитых мест и лиц, коим какая книга принадлежала»⁸⁴.

Приведя (с большим числом опечаток) в биографии П. Я. Актова статейку Сахарова, А. А. Титов в примечании прибавил: «Кому перешла библиотека и в каком виде, т. е. частями или полностью, сведений не имеется»⁸⁵. Он был прав — в то время в печатных источниках не было данных о судьбе библиотеки Актова, кроме приведенных выше и оставшихся ему неизвестными указаний из книги Артемьева о приобретении части рукописей библиотекой Казанского университета. Но в том же 1892 году, когда вышла в свет книга Титова, и в следующем появились очередные тома «Жизни и трудов М. П. Погодина», Н. П. Барсукова, VI и VII, в которых оказались некоторые сведения о собрании Актова.

Значительную часть этой библиотеки купил граф Строганов, как сообщил об этом Погодину библиофил А. И. Кастерин⁸⁶. Библиотекой Актова заинтересовался проф. М. П. Погодин, владелец огромного собрания русских рукописей и книг. В одном из своих писем к Сахарову он упрекал своего корреспондента: «Когда же я дождусь каталога Актовой. Я кончил бы дело разом. Пришлите», — а через несколько строк он снова возвратился к этому предмету: «Да где же каталог Актовой? Пришлите?»⁸⁷

Сахаров исполнил просьбу Погодина и в сопроводительном письме сообщал: «О цене вдова Актова сказала: менее семи тысяч рублей ассигнациями она не может взять. Книги же смотрел П. М. Строев, и он сказал ей, что такая цена недорого. Правда ли

она говорила о П. М. Строеве — не знаю. Теперь у ней торгуют всю библиотеку с латынскими и русскими книгами из Александра-Невской Академии. Вы спрашиваете, что она стоит, и по совести сказать ответ: дорогая цена пять тысяч. Вольному воля. В каталоге означены все книги, какие ей остались после мужа; но она продавала их разным. Что же было продано, то она сказала, что теперь не помнит, а справится и тогда скажет. Вы помните, что из этого каталога купил ваш Строганов»⁸⁸.

Вопрос о том, видел ли П. М. Строев библиотеку Актовой, заинтересовал Погодина, и он 13 мая 1843 года, как записано в его дневнике, «пригласил Строева обедать в клуб для передачи известий о библиотеке Актова»⁸⁹. Больше об этом в его дневнике сведений нет. Однако рукописный каталог библиотеки П. Я. Актова (в копии) сохранился; он находится в Рукописном отделе Государственного Исторического музея в собрании Общества истории и древностей российских.

Несколько дополнительных подробностей к биографии П. Я. Актова и для характеристики его библиотеки содержится в письмах его брата М. Я. Диева к профессору Московского университета И. М. Снегиреву. В письме от 30 мая 1840 года М. Я. Диев, подробно информировавший своего ученого адресата обо всем, что касалось интересовавшей их обеих области славяно-русских древностей, извещал И. М. Снегирева: «В апреле я купил для родного моего брата Платона, служащего в С.-Петербурге при департаменте уделов, Евангелие, писанное тростию в XIII веке иноком Алексеем; любовь к отечественным древностям в нем удивительна: сот до трех собрал старопечатных книг; из рукописей у него на пергамене древнейшего почерка особенно примечательны: Собрание молитв, составленных Кириллом Туровским, и Слово о полку Игореве; первая страница последнего писана рунами; Востоков об этом сомневается, потому что русские рун не употребляли, но прочие с.-петербургские антикварианты отдадут справедливость»⁹⁰.

Из этого письма видно, что, несмотря на то, что П. Я. Актов только в 1838 году переехал из Тулы

в Петербург, он успел уже войти в связь с таким авторитетом по части славяно-русских древностей, как А. Х. Востоков. Кого следует разуметь под «с.-петербургскими антиквариями», сказать трудно; вероятно, это были коллекционеры, вроде купца А. И. Кастерина, мало разбиравшиеся в особенностях древнерусского письма и языка и поэтому более склонные «отдать справедливость», как по-старинному писал М. Я. Диев, подделанной (как будет показано ниже) рукописи «Слова о полку Игореве» и «рунической» надписи на первом ее листе.

Месяца через два с лишним, в письме от 10 августа того же 1840 года, М. Я. Диев снова писал Снегиреву о своем брате; напомнив московскому корреспонденту о Евангелии XIII века, купленном для П. Я. Актова, Диев продолжал: «Брат мой Платон Яковлевич, собравши большое число рукописей в С.-Петербурге, сверял Евангелие (XIII века.— П. В.) с 9 рукописными и нашел, что в нем перевод особый».

Сообщив об этом факте, свидетельствующем, что П. Я. Актов не просто собирал старинные рукописи, но и изучал их, М. Я. Диев продолжает: «Это повело к заключению: Евангелие не святителя ли Алексея митрополита, который 20 лет при доме митрополита Феогноста проходил разные послушания»⁹¹.

По-видимому, И. М. Снегирев не спешил с ответом на письма Диева, в которых высказывалась гипотеза П. Я. Актова о происхождении перевода Евангелия XIII века. Об этом можно заключить из следующего упоминания Диева в письме от 30 августа 1840 года: «К вам еще я с униженнейшей просьбою: брат мой Платон Яковлевич, горя нетерпением подробно узнать о харатейном⁹² Евангелии, о котором в прошедшем письме имел я честь писать, просит меня третьим письмом наведаться о святом Евангелии свят. Алексея митрополита, точно ли оно в Чудове монастыре. Не оставьте, покорнейше прошу, сообщить об этом ваше мнение; оно даст окончательный суд нашим догадкам»⁹³.

Так как переписка М. Я. Диева с И. М. Снегиревым полностью не сохранилась, мы не знаем, ограничились ли сведения об Актове только тем, что было процитировано нами выше⁹⁴. Но и эти немногие

строки дополняют наши скудные представления об Актове как о человеке пытливом, страстно увлеченном своими находками, нетерпеливо ждущем от брата сведений, которые тот должен был получить для него от Снегирева, — словом, как о библиофиле, фанатически преданном своей книжной страсти. Следует вспомнить заключительные слова приведенного выше «Известия для библиоманов» И. П. Сахарова о том, что в каталоге Актова более редкие книги «отмечены точными о достоинстве их отзывами иностранных библиографий, с означением при том знаменитых мест и лиц, коим какая книга принадлежала». И это тоже черта типичного библиофила.

На этом обрываются доступные мне печатные сведения об актовской библиотеке.

Помимо немногочисленных печатных сохранились и некоторые рукописные материалы, относящиеся к библиотеке П. Я. Актова. Это хранящееся в Архиве Дирекции Государственной Публичной библиотеки (ГПБ) дело о покупке в 1838 году у титулярного советника Актова редких русских книг⁹⁵.

В конце сентября 1838 года П. Я. Актвов предложил директору Императорской Публичной библиотеки (ИПБ) А. Н. Оленину купить у него редкие русские книги. В списке было 48 старопечатных книг, разделенных на 3 отдела: I. Книги, неизвестные библиографам (9); II. Книги, коих нет в библиотеке гр. Толстого (17); III. Книги старопечатные (22). Описание было сделано на листах с печатным текстом, по-видимому, приготовленных для инвентарных книг Публичной библиотеки. Возможно, что Актвов устно предложил купить у него книги, и этим объясняется отсутствие в деле его письменного предложения. Очевидно, ему даны были из Управления ИПБ готовые листы для заполнения их нужными сведениями по форме.

В соответствии с принятым порядком А. Н. Оленин направил 28 сентября 1838 года за № 177 библиотечарю статскому советнику И. А. Крылову, знаменитому баснописцу, служившему в ИПБ, отношении с просьбой дать свое заключение по предложению Актова.

В ответ на это И. А. Крылов почти через месяц, 20 октября 1838 года, представил Оленину донесение, в котором рекомендовал приобрести недостающие в ИПБ книги. На полях этого донесения А. Н. Оленин сделал пометку о своем согласии приобрести перечисленные Крыловым книги ⁹⁶.

Очевидно, переговоры с Актовым затянулись, так как только через месяц, 19 ноября 1838 года, А. Н. Оленин предписал казначею библиотеки С. В. Васильевскому выплатить Актову за купленные у него 23 редкие книги 1510 рублей в два приема: 800 рублей еще в 1838 году, а остальные 710 — в январе 1839 года.

В ноябре же 1838 года за № 229 было предписано библиотекарю и кавалеру Крылову принять купленные у Актова 23 книги, «редкие по их изданиям», и «поместить их в отделение старинных книг».

На листе 3 общего перечня книг есть приписка: «Чиновник Плат. Як. Актов жительствоует I Адмир. часть I кварт. в доме генеральши Нееловой № 12 у Конюшенного моста».

Почему Актов решил продать часть своей коллекции Публичной библиотеке, мы не знаем. Возможно, причиной была его болезнь, требовавшая денег на лечение.

То, что известно нам о П. Я. Актове и его собрании, представляет много загадочного. Откуда могли попасть в Тулу, где в основном составила библиотека Актова, такие редчайшие издания, как гутенберговская «Сивиллина книга» (по-видимому, о ней может идти речь при указании книги 1444 года), как 46 инкунабул, как славянское «Евангелие на престольное» XV века и другие? Откуда могли быть у скромного чиновника из поповичей средства на приобретение книг и рукописей в таком большом количестве: Диев указывает, что у Актова в Туле библиотека насчитывала более пяти тысяч томов. Сахаров отметил в своем «Известии для библиоманов» 1105 только ценнейших книг. Среди библиофилов первой половины XIX века, большей частью крупных сановников или по крайней мере богатых купцов, П. Я. Актов представляется странным, загадочным исключением. Не ясно,

почему до 1838 года о его библиотеке не было никому известно. Скрывал он ее? Почему?

Загадочна и судьба библиотеки Актова. С полной достоверностью мы знаем о том, что несколько ее рукописей купила библиотека Казанского университета. Из писем Кастерина и Сахарова известно, что большую часть актовского собрания приобрел граф Строганов. Слова Сахарова «ваш Строганов» означают, что речь идет о графе С. Г. Строганове (1797—1882), в то время попечителе московского учебного округа. Однако о составе библиотеки С. Г. Строганова сведений почти не сохранилось⁹⁷. Неизвестно также, купила ли у Актовой что-либо Александро-Невская академия. По крайней мере в известном «Описании 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание» А. А. Родосского (Спб., 1894) никаких упоминаний о покупках у Актовой не содержится. Небольшая группа документов была продана В. И. Актовой в 1842 году Археографической комиссии⁹⁸.

О судьбе одной из самых интригующих наше любопытство «редкостей» собрания П. Я. Актова — рукописи «Слова о полку Игореве» — стало известно из недавно напечатанной статьи покойного академика М. Н. Сперанского «Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев)»⁹⁹.

Характеризуя деятельность фальсификатора А. И. Бардина, изготовившего по крайней мере четыре (а может быть, и шесть) поддельных рукописей «Слова о полку Игореве», М. Н. Сперанский прослеживает историю каждой из этих подделок. Одна была продана в 1815 году графу А. И. Мусину-Пушкину, тому самому, который за двадцать пять лет до того, в начале 1790-х годов приобрел подлинный список «Слова» и издал его в 1801 году. Обращение Бардина к Мусину-Пушкину с предложением рукописи «Слова» было психологически правильно рассчитано: фальсификатор знал, что этот коллекционер, библиотека которого сгорела в 1812 году во время пожара Москвы, несомненно, за любую цену захочет приобрести предлагаемый ему экземпляр, чтобы иметь замену сгоревшему. Отличить

подделку от подлинной рукописи Мусин-Пушкин по недостатку палеографических знаний не мог. Поэтому он и приобрел изделие Бардина. Вскоре, в 1817 году, Мусин-Пушкин умер, и судьба экземпляра «Слова», купленного им у Бардина, на некоторое время, как говорили в старину, «покрывается мраком неизвестности».

Приблизительно лет через пятьдесят — пятьдесят пять в рукописный отдел бывшего Румянцевского музея (ныне Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина) поступила рукопись (поддельная) «Слова о полку Игореве», подаренная профессором В. Ф. Миллером. По мнению М. Н. Сперанского, это и был экземпляр, принадлежавший сначала Мусину-Пушкину, а затем П. Я. Актову. Как рукопись эта могла из библиотеки Мусина-Пушкина попасть к Актову, М. Н. Сперанский за отсутствием документальных материалов не объясняет; равным образом не может он ничего сказать о том, от кого приобрел эту подделку В. Ф. Миллер.

Итак, снова загадка.

Впрочем, в рассуждениях М. Н. Сперанского, когда он отождествляет экземпляр Мусина-Пушкина с экземпляром Актова, есть уязвимое место. По сохранившейся рукописной описи библиотеки Актова и по данным письма М. Я. Диева И. М. Снегиреву от 30 мая 1840 года известно, что на первой странице актовского экземпляра «Слова» была так называемая «руническая» надпись, то есть надпись, сделанная вымышленной азбукой в подражание скандинавским письменным знакам — рунам. Такая же надпись имеется на экземпляре Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Из этого М. Н. Сперанский заключил, что данный экземпляр и есть «Слово о полку Игореве» Актова и в то же время Мусина-Пушкина. Почему он так думает, он не объясняет, вероятно, только потому, что существовал экземпляр Мусина-Пушкина. Однако у нас нет никакой уверенности, что Бардин изготовил только один-единственный экземпляр «Слова» с «рунической» надписью. Их могло быть больше. Ведь из возможных шести поддельных рукописей «Слова», сфабрикованных Бардиным, дошли до нас только четыре. Что представ-

ляли две утраченные, неизвестно. Вполне возможно, что одна из них или даже обе также могли иметь «рунические» надписи.

Загадку представляет и «руническая» надпись на экземпляре Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Она до сих пор не прочтена. Можно предположить, что этот «таинственный» орнамент в форме круга даже не связная надпись, а простой набор подражаний руническим знакам, не составляющим слов.

Может быть, сейчас, когда с помощью электронных машин почти полностью расшифрована письменность народа майя, с помощью тех же машин удастся прочесть эту «руническую» надпись или доказать ее поддельность.

Но прочие «загадки Актова» едва ли раскроют и электронные машины.

И личность, и чрезвычайно богатая библиотека П. Я. Актова интересны для нас не только своей «загадочностью». Скромный, незаметный и при жизни, и после смерти, рядовой русский чиновник первой половины XIX в., Актон, может быть, принадлежал к той небольшой части русского чиновничества, которая отличалась высокой культурой. Не все чиновники царствования Александра I и Николая I походили на гоголевского городничего и других городских «сановников» из «Ревизора» и «Мертвых душ». Когда Белинский и Герцен, а позднее Чернышевский и Добролюбов говорили в своих статьях и рецензиях о честных и добросовестных чиновниках, читающих прогрессивные журналы и книги и не занимающихся вымогательством взяток у просителей, речь шла, несомненно, о людях вроде П. Я. Актова.

Впрочем, кто его знает, что на самом деле представлял собой Актон. Мы видели, что он хорошо владел латинским языком, знал, по-видимому, иностранные языки, так как мог в каталоге свей библиотеки указывать западно-европейские труды по библиографии, в которых шла речь о той или иной книге, имевшейся у него. Все это говорит в его пользу. Ценно и то, что он изучал свое собрание, сравнивал тексты

древнерусских переводных книг между собой, устанавливал их отличия.

Но откуда у скромного чиновника удельного ведомства, жившего на одно «жалованье», могли быть средства на покупку большой и ценной библиотеки? Невольно приходит мысль о том, что чиновники XVIII—XIX вв. иронически называли «безгрешными доходами», то есть о взятках. Однако удельное ведомство, которое наблюдало за имуществом царской семьи, всякого рода именьями, лесными угодьями, усадьбами и т. п., не давало своим служащим возможности заниматься взяточничеством.

Хочется надеяться, что найдутся документы — письма, воспоминания, дневники, которые пополнят наши сведения об Актове.

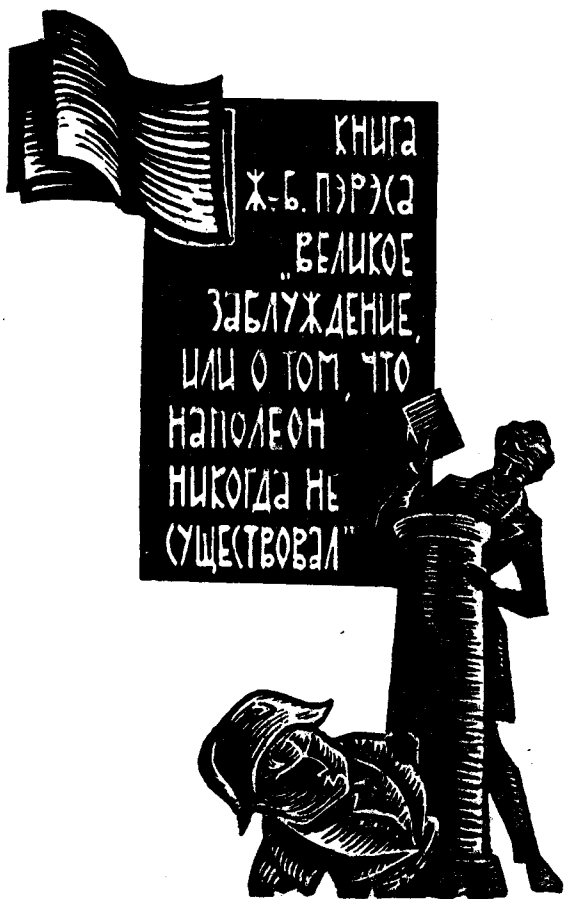

ЧЕТЫРЕ
МАЛЕНЬКИХ
КНИЖНЫХ
РЕДКОСТИ
ИЗ СОБРАНИЯ
Н. П. ЛИУДЧЕВА

В течение первой половины 30-х годов я работал заведующим отделом книги в Институте книги, документа, письма (ИКДП) Академии наук СССР. Этот институт возник на основе огромного и ценнейшего собрания академика Н. П. Лихачева. Как заведующий основным отделом ИКДП я имел возможность изучать — увы! не имею никаких оснований сказать: изучить, — исключительные книжные богатства того собрания.

Когда-нибудь, может быть, я подробнее расскажу о коллекциях Н. П. Лихачева, а сейчас мне хочется познакомить читателя с четырьмя маленькими книжными «редкостями» этого собрания. Книги эти заинтересовали меня судьбой либо людей, которые их создавали, либо людей, о которых в них говорится. Что может быть для человека интереснее человека? В особенности человека незаурядного в каком-либо отношении? «Редкостями» же я считаю их не потому, что их было напечатано считанное число экземпляров (хотя в отношении ко второй «редкости» это верно), а потому, что они представляют любопытные факты из истории западноевропейской культуры.

реди многочисленных «раритетов» и «курьезов» библиотеки ИКДП мне запомнилась книжечка на французском языке в шестнадцатую долю листа, насчитывавшая всего лишь двадцать страниц и по внешнему оформлению ничем не выделявшаяся из числа других провинциальных французских изданий первой четверти XIX века, находившихся в коллекции Н. П. Лихачева. Вышла она в свет в маленьком французском городке Ажане, по предположению библиографов, в 1817 году. Хотя

книжечка была напечатана анонимно, имя ее автора — Жан-Батист-Пэрэс — сразу же стало известно.

Это было вскоре после знаменитых «Ста дней», когда Наполеон Бонапарт вернулся с острова Эльбы в Париж, привел в крайнее замешательство все реакционные силы Европы, но в конце концов сдался и был сослан на остров св. Елены. Имя его было еще у всех на устах, одни огорчались его падением, другие радовались, но и те и другие его помнили.

И вот в это самое время появляется маленькая книжечка Ж.-Б. Пэрэса со странным титульным листом: «Великое заблуждение, источник бесчисленного количества ошибок в истории XIX века» — и с еще более странным заглавием на обложке: «О том, что Наполеона никогда не было»¹⁰⁰.

Автор этой книги не был сумасшедшим. Уроженец Ажана, Ж.-Б. Пэрэс долгое время был преподавателем физики и математики в Лионе, где в 1791 году выпустил политическую брошюру¹⁰¹, затем около 1807 года вернулся в родной город, занимался здесь адвокатурой, через несколько лет стал товарищем прокурора и, наконец, нашел наиболее отвечающее его вкусам дело — стал хранителем (директором) местной библиотеки. Пэрэс служил до конца своих дней — до 4 января 1840 года. Его перу принадлежит еще одна работа, которая не имеет никакого научного и литературного значения, тогда как на долю «Великого заблуждения» выпал замечательный успех: эта книжечка, написанная Пэрэсом в один день, выдержала по меньшей мере восемнадцать изданий, последнее из которых вышло в 1909 году¹⁰², была переведена на английский (1885, Лондон; 1905, Чикаго), итальянский (1877), немецкий и русский (1912) языки и сохранила в истории культуры имя своего автора, которое до ее появления в свет мало кому было известно за пределами его родного Ажана.

Что же представляет собой книжечка Ж.-Б. Пэрэса? Почему она снискала такую большую популярность среди европейских и американских читателей?

Ответ на тот и другой вопрос может быть дан только после некоторых предварительных пояснений.

Еще за несколько лет до Французской революции 1789 года французские научные круги были взволнованы статьями, а затем и книгой известного астронома и филолога Ш.-Ф. Дюпюи (1742—1809), носившей не сразу понятное заглавие «Памятная записка о происхождении созвездий и об истолковании Мифологии» (1781).

Дело в том, что Дюпюи обратил внимание на перешедшие к европейцам от греков названия созвездий, а также их изображения на древних картах звездного неба (планисферах). Последние показались Дюпюи очень далекими от реальных очертаний созвездий, которые мы видим на небе. Стараясь разрешить эту загадку, Дюпюи остановился прежде всего на так называемых двенадцати знаках Зодиака. Он предположил — и надо признать, что в этом он очень опередил науку своего времени, — что названия созвездиям Зодиака придумал народ, живший на такой территории, на которой сельскохозяйственный и астрономический календари совпадали и «состояние» неба, так сказать, соответствовало «состоянию» земли. Например, когда солнце проходило через созвездие Водолея, начинались дожди, а при прохождении его через созвездие Весов устанавливалось весеннее равноденствие. По мнению Дюпюи, такой климат и такое «соответствие» земли и неба имеет место в Верхнем Египте и Эфиопии, где и возникли эти названия за 15—16 тысяч лет до нашего времени.

На этой мифологической основе Дюпюи построил свои дальнейшие теории, донельзя фантастические.

Он полагал, что большая часть того, что считается историческими личностями, есть на самом деле «очеловеченные» небесные тела, и прежде всего солнце. Восхождение и захождение звезд, планет и т. д., изображенных на планисферах в виде людей и животных, породило, по мнению Дюпюи, якобы реальные истории царей, воинов и героев, послужило основанием для возникновения бесчисленных чудес в мифологии и необъяснимых фактов в истории. Поэтому без «иеро-астрономического» ключа (так называл Дюпюи свою теорию) нельзя проникнуть в под-

линную историю. В своем авторском увлечении Дюпюи зашел очень далеко, в особенности во втором своем большом труде «Происхождение всех культов, или Всеобщая религия» (1794; 3 тома в четвертую долю листа или 12 томов в восьмую) и в кратком изложении последнего «Конспект происхождения культов» (1798). Здесь «иеро-астрономическая» теория применялась не только смело, но и, можно сказать, бесшабашно: все исторические события древности с помощью календарно-астрономических приемов истолковывались как демифологизация, как отрицание их реальности.

Так как Дюпюи, помимо того что был видным ученым, членом ряда французских академий и президентом Института, то есть того учреждения, которое во Франции соответствует Академии наук, был еще крупным политическим деятелем времени Французской революции, вокруг его книг шла яростная борьба; клерикалы и вообще консерваторы не без основания видели в теориях Дюпюи — в первую очередь в его объяснениях мифологии христианства — подрыв веры и всячески старались преуменьшить значение его книг, не останавливаясь перед лживыми утверждениями, что никто не прочел ни одного тома «Происхождения всех культов».

Несмотря на прямолинейность и грубость применения своего «иеро-астрономического» принципа, Дюпюи все же положил начало новой европейской науке (противники утверждали, что его предшественниками были многие античные писатели, в особенности Макробий) — пересмотру истории религий, а основной метод Дюпюи был возрожден в середине XIX века в «солярной» (солнечной) теории мифологов и филолога Макса Мюллера.

Но возвратимся к Ж.-Б. Пэрэсу и его «Великому заблуждению». В одной из многочисленных статей о нем рассказывается, будто Пэрэс во время летнего отпуска познакомился в деревне с каким-то ярым последователем Дюпюи и, чтобы разубедить своего собеседника в «иеро-астрономической» теории низвергателя «всех культов», написал свою небольшую книжечку, полностью выдержанную в манере последнего.

«Наполеон Бонапарт,— начинается «Великое заблуждение» Пэрэса,— о котором столько было говорено и столько написано, на самом деле даже не существовал. Он — персонаж аллегорический. Это — персонифицированное солнце; и наше утверждение будет доказано, когда мы убедимся, что все, что было опубликовано о Наполеоне, взято из мифологических рассказов о великом светиле.

Посмотрим же суммарно, что говорят об этом чудесном человеке.

Говорят:

что он назывался Наполеон Бонапарт;

что он родился на острове в Средиземном море;

что его мать называлась Летицией;

что у него было три сестры и четыре брата;

что у него были две жены, из коих одна родила ему сына;

что он положил конец великой революции;

что под его властью было шестнадцать маршалов, из коих двенадцать находились на действительной службе;

что он совершил победоносный поход на Юг и что он пал на Севере;

что, наконец, процарствовав двенадцать лет, если считать с момента его возвращения с Востока, он исчез в западных морях.

Требуется доказать, что эти различные подробности заимствованы из мифов о солнце; мы надеемся, что всякий, кто прочтет настоящее сочинение, будет убежден в правильности сказанного».

И затем, сохраняя серьезный и в то же время иронический тон, Пэрэс анализирует пункт за пунктом, применяя методы Дюпюи:

«Во-первых, известно, что поэты называют солнце Аполлоном, разница же между именем Аполлон и Наполеон невелика, и она окажется еще меньше, если мы обратимся к значению и происхождению этих имен».

Имя Аполлон означает «истребитель», «губитель», говорит далее Пэрэс, а чем был Наполеон? Тоже истребителем, губителем. Рядом с формой Аполлон употреблялась форма Аполлюон и Аполлеон. Скажут, что в имени Наполеон есть лиш-

няя буква «н». Но это не буква, это остаток греческой приставки «не» (см. имя Наполеона на Вандомской колонне — «Неаполеон»), или «най», что по гречески означает «подлинный», «действительный». Иными словами, «Наполеон» — «Неаполеон», то есть «действительный Аполлон».

Что значит вторая часть его имени, Бонапарт или Бонапарте? — спрашивает Пэрэс. По-латыни это значит «добрая часть», то есть солнечный свет. Ведь обращаются же к дьяволу: «*Abi in malam partem!*» («Изыди во мрак!»).

Переходя ко второму пункту, рождению Наполеона на острове в Средиземном море, Пэрэс говорит, что, согласно мифу, Аполлон родился на острове Делосе; остров Корсика, на котором якобы увидел свет Наполеон, расположен по отношению к Франции, где сложился миф о Наполеоне, так же, как и Делос по отношению к Греции.

Мать Аполлона звали по-гречески Лето, по-латыни Латона; откуда легко могло получиться имя Летиция. Это имя значит «радость». Понятно, когда рождается солнце, все радуется.

У Наполеона было три сестры — это три грации, которые входили в свиту Аполлона. Четыре брата Наполеона — четыре времени года; три из них были королями — ведь мы называем весну, лето и осень (по-французски эти слова мужского рода, за исключением слова осень, которое по-латыни мужского рода) королями (царями) цветов, злаков и плодов и т. д.

Нам нет необходимости полностью пересказывать содержание книжечки Пэрэса: из приведенных отрывков видно, как он пользовался приемами Дюпюи. Кроме того, как уже сказано было выше, существует полный русский перевод этого произведения — «Почему Наполеона никогда не существовало, или Великое заблуждение источник многих ошибок, которые надо исправить в истории XIX века» (М., 1912).

Могут сказать: если было около двадцати изданий книги Пэрэса на французском, были переводы на ряд европейских языков, в том числе и на русский, — какая же это редкость?

А вот попробуйте, найдите в продаже первое издание этой прославленной литературно-научной мистификации, издание, вышедшее без даты и имени автора в Ажане, издание, которого нет ни в одной европейской библиотеке, даже в парижской Национальной (там есть два издания 1835 года и ряд последующих). Попробуйте найти это издание, о точной дате выхода которого существуют разногласия у французских библиографов и библиофилов — одни, в том числе Анатоль Франс, П. Ларус, Хефёр, считают 1817 год, а другие — и с большим основанием — 1827 год ¹⁰³.

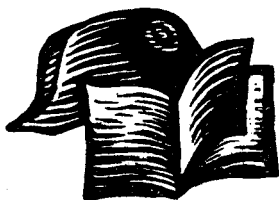
Об авторе «Великого заблуждения» почти не сохранилось сведений. В одной его биографии — все известные мне состоят из нескольких строк — есть ссылка на две статьи о нем в провинциальном французском журнале за 1836 и 1840 годы, которого в Ленинграде нет. Мы не знаем, что за человек был этот Пэрэс, каковы были его философские и политические взгляды; мы не знаем, как относился он к Наполеону, был ли он с теми, кого огорчило падение «последнего сына революции», или он был на стороне тех, кто с радостью говорил: «Хорошо, что уже нет этого корсиканца». Мне кажется, что Пэрэс не был антибонапартистом. Ведь он ушел из прокуратуры на должность библиотекаря сейчас же после падения Наполеона. Может быть, именно в насмешку над теми, кто злорадствовал по поводу гибели императора, Пэрэс и написал свою издевательскую книжечку «О том, что Наполеона никогда не было», словно хотел сказать: «Вы радуетесь тому, что его нет. Вы были бы еще более рады, если бы его никогда вообще не было. Извольте!»

Так, по Дююи препарированная история очень понравилась бы европейской реакции 1820—1830-х годов, но именно успех книжки Пэрэса был — по крайней мере на первых порах — свидетельством симпатий к Наполеону.

Еще несколько слов.

Как у Дююи через несколько десятков лет оказались последователи, мифологи, создатели «солярной теории», так и у Пэрэса лет через сто появился продолжатель. Датский профессор Вальтер Андер-

сон, фольклорист так называемой финской школы, напечатал в начале 30-х годов нашего века брошюру «Степка-растрепка как астральный миф. Опыт применения палеонтологического анализа академика Н. Я. Марра». Эту книжечку я видел всего лишь один раз — на докладе о ней известного фольклориста проф. Н. П. Андреева, которому автор прислал ее в дар. Это было в 1931—1932 годах.

И

мя Александра Иустиновича Малеина (1869—1938), вероятно, мало известно современным читателям. Но прежде чем я расскажу о нем, мне нужно познакомить вас с временем и местом действия.

В 1930 году в связи с реорганизацией Академии наук СССР, Музей палеографии, во главе которого стоял академик Н. П. Лихачев, был преобразован в Музей книги, документа и письма, директором которого был назначен член-корреспондент Академии

А. С. Орлов, вскоре избранный в академики. До 1930 года штат Музея палеографии был очень невелик; в шутку говорили, что он состоял из двух человек: директора и уборщицы. Реорганизованный Музей книги, документа и письма получил сразу же значительно большее количество штатных единиц. В отдел книги были приглашены А. И. Малеин и я. В это время А. И. Малеину было уже шестьдесят лет; он был членом-корреспондентом Академии наук, известным профессором классической филологии Ленинградского университета, обладал феноменальной памятью и начитанностью и был замечательным знатоком истории книги. В дореволюционное время А. И. Малеин издавал один из лучших русских журналов по классической филологии — «Гермес» (1907—1917); к участию в этом журнале он сумел привлечь не только специалистов-классиков, но и поэтов-переводчиков, в том числе и В. Брюсова, который его очень ценил. Одно время А. И. Малеин был президентом Русского библиологического общества; в конце 20-х годов он читал на Высших курсах библиотекведения при Государственной Публичной библиотеке историю западноевропейской книги; долгое время он заведовал кабинетом инкунабул библиотеки Академии наук.

Об А. И. Малеине я слышал от знакомых студентов и аспирантов еще в середине 20-х годов как о человеке исключительной, фантастической эрудиции в области гуманитарных наук.

Познакомились мы друг с другом при следующих обстоятельствах.

В 20-х годах в Ленинграде существовал Институт книговедения, периодически устраивавший открытые научные заседания. В помещении этого института раз или два раза в месяц происходили заседания Русского библиологического общества. В Институте книговедения А. И. Малеин был штатным работником, а в библиологическом обществе — постоянным посетителем. На заседаниях института и общества мы встречались, но знакомы не были. Как-то я делал доклад не то в библиологическом обществе, не то в институте. Доклад заинтересовал А. И. Малеина. Вероятно, обо мне как преподавателе истории русской

книги на тех же Высших курсах библиотековедения А. И. Малейн уже слышал. После доклада он подошел ко мне, мы познакомились, и он тут же предложил мне вместе написать историю книги, западной и русской.

От совместного писания истории книги я отказался, так как считал себя не подготовленным к такому труду, но с этого времени у нас установились очень хорошие отношения, не испортившиеся даже тогда, когда А. С. Орлов пригласил меня заведовать отделом книги в Музее книги, документа и письма, а его, человека, у которого было больше знаний и научного опыта, только сотрудником отдела. Я чувствовал себя вследствие этого крайне неловко, но А. И. Малейн никогда не показывал своего неудовольствия, если оно у него было, а скорее всего обиды он в этом не усмотрел.

Работали мы дружно, дарили друг другу свои книги и оттиски, Александр Иустинович хвалил меня за «бenedиктинское», как он говорил, трудолюбие, и за все время существования Музея, а потом Института книги документа, письма у нас не было и тени недоразумений.

В то время мы готовили выставку по истории книги — от зарождения книгопечатания до наших дней. Богатейшие фонды музея, с которыми А. И. Малейн успел уже хорошо познакомиться, а также фонды библиотеки Академии наук, которые были им превосходно изучены, давали нам если и не неограниченные, то уж, во всяком случае, огромные возможности. Мы совместно разработали план выставки, представили его директору, который принципиально план одобрил, но предложил обсудить на заседании совета музея. Кроме нас троих, в совет в 1930 году входили еще заведующие отделами документа и письма. На заседании совета музея во время обсуждения плана А. С. Орлов, отметил, что в нашем проекте слабо представлена журналистика времени французской революции 1789 года, но что это, очевидно, объясняется недостаточностью материала.

А. И. Малейн, внимательно и спокойно слушавший речь директора, вдруг заволновался, забеспокоился и попросил разрешения на несколько минут

уйти. Через пять-десять минут он вернулся, с торжествующим видом держа в руках небольшую брошюру.

— Вот, сказал он, — то, что будет блестящим дополнением раздела революционной журналистики. Это — редчайшее переиздание последнего номера «Друга народа» Жан-Поля Марата.

— С каких это пор переиздания стали считаться редкостями? — спросил кто-то.

Александр Иустинович был задет этими словами за живое:

— Это фототипическое переиздание того номера «Друга народа», который Марат читал в ванне и на котором остались пятна его крови, после того как Шарлота Корде пронзила его кинжалом. Видите эти темные пятна на фототипии — это и есть воспроизведение пятен крови Марата. Переиздание это было выпущено в количестве пятидесяти экземпляров не для продажи. Здесь, если не впервые, то, во всяком случае, в один из первых раз была применена фототипия. А издателем был Анатолий Тибо — не кто иной, как Анатолий Франс. Его отец, Франсуа-Ноэль Тибо, известный под именем «Папаша Франс» (отсюда и псевдоним сына), был, как вы знаете, владельцем антикварного книжного магазина, специализировавшегося по продаже революционной литературы. Папаша Франс считался лучшим знатоком книги времени революции, консульства и империи. Он сумел внушить любовь к старинной книге своему сыну. Когда Анатолию исполнилось девятнадцать лет, папаша Франс подарил ему номер «Друга народа» с кровью Марата. Библиофил А. Франс решил воспроизвести этот номер фототипически — для своих друзей-библиофилов. Таким образом, — язвительно кивнул А. И. Малейн в сторону того, кто задал неосторожный вопрос о переизданиях, — вы видите, что и переиздания могут быть редчайшими. А все, что я вам рассказал, я знаю отчасти из предисловия к этой брошюре, а отчасти из записки, которая вложена в нее Н. П. Лихачевым, купившим эту величайшую библиографическую редкость в Париже за довольно большую сумму.

А. И. Малейн оказался прав — переиздание «Друга народа», осуществленное молодым Анатодем Фран-

сом, явилось «блестящим дополнением» отдела французской революционной журналистики и неизменно возбуждало живейший интерес посетителей выставки Музея — Института книги, документа, письма. Оно привлекало внимание и как воспроизведение исторического номера газеты и как редчайшее издание Анатоля Франса.

Мы с Александром Иустиновичем пытались потом найти сведения об этом издании в литературе об А. Франсе, но выяснить нам ничего не удалось. Искал я и недавно, когда готовил настоящую главу, обращаясь к самым новым справочникам по истории французской литературы XIX века и журналистики периода революции, но также безуспешно.

Только от И. С. Ковалевой, автора книги об Анатоле Франсе, я узнал, что о переиздании последнего номера «Друга народа» говорится в новом труде Андре Ван-дер-Гана «Анатоль Франс. Годы становления» (Париж, 1954)¹⁰⁴. Книга эта в нашей стране имеется только в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

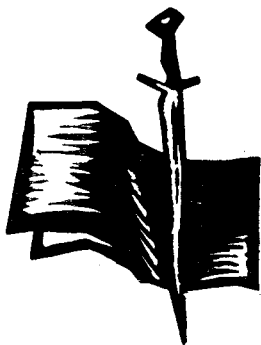
Самое, однако, печальное не то, что мы не нашли сведений в литературе, а то, что в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, куда перешла библиотека Института книги, документа, письма, не могут сейчас найти это редчайшее издание Анатоля Франса.

В памяти книголюба какая-либо одна история почти всегда цепляется за другие или хотя бы за какую-то одну. И сейчас, закончив рассказ о переиздании А. Франсом последнего номера «Друга народа», я хотел бы напомнить читателям о другой книжной редкости, связанной с первым литературным выступлением великого французского писателя. Говорю «напомнить», так как в русской литературе об А. Франсе этот эпизод бегло упоминался (см. книгу В. А. Дынник. Анатоль Франс. Творчество. М.—Л., 1934, стр. 69).

Речь идет о школьном сочинении Анатоля Тибо, пятнадцатилетнего ученика лицея св. Станислава, «Легенда о святой Радегонде, королеве французской» (1859). Жюри из лучших учеников класса признало это сочинение заслуживающим премии. Отец будущего писателя и его дядя (по матери) Гиацинт Дюфур, впоследствии с такой теплотой изображенный в лице

дяди Виктора в «Преступлении Сильвестра Боннара», были настолько восхищены и горды успехом Анатоля, что решили издать его произведение литографским способом. Дядя каллиграфически переписал «Легенду о св. Радегонде», отец — «папаша Франс» дал деньги, и вскоре в нескольких экземплярах появилась в свет первая литературная работа Анатоля Франса Тибо. Здесь впервые был использован псевдоним «Франс».

Точное количество выпущенных и, главное, сохранившихся экземпляров этой библиографической редкости не установлено. Один экземпляр «Легенды» принадлежал известному французскому государственному деятелю и очень крупному библиофилу Ж. Л. Барту, убитому в 1934 году вместе с сербским королем Александром. В 1924 году он поместил в «Ежегоднике Общества друзей книги» статью «Об одном экземпляре «Легенды о св. Радегонде» Анатоля Франса», в которой, на основании письма писателя, рассказал историю этой литографированной книжечки. Другой экземпляр из коллекции некоего «г-на Л.» продавался в июне 1932 года с аукциона. Каталог этого аукциона, изданный в количестве 49 экземпляров, имеется в библиотеке Академии наук (Ленинград). Титульный лист «Легенды о св. Радегонде» воспроизведен в книге А. Тальвара и Ж. Пласа «Bibliographie des auteurs modernes de langue française» (1801—1936), t. VII, 1937, p. 133 («Библиография новейших французских писателей», т. VII, 1937, стр. 133)

К

огда, еще будучи студентом, я впервые прочел в книге Ш. Ланглуа и Ш. Сеньбоса «Введение в изучение истории» (СПб., 1899, стр. 70) несколько строк о некоем «Врэн-Лукасе, приносившем г. Шалю надлежащим образом подписанные автографы Верцингеторикса, Клеопатры и св. Марии Магдалины», я заинтересовался этим забавным сообщением, но не сумел тогда найти никаких источников, из которых мог бы узнать подробности данного факта: в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза

и Ефрона в статье о математике Мишеле Шале (т. 77, стр. 115) было сказано еще меньше.

В начале 30-х годов, просматривая «Каталог книг библиотеки Алексея Петровича Бахрушина» (М., 1911—1912), я наткнулся на запись: «9839. Подделка автографов и парижская Академия наук. 1869—1870 гг. (Приложение к «Юридическому вестнику»)». Вопросы подлинности литературных и исторических документов давно уже занимали меня: незадолго до этого во Франции прогремела знаменитая история о «глезельском открытии»¹⁰⁵, у нас в Ленинграде в альманахе «Минувшие дни» (1927—1928) печатался «Дневник А. А. Вырубовой», вызвавший в литературных и читательских кругах толки о его подложности¹⁰⁶. В связи с этими вспомнили мистификацию, устроенную одним из ленинградских поэтов в начале 20-х годов: по его просьбе из Харькова было переслано письмо видному ленинградскому пушкинисту с якобы только что отысканным окончанием стихотворения Пушкина «Когда владыка ассирийский»; несмотря на то, что сопроводительное письмо, содержавшее сведения о происхождении будто бы пушкинской рукописи, пришло 1 апреля, пушкинист, не колеблясь, признал подлинность окончания стихотворения и напечатал по этому поводу статью; в одном из следующих номеров того же периодического издания было помещено разоблачение этой злой шутки.

Под впечатлением всех этих подделок и мистификаций 20-х годов я поспешил отыскать в Публичной библиотеке произведение, заглавие которого нашел в «Каталоге книг библиотеки А. П. Бахрушина». Оказалось, что статья «Подделка автографов и Парижская Академия наук. 1869—1870 гг.», являвшаяся приложением к журналу «Юридический вестник» (за сентябрь — октябрь 1871 года), представляет перевод из сборника замечательных судебных процессов, издававшегося в Германии под заглавием «Der neue Pitaval»¹⁰⁷ («Новый Питаваль») (Новая серия, т. 6, вып. 1).

С первых строк я увидел, что речь идет о том самом г. Шале, которому некий Врэн-Лукас приносил подозрительные автографы галльского вождя време-

ни Юлия Цезаря, египетской царицы Клеопатры и Марии Магдалины. Содержание брошюры вполне оправдывало ее название «Нового Питаваля» — сборника «знаменитых и интересных процессов». Больше того, это была потрясающая история, полная драматизма и комизма вместе.

Прочитав брошюру о подделке автографов и парижской Академии наук, я рассказал об этом своему коллеге по работе в Институте книги, документа, письма, заведовавшему отделом документа, покойному С. А. Аннинскому. Ничего не говоря, он взял меня за руку, подвел к одному из шкафов и вынул две книги, вернее, одну книгу большого формата и другую — маленькую брошюру. Подав их мне, С. А. Аннинский сказал: «Вот источник всего того, что напечатано о деле Врэн-Люка на любом языке». Это были книга архивистов А. Бордые и Э. Мабилья «Фабрика фальшивых автографов, или Рассказ о деле Врэн-Люка» (Париж, 1870, 111 стр. и 14 факсимиле)¹⁰⁸ и брошюра архивиста-палеографа, знаменитого Э. Шаравэй «Фальшивые автографы. Дело Врэн-Люка. Критический этюд» (Париж, 1870, 32 стр.)¹⁰⁹.

В тот же день я прочел обе французские книги о деле Врэн-Люка. Позднее мне снова приходилось в разных местах читать об этом знаменитом процессе — у П. Эделя (P. Eudel), А. Сима, А. Тьери и т. д., — и всякий раз я убеждался в правоте слов С. А. Аннинского: все, кто писал о деле Врэн-Люка после 1870 года, только пересказывали данные Бордые, Мабилья и Шаравэй. В сущности, это было неизбежно: названные лица были привлечены судебными властями в качестве экспертов, имели дело непосредственно с поддельными автографами, сфабрикованными Врэн-Люка, и как архивисты-палеографы более чем кто-либо другой могли дать точный отчет о процессе. Кроме того, Бордые и Мабилья перепечатали со своими поправками и дополнениями из «Судебной газеты» полный текст судебного разбирательства.

В результате всего прочитанного «дело Врэн-Люка» представляется мне так.

С 1861 года выдающийся французский ученый, «император геометров», академик Мишель Шаль

покупал у лица без определенных занятий Врэн-Люка старинные автографы. К 1869 году число приобретенных документов превысило 27 тысяч и обошлось Шалю в 140 тысяч франков. До июля 1867 года последний никаких сведений о своей коллекции никому не сообщал, но в связи с подготовкой истории Французской академии по случаю ее 200-летия преподнес этому ученому учреждению в дар четыре письма поэта XVII века Ротру ¹¹⁰, в двух из этих писем, написанных за тридцать лет до основания Французской академии, высказывалась мысль о желательности устройства подобных научных организаций. Так как писем Ротру до того времени не было известно ни одного, дар Шалю вызвал у всех академиков живейший интерес.

Коллеги Шалю по Академии наук знали, что он готовит большой труд, в котором ставит своей целью доказать приоритет французов в открытии закона всемирного тяготения: по его словам, честь этого великого научного достижения должна принадлежать философу Блэзу Паскалю, а не англичанину Ньютону. В связи с этим президент Французской академии наук Шеврель на том же заседании, на котором Шаль подарил письма Ротру, обратился к нему с просьбой сделать сообщение о своих важных открытиях. На следующем заседании Шаль прочел часть своих материалов. Появление их в печатных отчетах академии сразу же вызвало предположения о подложности документов. В дело вмешались английские ученые, а когда Шаль опубликовал новые документы, имевшие целью приписать Паскалю открытия Галилея и Гюйгенса, в полемику включились ученые Италии и Голландии.

Чем больше документов обнародовывал Шаль, тем больше указаний на грубые фактические, стилистические и орфографические ошибки в публикуемых материалах делали его противники, ряды которых с каждым днем росли. Борьба длилась более двух лет, и только в сентябре 1869 года Шаль назвал имя Врэн-Люка, у которого приобрел свою коллекцию. Можно полагать, что до того времени он скрывал имя своего поставщика автографов затем, чтобы никто, кроме него, не мог пользоваться этим источником. Тогда же

Шаль обратился в полицию с просьбой установить наблюдение за Врэн-Люка, который взял у него вперед значительную сумму за 3 тысячи автографов и, по предположению академика, мог бежать за границу, увезя с собой ценнейшие для престижа Франции документы.

Врэн-Люка был арестован, у него кроме чистой старой бумаги, необходимой для фабрикации автографов, были найдены разные печатные факсимиле старинных документов и подписей, служивших ему образцами, выписки о Паскале, Ньютоне, Галилее и других. Была найдена и тетрадь плохих стихов его собственного сочинения.

16 февраля 1870 года началось слушание дела Врэн-Люка. Сведения о подсудимом были таковы: сын деревенского поденщика, он родился вблизи города Шатодена около 1820 года; получив первоначальное образование в сельской школе, он потом переселился в Шатоден, служил сперва у адвоката, а затем в местном суде, усердно посещая городскую библиотеку, где читал много книг по истории и художественной литературе. В начале царствования Наполеона III Врэн-Люка переехал в Париж, но все попытки его устроиться в какой-нибудь библиотеке или книжном магазине терпели неудачу, так как у него не было никакого систематического образования и он не знал необходимого во Франции для библиотечкарей и книготорговцев латинского языка.

В этот тяжелый для него период он попал в характерное для эпохи Наполеона III учреждение — «генеалогический кабинет» Летеллье. Это было одно из тех «предприятий», которое за определенные, довольно большие суммы изготовляло фальшивые генеалогические документы, всякие фиктивные родословные и иные бумаги, требовавшиеся дельцам второй империи. Делалось все это на виду у наполеоновского правительства и с его ведома. В «генеалогическом кабинете» Врэн-Люка прошел основательную школу изготовления поддельных документов.

Фальсификаторская деятельность Врэн-Люка началась в «генеалогическом кабинете» Летеллье при следующих обстоятельствах. К главе «кабинета» обратился маркиз Дюпра, богатый старик, гордившийся

своим происхождением будто бы от канцлера Дюпра, министра короля Франциска I. Для подтверждения своих претензий маркиз Дюпра потребовал от Летеллье, чтобы тот достал ему автографы своего мнимого предка-канцлера. Так как таких автографов не было, а маркиз требовал их во чтобы то ни стало, Врэн-Люка согласился изготовить документы: он сфабриковал два «письма» философа М. Монтэня к канцлеру Дюпра, маркиз был очень доволен и из тщеславия показал их крупнейшему коллекционеру автографов барону Феллье-де-Коншу, издававшему сборник «Causerie d'un curieux» («Болтовня любопытного»), который, не колеблясь, напечатал эти письма как подлинные в третьем томе своего издания, отметив, правда, что они публикуются по копии. После этого Врэн-Люка постарался познакомиться с ученым и простодушно-доверчивым академиком Шалем, также известным коллекционером автографов. В течение восьми лет морочил его Врэн-Люка. Он продал академику 27 472 фальшивых автографа (включая сюда и книги с экслибрисами) 660 лиц.

Один только список документов, изготовленных Врэн-Люка занимает в книге Бордье и Мабилля более полутора печатного листа. Кого и чего только нет в этом перечне! Здесь и частные, и официальные письма, и литературные произведения (в том числе 39 сонетов Шекспира, 327 басен Лафонтена, 105 четверостиший Сервантеса), и научные трактаты, записки, выписки и т. д. Почти каждое сколько-нибудь известное в истории лицо было использовано Врэн-Люка для изготовления подделок. Так, из исторических научных и литературных деятелей античности в списке фальшивых автографов упоминаются Александр Македонский (письмо к Аристотелю), Алкивиад, Анакреон, Аристотель, Вергилий, Исократ, Калигула, Клеопатра, Лукреций, Овидий, Пифагор, Платон, Сафо, Сократ, Федр, Юлий Цезарь и другие. Очень много документов изготовил Врэн-Люка от имени исторических лиц средневековья и нового времени; наиболее яркие образцы — Атила (письмо к предводителю франков), Жанна д'Арк, Магомет, Карл Великий, Ричард Львиное Сердце, Сид, Гуттенберг, Лютер, Игнатий Лойола, изобретатель по-

роха Бертольд Шварц, Колумб, Коперник, Данте, Петрарка, Боккаччо, Чосер, Рафаэль, Леонардо да Винчи, Рубенс, Сервантес, Шекспир (632 документа — на самом деле существует только одна подпись Шекспира), Эразм Роттердамский и другие. Не забыл Врэн-Люка и русскую историю — в списке есть четыре письма Петра Великого и три письма Екатерины II к Даламберу.

Забавнее всего перечень имен из истории раннего христианства; здесь нет только писем Иисуса Христа, но письма к нему есть: Юлия Грецина и галльского врача Кастора. Есть письма Иуды Искарюта, царя Ирода Лазарю, воскресшему из мертвых, Марии Магдалины (к тому же), самого Лазаря (апостолу Петру), апостолов Иоанна, Петра и Павла, евангелистов Матфея и Луки, Понтия Пилата и т. п.

Если разделить эти 27 с лишним тысяч документов, сфабрикованных Врэн-Люка в течение восьми лет, на число «рабочих дней», то есть около 2700 дней, выходит, что фальсификатор ежедневно изготовлял около десяти подделок разного размера и качества. Впрочем, как-то расхваставшись, он заявил на суде, что мог изготовлять до тридцати автографов в день. Надо признать, что это был нелегкий труд, требовавший большого напряжения физических сил и нервной энергии. Не удивительно, что в судебных материалах о Врэн-Люка был отмечен его скромный и регулярный образ жизни: ежедневно после завтрака в кафе или в молочной он отправлялся в императорскую библиотеку или в другие парижские книгохранилища, читал там книги преимущественно о Паскале, Ньютоне и Галилее; работал он до вечера. Почти ни с кем не разговаривал и в последнее перед арестом время встречался только с академиком Шалем.

Нужно отметить еще, что при обыске у Врэн-Люка денег обнаружено не было: он сумел спрятать их.

Может показаться странным, что не владевший латинским языком Врэн-Люка изготовлял документы от имени греческих, римских, европейских, арабских исторических личностей, а также и различных средневековых авторов, писавших только по-латыни. Поддельные автографы, относившиеся к периоду до

XVI века, были написаны Врэн-Люка на старофранцузском языке, которому он легко научился, читая многочисленные труды по истории Франции. Так же овладел он и старинными почерками, знакомясь с воспроизведениями документов в разных сборниках. А для объяснения того, что письма греков, римлян и т. д. оказались написанными на старофранцузском языке, сам академик Шаль придумал — возможно, не без подсказки Врэн-Люка — следующую гипотезу: в IX веке в Турском аббатстве ученым Алкуином была составлена великолепная коллекция из античных и раннесредневековых документов; лет через пятьсот французский писатель-гуманист Фр. Рабле сделал для себя копии и переводы особенно понравившихся ему документов; сами же подлинники потом погибли.

На вопросы Шаля, откуда Врэн-Люка берет такие драгоценные автографы для продажи, последний отвечал, что коллекция эта принадлежала в XVIII веке графу Буажурдэну, который в 1791 году бежал со своим собранием в Америку; во время кораблекрушения владелец коллекции автографов утонул, но самое собрание документов, хотя и пострадавшее от морской воды (Врэн-Люка специально держал некоторые бумаги в грязной воде для подтверждения этой версии) перешло в руки последнего отпрыска семьи графов Буажурдэнов; по словам Врэн-Люка, владелец, глубокий старик, с неохотой расстается со своими ценностями. Конечно, никакого графа Буажурдэна не было — все было придумано Врэн-Люка.

Во время процесса обнаружилось, что Врэн-Люка, в особенности в начале своей деятельности, не имел представления о водяных знаках, по которым определяется датировка документов, и некоторые свои подделки изготовил на бумаге ангулемской фабрики 1836 года. Геометр Шаль не обратил на это внимания, равно как проходил мимо вопиющих нарушений элементарных правил дипломатики¹¹¹ и даже грамматики в приобретаемых документах.

Эксперты отметили на суде, что чернила, которыми пользовался Врэн-Люка, действительно создают впечатление древних рукописей. Фальсификатор отчаялся открыть рецепт своих чернил. Академики-

химики при тогдашнем состоянии науки не сумели определить составные части чернил Врэн-Люка. Так эта тайна и осталась неразгаданной.

На судебном процессе выяснились еще некоторые любопытные подробности. Эксперт А. Бордые указал, что Врэн-Люка очень ловко придавал своим подделкам внешность старинных документов, покрывал бумагу копотью, держа ее над лампой или над огнем очага, вследствие чего на ней появлялись трещины. Попытки экспертов добиться таких же результатов успеха не имели.

Исправительный суд Парижа рассматривал дело Врэн-Люка на двух заседаниях 17 и 24 февраля 1870 года. Шестая камера, в которой происходило разбирательство, была переполнена публикой — здесь были академики, дипломаты, светские люди, множество журналистов. При оглашении некоторых подложных документов зал, как сообщают очевидцы, сотрясаясь от хохота. Самым интересным моментом в процессе, на мой взгляд, была речь защитника Врэн-Люка, адвоката Ораса Эльброннэ. Сославшись в первой части своего выступления на закон, согласно которому дела о мошенничестве погашаются за давностью после трех лет со времени совершения преступления, защитник хитро построил вторую часть речи, перенеся обвинение на академика Шаля, который якобы своими действиями поощрял Врэн-Люка и даже помогал ему в изготовлении поддельных автографов.

Особо следует выделить одно место в выступлении Ораса Эльброннэ. Расчетливый оратор, он знал, что можно сыграть на шовинистических настроениях судебных чинов и публики — ведь дело происходило менее чем за полгода до начала франко-прусской войны 1870 года. Рассказав о помещении бароном Феллье-де-Коншем поддельных писем Монтэня в «Болтовне любопытного», Орас Эльброннэ продолжал: «Суд поймет, как удивлен был обвиняемый этим успехом, который превзошел все его самые несбыточные надежды, перед ним раздвинулись широкие горизонты, он увидел в изготовлении этих документов средство для торжества своей господствующей идеи, ибо, как уже отметил председатель суда, у Врэн-

Люка была своя мания, своя страсть: вернуть Франции ее славные деяния, присвоенные другими. Эта идея находится не только в документах по дискуссии Паскаль — Ньютон: философ Фалес дает советы царю галлов Амбигату, как управлять государством; Александр Македонский превозносит Галлию и галлов в письме к Аристотелю; Клеопатра посылает своего сына Цезариона учиться в Марсель, считая, что здесь он сможет и дышать хорошим воздухом и получить отличную подготовку в науках. Лазарь, после своего воскресения, и Мария Магдалина в письмах к апостолу Петру не находят более интересной темы, чем друиды и галлы».

Выставив, таким образом, Врэн-Люка в качестве патриота, защитник счел нужным привести ряд сведений о фальсифицированных документах, опубликованных в течение 60-х годов и не послуживших основанием для судебного преследования лиц, изготовивших эти подделки.

Нет сомнения, что речь адвоката повлияла на приговор Врэн-Люка: его присудили к двум годам тюремного заключения и к уплате 500 франков судебных издержек, а по обвинению в злоупотреблении доверием М. Шалья он был оправдан. Вопрос о том, куда девались 140 тысяч франков, не поднимался.

В старинных романах было принято коротко рассказывать о дальнейшей судьбе главных действующих лиц — в этом была своя логика: читателю всегда хочется знать, что стало с героями. И хотя «дело Врэн-Люка» не старинный роман, мы расскажем о том, что произошло с главными персонажами этой истории.

Академик Мишель Шаль прожил после этого еще десять лет и умер, окруженный почетом, — в его честь была даже названа улица в Париже. Литература о нем, как о крупнейшем геометре XIX века, чрезвычайно велика.

Отбыв два года наказания, Врэн-Люка снова занялся старыми делами; по жалобе пострадавшего от его плутней старого аббата Врэн-Люка был в 1873 году приговорен к трем годам тюремного заключения. Отбыв и это наказание, он опять попадает в тюрьму — на этот раз за кражу редких книг и эстампов в книж-

ном магазине. Выпущенный через четыре года на свободу, он, согласно решению суда, был отправлен в родную деревню под надзор полиции на десять лет. Через несколько месяцев, в октябре 1880 года, он был арестован за самовольную отлучку с места высылки. С этого времени следы его теряются.

Через восемь лет после смерти М. Шаля видный французский писатель Альфонс Додэ написал роман «Бессмертный» («L'Immortel»), героем которого является академик Пьер Астье-Регю, один из «сорока бессмертных». Роман этот едва ли не лучшее произведение данного писателя. Картины академических и вообще светских нравов Парижа второй половины XIX века изображены здесь с беспощадным сарказмом и великолепным знанием фактов. Применяя наряду с характерными для школы натуралистов методами обрисовки современности также и «бродячие сюжеты» («матрона Эфесская» — «эпизод на кладбище»), Додэ использовал в качестве одного из важнейших элементов фабулы романа «дело Врэн-Люка».

Но это уже выходит за пределы непосредственно моей темы; кто хочет подробнее познакомиться с историей «Бессмертного» и его отношением к М. Шалю, рекомендую интересную статью профессора математики И. Я. Деммана «Прообраз «Бессмертного» в романе Альфонса Додэ» («Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 41, Л., 1941, Кафедра всеобщей литературы, стр. 276—319).

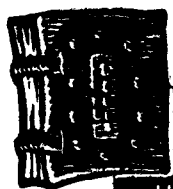
В истории русского библиофильства неизвестны случаи, подобные «делу Врэн-Люка». Но отдельные попытки создания и сбыта подделок, — кроме упоминавшихся Бардина и Сулакадзева, — все же имели место. Впрочем, потерпевшие лица, не желая стать публичным посмешищем в качестве одураченных покупателей, предпочитали умалчивать о мошенничествах, жертвой которых они становились. О таких фактах в печать просачивались либо скудные, неясные намеки, либо косвенные материалы, позволяющие предполагать, что в данном случае мы имеем дело с каким-то результатом корыстного обмана. Отдельные современники, конечно,

знали об этих скандальных происшествиях, передавали сведения о них в устной форме ближайшим поколениям библиофилов, но рассказы скоро забывались.

В статье видного русского искусствоведа и историка книги Ф. И. Булгакова «Исторические подлоги» («Исторический вестник», 1885, февраль), упоминается как о факте, известном читателям, о мошенничестве, допущенном при продаже поддельных рукописей, крупным московским книгопродавцом С. Т. Большаковым.

Другой случай таков. Акад. П. П. Пекарский, выдающийся знаток истории русской культуры XVIII века, в конце 1860-х годов обменял на дублиеты Чертковской библиотеки (ныне Библиотека исторического музея в Москве) рукописную «Хронику российского театра», произведение незадолго до того умершего актера Ив. Носова. Ни в одной своей работе Пекарский не воспользовался данным источником. Факт этот в свое время не обратил внимания ни дирекции Чертковской библиотеки, ни читателей журнала «Русский архив», где в отчете библиотеки упоминался обмен. Позднее выяснилось, что «Хроника» Носова — подделка. Очевидно, Пекарский купил эту рукопись, не познакомившись предварительно с ее содержанием, а убедившись в том, что она — грубая подделка, не поднимая шума, сбыл ее с рук. Да и как можно было признать подлинной «Хронику», в которой среди пьес, будто бы ставившихся в Петербурге в 1751 году, значится комедия «Аптекарский счет», в которой действуют «Виктор Гюго, кавалерийский офицер», «г. Гумбольд, нотариус», «Тереза Вертер, арендаторша», «Шарлотта, ее горничная»... Почти, как у Врэн-Люка!

ОДИН
ИЗ КАРТОНОВ
ИНСТИТУТА
КНИГИ,
ДОКУМЕНТА,
ПИСЬМА

В конце 20-х годов мой товарищ по аспирантуре, ассиролог А. П. Рифтин (1900—1945), впоследствии видный советский языковед, профессор Ленинградского университета, писал диссертацию об экономических отношениях в Древнем Вавилоне; материалом служила ему изумительная коллекция вавилонских клинописных глиняных табличек Музея палеографии АН СССР. Он часто бывал на Петрозаводской улице, где помещался тогда музей, и был хорошо знаком с его директором, академиком Николаем Петровичем Лихачевым.

В то время я разыскивал книгу Н. П. Лихачева «Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки», которая вышла в свет в 1913 году в двух частях: первая представляла исследование о библиотеке рода Лихачевых, вторая называлась «Приложения», содержала воспроизведения документов и портретов, предназначалась «для родных и друзей» и в продажу не поступала. Первую часть, хотя и с трудом, я раздобыл, а о второй и думать не приходилось: мои поставщики-книжники уверяли, что этой книги и они не видали — настолько она редка. Наслышавшись от А. П. Рифтина о доброте и внимательности Н. П. Лихачева к молодым научным работникам, я попросил своего приятеля как-нибудь в удобный момент передать автору «Генеалогической истории одной помещицкой библиотеки» о моем страстном желании иметь «Приложения». Очень скоро А. П. Рифтин принес мне эту книгу и сказал, что Н. П. Лихачев хотел бы познакомиться со мной и просил меня прийти к нему на Петрозаводскую, в Музей палеографии.

Но встретиться нам не удалось — это было в 1929 году; через несколько дней после того, как я получил приглашение Н. П. Лихачева, началась решительная реорганизация Академии наук, вызвавшая ряд должностных и других перемещений, — короче говоря, наше знакомство состоялось лишь в 1933 году, когда я уже несколько лет работал в Институте книги, документа, письма. В это время Н. П. Лихачев стал часто приходить в ИКДП, который еще в 1930 году был переведен с Петрозаводской в здание библиотеки Академии наук. С первого же дня нашего знакомства Николай Петрович начал рассказывать мне об особенно интересных книгах и вообще «редкостях» библиотеки института, которую он по старой привычке называл своей. Зная, что я работаю в области истории русской литературы XVIII века, он чаще всего обращался к этой теме:

— А видели ли вы у меня разные издания произведений Сумарокова? Знайте, что там нет ни одного дублета — это все издания, отличающиеся по тексту.

— А попадались ли вам экземпляры «Арфаксада», романа мещанина Захарьина, изданные в Москве и Николаеве в 1794 и 1798 годах? Там есть любопыт-

нейшие расхождения в тексте, несмотря на совершенно одинаковые титульные листы.

Случайно в одну из наших бесед зашла речь о «картонах Лихачева». Так назывались картонные коробки с откидными верхними крышками и передними стенками; в них хранились редкие брошюры и оттиски, а также номера журналов и газет, почему-либо представлявшие для него интерес.

Для книголюбца рыться в этих картотеках было истинное наслаждение: Н. П. Лихачев не принадлежал к числу «любителей редкостей» специфического характера, собиравших свои коллекции «по Геннади», то есть по «Русским книжным редкостям» Г. Н. Геннади. Он по-настоящему знал историю западной и русской книги, в средствах на приобретение интересовавших его материалов (архивных, книжных, эпиграфических и т. п.) — по крайней мере в годы расцвета своего собирательства — не стеснялся, тратил на покупку почему-либо привлекавших его изданий и документов десятки тысяч рублей (например, на акты города Кремоны, на собрание мазаринад¹¹² или на коллекцию брошюр времени Оливера Кромвеля и т. д.).

В каждом картоне находилось множество интересных изданий, преимущественно «летучих» — манифестов, указов, стихотворений на разные случаи, брошюр, оттисков и объявлений. Все эти материалы были сгруппированы в образцовом порядке, и даже беглое ознакомление с каждым картоном — об изучении сотен таких коробок и думать было невозможно — давало очень много. С некоторыми картонами я был к тому времени знаком более или менее основательно, с другими меньше, а к значительной части и не приступал.

Итак, повторяю, однажды у нас с Н. П. Лихачевым зашла речь о картонах. Назвав десятки редкостей, часть из которых (конечно, очень небольшую) я знал, Николай Петрович спросил меня:

— А попадался ли вам картон с материалами о книжных ворах и убийцах на почве библиофилии?

Я ответил, что такого картона не видел.

— Он очень любопытен. Разыщите его обязательно и обратите особенное внимание на конверт

с несколькими номерами «Gartenlaube»¹¹³ за 1893 год и номером испанской «Судебной газеты» за 1836 год.

В дореволюционное время Н. П. Лихачев был профессором Археологического института и читал курсы по вспомогательным историческим дисциплинам: дипломатике, сфрагистике¹¹⁴ и т. д. Для этих курсов, чтобы научить слушателей отличать подлинные памятники от фальсификаций и наглядно знакомить их с приемами исторической критики, он усердно собирал материалы о подделках исторических документов и литературных произведений, о литературных и научных плагиатах, а также обо всем том, что являлось нарушением законов при производстве и продаже книг и автографов; заодно Н. П. Лихачев покупал разнообразную литературу о воровстве книг из государственных частных библиотек и о преступлениях на почве любви к книге.

Как только мне представилась возможность, я разыскал этот картон и погрузился в его изучение.

Здесь было множество любопытных, странных и страшных историй о том, как любовь к книгам превращалась у некоторых библиофилов в неукротимую страсть к приобретению книг, как эта страсть толкала их на полное разорение, воровство, мошенничество, казнокрадство, перемену религии, наконец, на убийства. Книжки, вырезки и оттиски из журналов, брошюры, отчеты о судебных заседаниях, биографии и портреты различных исторических деятелей (не исключая римских пап), уличенных в воровстве книг,— здесь было так много материалов, что, когда я стал читать находившуюся в том же картоне книгу известного французского библиофила Альбера Сима¹¹⁵ «Книголюбия и книгокрады», я убедился в том, что, если бы ему была доступна коллекция Н. П. Лихачева, галерея изображенных им книжных преступников значительно пополнилась бы.

Многого я уже не помню, некоторые подробности восстанавливаю по своим беглым записям того времени и по разным печатным источникам.

Вот подборка материалов о французском академике из итальянцев графе Гульельмо Либри, обвиненном в похищении ценных изданий из парижских публичных библиотек, инспектором которых он был;

Либри бежал в Англию, принял британское подданство и в течение тринадцати лет печатно оспаривал возведенные на него обвинения, требуя пересмотра своего дела; когда ему окончательно было в этом отказано, он вернулся на родину, в Италию, и там умер в 1869 году в возрасте шестидесяти шести лет.

Вот немецкая брошюра о Х.-Ф. Маттеи, который с 1772 по 1784 годы был профессором греческой словесности в Московском университете, затем «по причине ослабевшего здоровья и по домашним обстоятельствам», ушел в отставку с сохранением звания члена-корреспондента Московского университета, уехал в Германию, долго нигде не служил, через двадцать лет (в 1804 году) был вновь приглашен в Россию на прежнюю должность и здесь в 1811 году умер. Автор немецкой брошюры О. фон Гебхардт документально доказал, что Маттеи украл часть коллекции греческих рукописей, принадлежавших Московскому университету, увез ее с собой в Германию и продал в Дрезденскую курфюрстскую библиотеку. А в России воровство Маттеи не было известно до самого последнего времени, и в литературе о Московском университете он постоянно аттестовался как знаменитый ученый и почтеннейшая личность.

Вот связка газетных и журнальных вырезок и оттисков о нашумевшей краже книг, совершенной в петербургской Публичной библиотеке католическим священником Алоизом Пихлером (1871).

Тут же рядом пачка брошюр с биографиями видных иностранных и русских ученых; на некоторых страницах сделаны отметки красным карандашом о том, как эти светила науки похищали греческие и славянские рукописи на Афоне, в балканских и русских монастырях.

Далее несколько заметок о Жане Эймоне, жившем в конце XVII — начале XVIII века, похитившем из королевской библиотеки ряд ценных рукописей по истории религии и перешедшем сперва из католичества в кальвинизм, затем вернувшегося в католичество, — все это как будто на почве любви к книгам.

Наконец, напечатанный на машинке листок, представляющий выдержки из какой-то статьи о библиоманах. Здесь рассказывается о том, что маркиз

Бланфор разорился, купив при распродаже знаменитой библиотеки герцога Роксберга 17 июня 1812 года «Декамерон» 1471 года за 56 500 франков, «самую дорогую цену, когда-либо до того времени заплаченную за книгу».

Много поразительного нашел я и в упомянутой книге А. Сима «Книголюбцы и книгокрады».

У кардинала Памфили, ставшего впоследствии папой Иннокентием X (он был кардиналом между 1629 и 1644 годами), живописец-библиоман Даниэль Дюмутье (умер в 1631 году) отнял книгу, которую будущий папа похитил при осмотре его библиотеки.

Кардинал Доменико Пассионеи (1682—1761) во время своего пребывания в Швейцарии в качестве папского нунция (1721—1730) присвоил множество редких изданий из монастырских библиотек. Чтобы обмануть бдительность монастырских библиотекарей, он заявлял, что ему необходимо работать в читальном зале в полном одиночестве, просил запираить его в библиотеке снаружи и затем ранее намеченные книги и рукописи выбрасывал через окна своим слугам, расставленным в соответствующих местах.

Маркиз Таккони, государственный казначей неаполитанского королевства в конце XVIII века, тратил на книги не только значительную часть своего годового дохода в сто тысяч лир, но и специально печатаемые фальшивые ассигнации. Когда преступление было разоблачено, Таккони был предан суду и сослан на галеры.

Упоминает А. Сим также о деле саксонского пастора Тиниуса (или, как у него сказано, Финиуса). Однако более подробные материалы об этом лице оказались в трех номерах журнала «Gartenlaube» за 1893 год — в № 5 и 6 была помещена статья Э. Шульте «Преступник-библиоман» («Ein Verbrecher aus Büchergewuth») и в № 21 Э. Флейса «Конец магистра Тиниуса» («Das Ende des Magisters Tinius»). Потом я нашел о нем сведения в ряде других источников, в том числе и русских. Вот как представляется сейчас это дело.

Иоганн-Георг Тиниус (1764—1846) родился в семье пастуха и с детства отличался поразительной памятью. Отец рано приучил его собирать лекарствен-

ные травы и готовить из них разные зелья. Способный ребенок был отдан в школу, затем успешно учился в гимназии и университете и по окончании теологического факультета со званием магистра получил место священника сначала в Тюрингии, а затем с 1809 года в деревне Позерна близ города Вейсенфельса (неподалеку от Лейпцига). Он пользовался всеобщим уважением за свои познания и безупречное поведение, а также и за свою огромную богословскую и языковедческую библиотеку, которую он сумел составить, несмотря на то, что денег получал не особенно много, а семья у него была большая (после смерти первой жены он вторично вступил в брак, и от обоих браков у него было четверо детей).

Вскоре после переселения пастора Тиниуса в Позерну в тех местах начались ограбления пассажиров конной почты, происходившие при совершенно одинаковых обстоятельствах: в почтовую карету, в которой ехал только один и всегда богатый пассажир, садился человек, вступавший со своим соседом в беседу и затем предлагавший ему нюхательный табак из своего рожка; через несколько минут пассажир погружался в глубокий сон, а незнакомец вытаскивал его деньги и выпрыгивал из кареты. Приметы грабителя, сообщаемые пострадавшими, совершенно не совпадали, но неизменным оказывался способ усыпления намеченных жертв. Возникла даже мысль о том, что здесь действовала целая шайка грабителей.

В некоторых случаях показания пострадавших вели к пастору Тиниусу, но его безупречная репутация всякий раз освобождала его от подозрений.

В самом начале 1812 года в Лейпциге (находящемся сравнительно близко от Позерны) среди бела дня был убит на своей квартире одинокий купец Шмидт, причем у него было похищено три тысячи талеров. Убийство было совершено топором, никаких улик не было обнаружено. Ровно через год в Лейпциге же в своей квартире была найдена с глубокой раной на черепе богатая вдова Кунхардт, которая через два дня скончалась. Ограбления на этот раз не было, но только по той причине, что не то вдова не держала денег в доме, не то убийце что-то помешало. Одна из

свидетельниц, служанка убитой, показала, что на лестнице она встретила пастора Тиниуса, с которым была знакома. Теперь положение магистра уже не могло оградить его от подозрений. Через месяц он был арестован, при обыске у него был найден список одиноких богачей, множество париков, фальшивых бород и разного рода одежды; обнаружен был и топор, лезвие которого вполне подходило к проломам в черепе вдовы Кунхардт. На допросах Тиниус держался очень спокойно, давал вполне продуманные ответы, удовлетворительно объяснявшие все улики против него. Тем не менее вина его была очевидна; к тому же из одного его письма можно было сделать вывод, что и убийство Шмидта было совершено им. Обнаружилось также, что Тиниус растратил вверенные ему церковные суммы.

В начале 1814 года Тиниус был приговорен к двенадцати годам исправительной тюрьмы, но так как округ, в котором находилась Позерна перешел в это время от Саксонии к Пруссии и все власти, включая и судебные, сменились, следствие началось вновь. Дело много раз рассматривалось. Лишь в 1823 году был вынесен окончательный приговор, согласно которому Тиниус признавался виновным в убийстве вдовы Кунхардт, а совершение им убийства купца Шмидта считалось недоказанным; он был приговорен к восемнадцати годам исправительной тюрьмы. Рассматривавшая его апелляцию следующая судебная инстанция, учитывая длительность его предварительного заключения в процессе следствия, снизила срок наказания до десяти лет, но прибавила сверх того еще два года за растрату церковных денег. Тиниус отсидел весь свой срок, держался в тюрьме спокойно, не проявлял никаких угрызений совести. Больше того, не имея никаких литературных пособий и опираясь только на свою феноменальную память, написал работу об Апокалипсисе. Некоторые его биографы утверждают даже, что он по памяти составил в тюрьме древнееврейско-немецкий словарь.

В 1835 году в возрасте семидесяти одного года он был выпущен на свободу. В конце жизни ему пришлось испытать много тяжелого: жена его давно доби-

лась развода, дети от него отреклись, никто не хотел давать ему пристанища и работы. В течение пяти лет он вел скитальческую жизнь, получая от общины Позерны пособие в 25 талеров в год, немного зарабатывая в качестве корректора и выпуская время от времени богословские сочинения. С 1840 года положение Тиниуса несколько улучшилось, он получил постоянную работу в одном селе. Когда его спрашивали о прошлом, он говорил охотно и без замешательства, отрицая свою виновность и неизменно выражая сожаление об утрате своей библиотеки. Он поражал всех своей огромной начитанностью, работоспособностью и тем, что неутомимо собирал лекарственные травы. В последние годы жизни стало заметно, что пастор испытывает сильные угрызения совести. В 1846 году Тиниус был найден мертвым; подозревали, что он отравился ядом, им самим изготовленным из собранных трав. Чтобы не лишать его как самоубийцу права на церковное погребение, об отравлении его не говорили и тем избавили от вскрытия.

Во время процесса по убийству вдовы Кунхардт выяснилось, что все деньги, которые Тиниус добывал мелкими грабежами, он тратил на книги. А большие суммы понадобились ему в связи с тем, что в 1813 году продавалась известная библиотека д-ра Носсельта, которую намерен был купить прусский король за довольно высокую сумму. Тиниус предложил за это книжное собрание больше на 400 талеров, но покупка не состоялась, так как он был арестован.

О размерах библиотеки Тиниуса показания расходятся: в одних источниках говорится, что она состояла из 60 тысяч книг, в других, опирающихся на ее каталог, напечатанный в 1821 году для аукционной распродажи, указывается только 16 742 названия. По-видимому, эти сведения более точны.

Перу Тиниуса принадлежит несколько печатных работ. Если бы не было известно, что заглавия других богословских сочинений тех лет ничем не отличаются от названий его трактатов, можно было бы предположить, что он человек ненормальный. Вот заглавия трех его книг: «Проверка по Библии доказательств Бреннеке, что Иисус после своего воскресения прожил на земле еще двадцать семь лет» (1820);

«Страшный суд; будет ли он, в какой форме и когда?» (1836; изд. 2, 1845); «Шесть внушающих тревогу предвестников великой мировой перемены, зримые на солнце и на земле» (1837).

Такова история пастора магистра Тиниуса, жертвы своей библиофильской страсти. Литература о нем на немецком языке чрезвычайно велика. В особенности большой популярностью пользовалась книжечка Э. Арнольда «Священник и магистр Тиниус» (по «Новому Питавалю», т. IV), вошедшая в известную «Универсальную библиотеку Ф. Реклама», № 5816 (Лейпциг, 1915).

Закончив рассказ о Тиниусе, возвратимся к книге А. Сима «Книголюбы и книгокрады», в которой немецкому библиофилу-убийце, как я уже отметил, отведено очень мало места. Французский писатель нашел нужным уделить большее внимание аналогичному, но еще более страшному случаю, происшедшему в Испании вскоре после освобождения Тиниуса из тюрьмы.

Это была та самая история, познакомьтесь с которой по испанской «Судебной газете» советовал мне Н. П. Лихачев.

В 1836 году в Барселоне произошел пожар в книжной лавке крупнейшего антиквара Пахота. Пламя удалось потушить, но владелец магазина был найден мертвым. В кассе была обнаружена большая сумма денег. Все говорило о том, что либо грабителю что-то помешало довести дело до конца, либо убийство Пахота было совершено не с целью грабежа.

Не успела полиция закончить следствие по этому делу, как одно за другим были обнаружены еще одиннадцать убийств: на берегу моря был найден труп немецкого литератора, недавно приехавшего в Барселону, в городском рву обнаружено тело священника, в третьем месте — городского судьи и т. д. При этом ни в одном случае не было признаков грабежа погибших.

В это время в Испании шла борьба между либералами, сторонниками королевы Изабеллы и ее матери Христины («христиносами»), и реакционерами, сторонниками претендента на престол Дон-Карлоса («карлистами»). Однако среди убитых были сторон-

ники обеих партий, и поэтому заподозрить какую-либо одну из них было нелепо. Объединяло всех погибших только то, что все они были библиофилами, но на это сначала не обратили внимания. Барселонские власти заподозрили в убийстве Пахота и других лиц неизвестную организацию, связанную с тайной инквизицией. Решено было произвести обыски у ряда священников и монахов, известных своими симпатиями к Дон-Карлосу и, следовательно, к инквизиции. Среди прочих духовных лиц был подвергнут обыску и некий Дон-Висенте ¹¹⁶, в прошлом монах, а затем владелец одного из лучших барселонских антикварных книжных магазинов.

Дон-Висенте в начале 30-х годов был послушником в одном из каталонских монастырей, оплоте карлистов, который по распоряжению королевы Христины был закрыт. При ликвидации монастыря была разграблена его библиотека, которой заведовал этот самый Дон-Висенте. Так как вскоре он открыл в Барселоне книжную лавку, богатую редкими старинными книгами и рукописями, то конкуренты нового книгопродавца стали утверждать — и, по-видимому, не без основания, — что в разграблении монастырской библиотеки принимал участие ее бывший заведующий.

Дон-Висенте принадлежал к той довольно распространенной категории книготорговцев, которые неохотно продают покупателям книги, понравившиеся им самим. В то время как другие антиквары сами предлагали посетителям книжные редкости по обычным рыночным ценам, Дон-Висенте, когда какой-нибудь библиофил вытаскивал из закоулков лавки редкую рукопись или книгу, заламывал суммы, заставлявшие такого покупателя отступать; если же с книгой ему все же приходилось расставаться, Дон-Висенте сильно переживал свою потерю. «Лицо его густо краснело, затем из красного становилось лиловым, — пишет А. Сим, — оно передергивалось от судорог; Дон-Висенте испускал тяжкие вздохи». Конкуренты-книгопродавцы завидовали его удачливой торговле и устроили против него заговор, имевший целью не давать ему возможности приобретать редкие книги при распродаже частных библиотек на пуб-

личных аукционах. Во главе заговора стоял Пахот. Незадолго до убийства последнего в Барселоне распродавалась библиотека одного местного библиофила, «гвоздем» которой являлась книга, напечатанная первым испанским книгопечатником немцем Ламбертом Пальмартом «Законы и предписания, изданные славными королями Арагона жителям королевства Валенсия» (1482) ¹¹⁷. Было известно, что эта книга сохранилась в единственном экземпляре. На аукционе Дон-Висенте предложил все свои свободные деньги, 4535 реалов. Однако Пахот «перебил» у него покупку, надбавив еще несколько десятков реалов.

Когда производился обыск на квартире Дон-Висенте, полицейский чиновник увидел на полке книгу, которая, по его мнению, подтверждала связь бывшего монаха с тайной организацией, — книга называлась «Руководство для следователей» («Directorium inquisitorum»). Считая это достаточной уликой, офицер велел схватить Дон-Висенте, при этом его писмоводитель уронил другую книгу с той же полки. Когда ее подняли, выяснилось, что это — книга Ламберта Пальмарта, о которой в эти дни в связи с убийством Пахота говорили в Барселоне все. На допросе Дон-Висенте сперва утверждал, что через несколько дней после аукциона перекупил эту книгу у Пахота, а потом, когда в его лавке были отысканы книги, которые были им проданы другим убитым библиофилам, он признался в убийстве как Пахота, так и одиннадцати своих покупателей.

На суде Дон-Висенте заявил, что все совершенные им убийства имели целью либо вернуть проданные книги, либо, как в случае с Пахотом, добыть страстно желаемую книгу.

Убийство Пахота Дон-Висенте совершил ночью, проникнув через окно в квартиру своего спавшего конкурента. Преступник накинул на шею Пахота намыленную веревку и сразу удавил его. Отыскав книгу Ламберта Пальмарта и захватив при этом и другие редкие издания, Дон-Висенте поджег постель убитого и его книжный магазин. Другие свои преступления бывший монах объяснял тем, что покупатели не соглашались вернуть ему редкие книги, когда он предлагал деньги назад.

На суде Дон-Висенте был вполне спокоен, но только до того времени, пока защитник не поразил его одной своей фразой. Адвокат начал с того, что признанию обвиняемого доверять нельзя, он мог возвести на себя напраслину и книги, которые были им проданы разным лицам и потом оказались вновь у него, могли быть получены им из других мест. Желая припереть адвоката к стенке, председатель суда язвительно спросил его:

— А как обвиняемый мог получить второй экземпляр книги Ламберта Пальмарта, когда второго не существует?

— Нет, существует, — ответил юрист и показал каталог какого-то парижского антиквара, где была названа эта книга.

Услышав эти слова защитника, Дон-Висенте совершенно переменялся в лице. Председатель суда решил, что, наконец, обвиняемый начал раскаиваться в совершенных им чудовищных преступлениях. Дон-Висенте разочаровал его: он глубоко страдал оттого, что существует второй экземпляр книги Ламберта Пальмарта.

Убийца был приговорен к смертной казни. Принадлежавшие ему книги, согласно его завещанию, были переданы в Барселонскую публичную библиотеку.

Прочитав историю Дон-Висенте у Сима, я разыскал потом в картоне пакет с «Судебной газетой». Но это была не испанская, а французская «Судебная газета», номер, где был напечатан перевод отчета о процессе. На этот раз память изменила Н. П. Лихачеву.

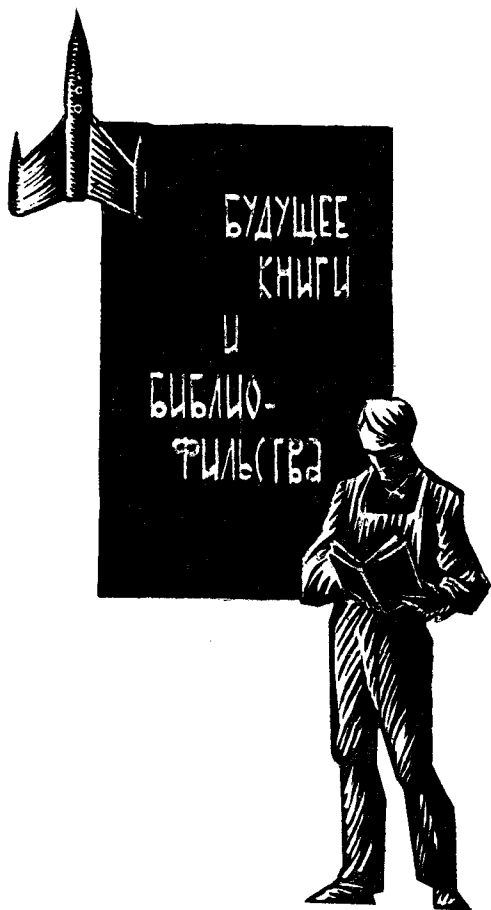
Как только я начал знакомиться с отчетом о деле Дон Висенте в «Судебной газете», мне стало ясно, что Альбер Сим построил свой рассказ целиком на этом официальном материале.

Впрочем, задолго до Сима тот же отчет привлек внимание молодого Гюстава Флобера, только еще готовившегося стать писателем. По горячим следам, в ноябре 1836 года, он написал рассказ «La Bibliomanie» («Библиомания»), который, однако, при его жизни не

был напечатан. Только в 1908 году немецкий исследователь Флобера Э.—В. Фишер нашел этот рассказ среди других неизданных юношеских произведений великого писателя, хранившихся на вилле его племянницы, Каролины Комманвиль. В 1910 году «Библиомания» была впервые напечатана в известном трехтомном дополнении к Сочинениям Флобера в издательстве Конар. Рассказ сразу обратил на себя внимание критики и читателей и был переведен на многие языки. У нас он был переведен и опубликован по меньшей мере дважды: под заглавием «Книги» в журнале «Огонек» (1911, № 11 и 12) и под заглавием «Библиоман» в переводе А. Гуревич во «Всеобщем ежемесячнике» (1911, октябрь, стр. 64—76). Флобер точно придерживается изложения фактов в «Судебной газете» и только в деталях допускает отклонения, например, почему-то имена заменяет итальянскими. Но на этом история рассказа не кончается. В 1930 году из статьи хорошо известного советским читателям немецкого писателя Стефана Цвейга «Мое собрание автографов» («Philobiblon», 1930, II, 7, S. 283) стало известно, что рукопись «Библиомании» каким-то образом оказалась у него. В том же 1930 году в бельгийском журнале «Mercure de Flandre» («Фландрский Меркурий») (ноябрь, стр. 26 и след.) была напечатана статья Камилла Питолле, посвященная «Библиомании» Флобера и интригующе озаглавленная — «Об одной литературной мистификации».

Познакомиться с содержанием статьи К. Питолле мне пока еще не удалось.

Н

едавно скончавшийся выдающийся чешский историк — академик Зденек Неедлы сказал однажды: «Я — историк и постоянно занимаюсь прошлым; поэтому меня особенно интересует будущее». Эта фраза по форме напоминает знаменитые «конchetti» эпохи барокко: каждая такая «острая мысль» должна была строиться с расчетом на то, чтобы поразить читателя неожиданным выводом, должна была представлять «сопряжение далековатых идей», как говорил Ломоносов. Но слова академика З. Неедлы—

не «кончетти», рассчитанные на преходящий внешний эффект, а глубокая, серьезная мысль: всякий историк, если он является не простым коллекционером фактов, не может не задумываться над путями истории, ее тенденциями, над будущим. В старину говорили: «*Historia scribitur ad narrandum, non ad probandum* — историю пишут для того, чтобы рассказать, а не для того, чтобы доказать». Сейчас историю пишут для того, чтобы понять и объяснить другим процесс развития человечества.

Сказанное относится к любому виду истории — истории в собственном смысле, истории науки, литературы, искусства; даже истории книги и истории библиофильства, о которых шла речь в этих очерках. Поэтому мне и хочется закончить свою книгу вопросом о будущем книги и библиофильства.

Должен признаться, что эта глава в книге — одна из самых старых: ей больше тридцати пяти лет — это переработанная заключительная лекция в курсе истории русской книги, который я читал в 1929—1930 годах на Высших курсах библиотековедения при Государственной Публичной библиотеке, теперь носящей имя М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Подводя итоги своему курсу, я вновь напомнил слушателям, о том, что всякое явление в общественной жизни возникает только тогда, когда исторические условия вызывают его к бытию или когда созревают условия, придающие новую форму уже существовавшему ранее явлению. Азбука, письменность возникла в человеческом коллективе очень поздно — тогда, когда без нее уже нельзя было обойтись, когда появилась необходимость записывания каких-то итогов человеческого опыта или передачи — в расчете не на будущее, а на тогдашнюю современность — каких-то конкретных сведений. Еще позднее возникает книга, которая заменяет собой «книгу без текста и материала для него» — человеческую память, память стариков, хранителей сказаний, верований, законов, неписаных «исторических документов» и т. п. Такие «книги без текста и материала» существовали и до создания азбуки и книги и после их возникновения и развития: любой народный сказитель древности и нашей современности — древнегрече-

ский рапсод, кельтский и германский бард, славянский баян, сказочник-бахарь, средне-азиатский акын и т. д., — конечно, одна из форм «докнижной книги».

Но вот появилась книга — разная в разных местах; написанная на свитках папируса в Египте, изготовленная в форме обожженных на огне глиняных табличек в Ассиро-Вавилонии, составленная из пальмовых листьев в Индии и т. д. И вскоре же после возникновения книги появляются библиофилы, зарождается библиофильство. Форма книги не играет при этом никакой роли: мы знаем библиотеки из папирусных свитков, из клинописных глиняных табличек, из свитков, сделанных из телячьей кожи.

И так — можно сказать, рука об руку — идут развитие книги и библиофильство.

Исчезает нильский тростник, из которого изготовлялся папирус как для внутриегипетского потребления, так и на экспорт в Переднюю Азию и Южную Европу, его заменяет малоазиатский, а потом и местный пергамен; появляется книга-кодекс, близкая по форме к нашей современной, но написанная на пергамене; через некоторое время ее заменяет книга, написанная на разного вида бумаге (от хлопчатой или бомбицины через тряпичную бумагу до нашей бумаги из древесной массы). Впрочем, вскоре после введения в употребление бумаги происходит одно из величайших изобретений — создается печатный станок, возникают типография и печатная книга. После ее появления процесс развития книги замедляется: идет изменение только отдельных ее элементов — бумаги, шрифтов, формата, орфографии, способов печатания и иллюстрирования, но в целом, в идее, в принципе книга остается неизменной.

И библиофильство тоже развивается, его объекты меняются, усложняются, умножаются: сперва собирают книги на пергамене, затем на бумаге, иллюстрированные, тематически подобранные и т. д. — собирают книги, потому что их любят.

Нужно отметить еще одну существенную черту процесса развития книги — частичное «отмирание» одних книг при появлении новых видов книги и частичный переход других книг в эти новые формы.

Так, например, в IV—V веках н. э., когда производство папируса сильно сократилось и папирусные свитки были вытеснены пергаменными кодексами, часть старой литературы, в особенности учебная и определенные разделы художественной, написанные на папирусе, были переведены в книги-кодексы. Когда появилось книгопечатание, не все старые рукописные книги были перепечатаны: печатались лучшие, наиболее нужные из старых книг и все новые, каково бы ни было их научное или художественное достоинство. Даже когда происходили частичные изменения в форме книги, например у нас переход от кирилловской азбуки к азбуке гражданской или от старой орфографии к новой, соотношение переводимого из старой формы в новую и вновь создаваемого сразу в этой форме оставалось примерно то же: лишь незначительная, но качественно лучшая часть старой книги переходила в новую жизнь.

Это обстоятельство обратило на себя внимание одного писателя XVIII века — Себастьяна Мерсье, и он задумался над тем, что будет представлять собой книга будущего, книга XXV, например, века. В романе «2440-й год, или Мечта, которая едва ли когда-нибудь осуществится» Мерсье говорит и о будущем книги — он предполагает, что только лучшие книги всех времен дойдут до той поры, а все прочие будут уничтожены¹¹⁸. Отмечу, что ему не приходила в голову мысль о возможном изменении внешней формы книги будущих времен. Это обстоятельство объясняется, несомненно, тем, что в эпоху Мерсье развитие науки и техники происходило очень медленно и к тому же не в тех областях, которые связаны с производством книги или которые могли бы быть использованы при ее производстве.

Тот же вопрос о будущем книги по-своему решал и другой писатель-утопист, выступивший приблизительно через 100 лет после Мерсье — англичанин Эдуард Беллами; им был написан в 1887 году роман «Оглядываясь назад», который получил огромную мировую популярность, выдержал свыше 400 изданий в Англии и Америке и был переведен почти на все языки. У нас этот роман много раз переводился под названиями «Через сто лет», «Золотой век», «Будущий век»,

«Чудный сон» и т. д. Здесь герой произведения, человек XIX века, проснувшийся от летаргического сна в 2000 году, знакомится с социальным строем, культурой, наукой будущего общества, и в частности с библиотеками. Его приводят сначала в маленькую уютную комнатку, в стенах которой были шкафы, наполненные книгами. Герой видит на корешках книг знакомые имена: Шекспир, Мильтон, Уордсворт, Шелли, Теннисон, Дэфо, Диккенс, Теккерей, Гюго, Готорн, В. Ирвинг и десятка два других великих писателей XIX века и всех времен. Это старые авторы в домашней библиотеке. Но героя знакомят с большой общественной библиотекой и с произведениями новых авторов и попутно рассказывают ему о принципах издания книг, журналов и газет в социалистическом обществе XXI века. Перед Э. Беллами проблема изменения внешней формы книги также еще не стояла — его интересовала только социологическая сторона литературного и книгоиздательского дела в обществе будущего.

В том же 1887 году знаменитый автор научно-фантастических романов Жюль Верн написал небольшой рассказ под названием «В XXIX веке. Один день американского журналиста в 2887 году». Так как это произведение было напечатано лишь через два года, в его заглавие было внесено небольшое изменение: «...в 2889 году». Рассказ Жюль Верна был сразу же замечен у нас, и в том же 1889 году перевод его был напечатан в двух русских периодических изданиях («Газета А. Гатцука» и «Ребус»), а потом и в других журналах.

«В XXIX веке» — интересное сочетание научно-технической фантазии и острой социальной сатиры. Один американский журналист, день которого в 2889 году описывает Жюль Верн, не рядовой работник прессы, а владелец крупнейшей газеты XXIX века «Эрс геральд» («Всемирный герольд») Френсис Беннет, потомок собственника распространеннейшей американской газеты 1889 года «Нью-Йорк геральд». Жюль Верн называет его новым еще в 1889 году термином «газетный король». Перед читателем развертывается деятельность Ф. Беннета в течение обыкновенного дня его жизни. Жюль Верн показывает

изменения в быту и в общественной жизни, происшедшие в течение тысячи лет, в том числе и в производстве газет. Но советского читателя ждет большое разочарование: все новшество газеты Ф. Беннета состоит в применении телефона, в лучшем случае соединенного с проекционным фонарем.¹¹⁹

Как это убого не только для ХХIX, но даже для ХХ века!

Можно предположить, что «В ХХIX веке» является откликом Жюль Верна на роман Э. Беллами (пробуждению от летаргического сна Веста, героя романа Беллами, у Жюль Верна противопоставлена неудачная попытка возродить к жизни ученого-врача, подвергшего себя анабиозу, чтобы проверить способность человеческого организма к «зимней спячке»; картинам социалистического общества, изображенным Беллами, у Жюль Верна противостоит сатирический шарж — карикатурный портрет миллиардера — «газетного короля»).

Вопрос о будущем книги в начале 90-х годов XIX века висел, как говорится, в воздухе. Им интересовались не только романисты-утописты, но и библиофилы. В конце 1894 года в одном из номеров популярной парижской газеты «Фигаро» был напечатан фельетон писателя-библиофила Октава Юзанна «Конец книгопечатанию!»¹²⁰

Характеризуя фельетон О. Юзанна как «одну из тех фантастических картин будущего, которые нередко пишутся теперь (то есть в конце XIX века.— П. Б.) под влиянием быстрых усовершенствований современной техники», В. Е. Якушкин, познакомивший русских читателей с произведением французского библиофила буквально через несколько дней после его опубликования в «Фигаро», по-видимому, соглашался с гипотезой о конце книгопечатания¹²¹. Между тем в фельетоне Юзанна новым по сравнению с Жюлем Верном является то, что здесь главным соперником книгопечатания является фонограф с целлулоидными цилиндрами.

«В весьма близком будущем,— писал Юзанн,— литераторов не будут называть писателями, но скорее «сказателями»; то, что называется в литературе стилем, все более и более будет утрачиваться, но искус-

ство дикции дойдет до невероятных размеров; будут сказатели, пользующиеся громадным успехом благодаря приятности и увлекательности их передачи, благодаря отчетливости и выразительности их голоса.

Авторы, лишённые гармонического голоса и вибраций, необходимых для хорошей дикции, будут прибегать к помощи актеров или певцов, чтобы передать свои произведения податливым цилиндрам. Теперь у нас есть секретари и переписчики, тогда будут фонисты и кламисты, истолковывающие фразы, продиктованные им литературным творцом».

Итак, изобретение телефона и фонографа внушило людям конца 80-х — начала 90-х годов прошлого века опасения за будущее книгопечатания. Уверенность в недолговечности печатной книги мы видим и у Герберта Уэллса, который пишет об этом в романе «Когда спящий проснется» (1899). Можно не сомневаться, что английскому писателю хорошо были знакомы и роман Беллами и рассказ Жюль Верна, и он частично соглашаясь с ними обоими («конец книгопечатанию»), идет дальше, пытается понять, что же может в будущем заменить книгу. Уэллс, несомненно, обратил внимание на то, что у его предшественников утопистов (Жюль Верна; может быть, он знал и Юзанна) отпала проблема «индивидуальной книги», которую будущий читатель захочет прочесть независимо от прослушиваемых им телефонных романов-фельетонов или выступлений фонистов.

У Г. Уэллса герой — спящий — Грэхэм вскоре после своего пробуждения попадает в «Комнаты безмолвия». Он замечает, что в помещении, которое ему отвели, нет «ни книг, ни газет, ни письменных принадлежностей...» Зато в соседней комнате он заметил «ряд странных двойных цилиндров, на белой поверхности которых виднелись зеленые надписи, гармонизовавшие с общим убранством комнаты. Как раз посередине из стены выдавался небольшой аппарат четырехугольной формы, размером около метра; лицевая сторона его представляла что-то вроде белого циферблата. Против аппарата стоял стул». У героя «тотчас же мелькнула мысль, что эти цилиндры, вероятно, заменяют книги, хотя на первый взгляд такое предположение казалось неправдоподобным».

Грэхэм знакомится с цилиндрами, рассматривает аппарат. «Открыв крышку, он увидел, что внутри вставлен цилиндр. В верхней части прибора виднелась кнопка, вроде как у электрических звонков. Он нажал ее, послышался треск и вслед затем голос и музыка, а на циферблате появились цветные изображения... Впечатление получалось совершенно такое, как если бы смотреть через большое стекло бинокля или слушать через длинную трубу».

Этот аппарат Г. Уэллс называет «кинетоскопом». Совершенно очевидно, что незадолго до того появившиеся кинематографы («синематографы бр. Люмьеров») в соединении с фонографами и послужили для английского романиста составными элементами того аппарата, который, по его мнению, должен заменить печатную книгу.

К тем произведениям, о которых я говорил своим слушателям в 1929 году, рисуя будущее книги в представлении писателей-утопистов, я сейчас могу прибавить очень немного: в романе И. Ефремова «Туманность Андромеды» есть несколько мест, в которых говорится о будущей книге. Это «электронные фильмы, заменившие архаические фотокопии книг. Когда человечество перешло на единый алфавит, названный линейным по отсутствию сложных знаков, фильмирование даже старых книг стало еще более простым и доступным автоматическим машинам. Синие, зеленые, красные полосы — знаки центральных фильмотек, где хранились научные исследования, давно уже издававшиеся в десятке экземпляров. Стоило набрать условный ряд знаков, и хранилище-фильмотека автоматически передавало полный текст книги-фильма». В других местах романа Ефремова говорится, что герои пользуются электронными книгами.

Если сопоставить научную фантастику И. Ефремова с фантастикой его предшественников, нельзя не отдать ему предпочтения. Но его предвидения будущего, в том числе и в отношении книги, не простая выдумка, а учет того, что уже имеется на практике.

За шестьдесят с лишним лет, протекших со времени появления романа Г. Уэллса, где описан соперник книги — кинетоскоп, произошли большие изме-

нения в разных областях техники, в том числе и техники производства книги. Мы сейчас знаем микрофильмы, «микрোকнигу», пользуемся фототехническими способами создания и воспроизведения книг, появились ротографии, электрографии и т. д. Многое из этого и отразилось в романе И. Ефремова. Однако книга — печатная книга — осталась в принципе той же, что и была. Случайно ли это? Не свидетельствует ли это о задержке в развитии человеческой культуры? Думаю, что нет.

Допустим, будет изобретено нечто вроде кинетоскопа или электронных книг. Из истории культуры мы знаем, что при появлении новых видов книги из старых книг только часть «переводится» в эту новую форму. Так было до сих пор. Вероятно, так будет и в дальнейшем.

Но вместе с тем известно, что возникновение новых форм книги никогда не влекло за собой полного уничтожения всех книг старой формы. Их иногда переставали ценить, потом — в некоторых случаях уже слишком поздно — эту ошибку пытались исправить, но чем ближе к нашему времени, тем меньше отражалось на судьбе старых книг появление новых форм и видов книги. Не пойдет же будущее культурное общество по пути древних, переставших хранить папирусные свитки; не пойдет оно и по пути, предложенному Себастьяном Мерсье.

В настоящее время, когда в технике происходят коренные изменения, трудно предугадать, в каком направлении пойдет развитие книги. Ставить прогнозы вроде тех, которые мы находим у Жюль Верна, прогнозы, которые кажутся нам сейчас близорукими и старомодными, едва ли имеет смысл. Тем более не имеет это смысла для человека, далекого от техники, каким являюсь я.

Трудно также предугадать, какова судьба будет миллионов старых книг, созданных человечеством в прошлом, книг, создаваемых сейчас, и книг, которые будут еще, вероятно, долго создаваться при посредстве типографских станков. Можно только предполагать, что, каковы бы ни были успехи техники в будущем, старые печатные книги будут сохраняться и существовать — если не в обиходе, то уж, во всяком

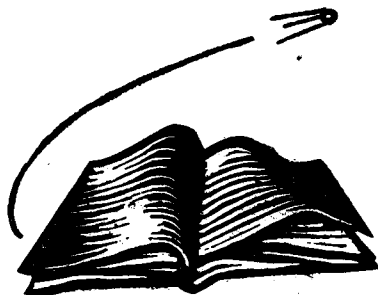
случае, в специальных библиотеках и музеях. Трудно поверить, что люди будущего откажутся хранить все книги прошлого и заменят их «электронными фильмами».

Да, мы сейчас не можем ничего определенного сказать о книге будущего, кроме банальной, может быть, истины, что в той или иной форме как хранилища знаний, художественных ценностей, практического и теоретического опыта книга будет существовать всегда.

И, надо думать, в той или иной форме всегда будут существовать и библиофилы, как ни будут меняться объекты их собирательства, будут ли это варианты книги современного типа, или более емкие, портативные и экономные «электронные книги-фильмы», или, наконец, нечто такое, чего мы сейчас вообще не можем себе представить.

Если я не ошибаюсь, только в египетской мифологии существовал бог, которому приписывалось изобретение книги,— бог мудрости Тот. Греческий ученый — толкователь мифов Евгемер, один из самых ранних рационалистов, утверждал, что боги мифологии — в прошлом реальные люди, впоследствии «обожествленные» потомками. С этой точки зрения египетский бог Тот — «обожествленный» человек, который первый изобрел книгу.

Может быть, из всех богов, которых когда-либо сотворили люди, этот бог, «бог, изобретший книгу», имел самые законные права на «обожествление».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ф. Г. Шилов. Записки старого книжника. Редакция и предисловие Вл. Лидина. М., 1959, стр. 147.
- ² Гролье де Сервье, Жан (1479—1565) — знаменитый французский библиофил.
- ³ Дубль, Жозеф-Луи-Леопольд, барон (1812—1881) — знаменитый коллекционер мебели и библиофил. В 1863 г. он распродал часть своей библиотеки (около 400 томов) и выручил за нее 300 тысяч франков.
- ⁴ А. Франс. Книги и люди. М.—Пг., 1923, стр. 14.
- ⁵ Там же, стр. 21.
- ⁶ А. Франс. Собр. соч. Т. 1. Изд. В. М. Саблина. М., 1910, стр. 98—99.
- ⁷ На стр. 18 напечатано: «Книга набрана без переноса слов под наблюдением проф. Л. К. Ильинского и под технической редакцией И. Д. Галактионова. Набирали: В. Лазарев, В. Петров, В. Снягиня, П. Палатов под руководством М. В. Валерианова. Типография «Печатный Двор».
- ⁸ Разработка учения о «редких книгах» началась на Западе еще в первых десятилетиях XVIII в. К концу этого столетия уже было признано, что существуют книги «абсолютно редкие» (по количеству напечатанных или сохранившихся экземпляров) и «относительно редкие» (т. е. такие, «редкость» которых имеет временный или местный характер, например, книги, распроданные или изданные в далеких странах). Принято считать, что в России такое понимание «редкой книги» было впервые изложено Г. Н. Геннади в статье «Что такое редкая книга?» (1858), перепечатанной затем в его «Русских книжных редкостях» (1872). Это неверно: в первый раз о делении книжных редкостей на «абсолютные» и «относительные» было сказано в книге немецкого литературоведа Л. Вахлера «Руководство к истории литературы», изданной в русском переводе в 1836 г.
- ⁹ Об этом упоминается в статье «Библиофилия» в первом издании «Большой Советской Энциклопедии» (т. 6. М., 1927, стлб. 200).
- ¹⁰ Biographie universelle ancienne et moderne, t. 35. Paris, 1823, стр. 405.

- ¹¹ М. Г. Гляссер. О методах работы классиков марксизма-ленинизма над книгой. М., 1941, стр. 13.
- ¹² Там же, стр. 30—31 и след.
- ¹³ Там же, стр. 59 и след.
- ¹⁴ P. Larousse. Grand Dictionnaire universelle, t. 11, p. 754—758 (Mystification) (П. Ларус. Большой всеобщий словарь. Т. 11, стр. 754—758: статья «Мистификация»); O. Delpierrre. Supercheries littéraires, pastiches, suppositions d'auteurs, dans les lettres et dans les arts. Londres, 1872 (О. Дельпьерр. Литературные подлоги, подделки, мнимое авторство в литературе и искусстве. Лондон, 1872); P. Lacroix. Mystificateurs et mystifiés. Paris, 1875 (П. Лакруа. Мистификаторы и мистифицированные. Париж, 1875); P. Eudel. Le truquage. Les contrefaçons dévoilées. Paris, 1884; Le truquage. Altérations, fraudes et contrefaçons dévoilées. Paris, 1907 (П. Эдель. Трюк. Разоблаченные подделки. Париж, 1884; Трюк. Подлоги, мошенничества, разоблаченные, подделки. Париж, 1907); P. Eudel. Fälscherkünste. Nach der autorisierten Bearbeitung von В. Bucher neuherausgegeben und ergänzt von А. Rössler. Leipzig, 1909 (П. Эдель. Приемы фальсификации. По авторизованной обработке В. Бухера вновь издано с дополнениями А. Рёслера. Лейпциг, 1909); Н. Hagen. Über literarische Fälschungen. Hamburg, 1889 (Х. Хаген. О литературных подделках. Гамбург, 1889); E. R. Chambers. History and motives of literary forgeries. London, 1891 (Э. Р. Чэмберс. История и мотивы литературных подлогов. Лондон, 1891); D. A. Farrer. Literary forgeries. London, 1907 (Д. А. Фаррер. Литературные подделки. Лондон, 1907); F. J. Kleimayer. Literarische Fälschungen. Leipzig, 1907 (Ф. И. Клемайер. Литературные подделки. Лейпциг, 1907); A. Thierry. Les grandes mystifications littéraires. Paris, 1911—1913 (О. Тьерри. Большие литературные мистификации. Париж, 1911—1913); A. Cim. Mystifications littéraires et théâtrales. Paris, 1913 (А. Сим. Литературные и театральные мистификации. Париж, 1913); A. Hoffmann. Literarische Fälschungen. — Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte. В. 2. Berlin, 1926/28, 240—241 (А. Гофман. Литературные подделки. — Реальный словарь немецкой литературы. Т. 2. Берлин, 1926/29); E. Lann. Литературная мистификация. М.—Л., 1930; Ю. И. Масанов. Литературные мистификации. — Сов. библиография, вып. 1 (18), 1940, стр. 126—145; И. Ф. и Ю. И. Масановы. Библиографирование псевдонимов, анонимов, мистификаций и плагиатов. — Сов. библиография, вып. 1(19), 1941, стр. 92—117; Elisabeth Frenzel. Fälschungen, literarische. — Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte, 2 Aufl. В. I (1956), 444—450 (Э. Френцель). Подделки литературные. — Реальный словарь истории немецкой литературы. Изд. 2-е. Т. 1 (1956), стр. 444—450); Д. С. Лихачев. К вопросу о подделках литературных памятников и исторических источников. — «Исторический архив», 1961, № 6, стр. 147—150; Ю. И. Масанов. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963; Gero von Wilpert. Fälschungen. — в его книге: „Sachwörterbuch der Literatur“. 4. Aufl. Stuttgart, 1964, S. 204—205 (Геро фон Вильперт. Подделки. — „Предметный словарь по литературе“. Изд. 4-е 1964) (здесь новейшая литература вопроса).

- ¹⁵ *E. E. Willoughby. The uses of bibliography to the students of literature and history.* Hamden, 1957, p. 15—16 (Э. Э. Уиллоуби. О пользе библиографии при изучении литературы и истории. Хемден, 1957, стр. 15—16). Уиллоуби ссылается на недоступное мне издание: *W. Klinefelter. The Fortsas bibliochoax... with reprint of Fortsas Catalogue.* Newark, 1941 (*В. Клайнфельтер. Фортсасовское книжное надувательство... с перепечаткой Фортсасовского каталога.* Ньюарк, 1941). Работа Э. Э. Уиллоуби, напечатанная на ротапринте, сама является «книжной редкостью».
- ¹⁶ Об этом издании см.: *В. С. Соколов. Опыт российской библиографии.* Изд. 2-е. Т. IV. Спб., 1905, стр. 86 (где приведена небольшая литература вопроса), и ч. V. Спб., 1906, стр. 115. М. Т. Каченовский участвовал только в переводе т. I. В 1816 г. вышло второе издание этой книги в 6 частях; первые две являются перепечаткой издания 1804—1805 гг., часть третья имеет очень позднее цензурное разрешение (1811), а части четвертая — шестая — 1804—1805 годы.
- ¹⁷ *Бартелеми, Жан-Жак (1716—1795)* — французский археолог и литератор, член Французской академии; прославился «Путешествием молодого Анахарсиса в Грецию» (1788), в котором в популярной форме изложил сведения о культуре, быте и истории древних греков.
- ¹⁸ «Афинские письма». Ч. 1. М., 1804, стр. V—VI.
- ¹⁹ Томас Бэрч умер еще раньше — в 1766 г. Для укрепления расстроенного здоровья врачи рекомендовали ему верховую езду; лошадь сбросила его, и он умер от сотрясения мозга.
- ²⁰ *E. E. Willoughby. The uses of bibliography to the students of literature and history,* p. 25—29 (Э. Э. Уиллоуби. О пользе библиографии при изучении литературы и истории, стр. 25—29). В русской печати сведений об «Английском Меркурии» мне не встречалось, за исключением переведенной с немецкого «Всеобщей истории прессы» Л. Саламона (Спб., без года, стр. 78—79).
- ²¹ *А. Н. Пыпин. Подделки рукописей и народных песен.* Спб., 1898, стр. 20.
- ²² *Проблемы источниковедения.* V. М., 1956, стр. 44—101.
- ²³ Там же, стр. 62—63. О Сулакадзе см. также в статье М. П. Алексеева «Из истории русских рукописных собраний» — в кн.: «Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из Ленинградских рукописных собраний», под ред. акад. М. П. Алексеева. М.—Л., 1960, стр. 95—96.
- ²⁴ *И. А. Шляпкин. Рукописи Валаамского монастыря.* — «Библиограф», 1889, № 10—11, стр. 200.
- ²⁵ Там же, стр. 199.
- ²⁶ Там же, стр. 199.
- ²⁷ *С. П. Жихарев. Записки современника.* Редакция, статья и комментарии В. М. Эйхенбаума. М.—Л., 1955, стр. 436—437.
- ²⁸ *Г. П. Смирнов-Платонов, протоиерей. Александр Павлович Протасов.* (Из записей и воспоминаний). — «Русский архив», 1897, т. III, № 9, стр. 113.

- ²⁹ А. Н. Пыпин. Подделки рукописей и народных песен. Спб., 1898, стр. 8—17; М. Н. Сперанский, назв. соч., стр. 90—98.
- ³⁰ В статье Н. А. Макаренко «Молитовник великого князя Володимира й Сулакадзев» («Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского». Л., 1928, стр. 485—486) сообщается о более подробном «Каталоге книг, Российских и частью иностранных печатных и письменных Библиотеки Александр Сулакадзева». Здесь упомянуто 1438 русских изданий, 15 рукописей на пергамене, 22 свитка (кроме того, еще 500 свитков указано общим числом), 212 немецких книг, 198 французских, 76 латинских, 13 английских и т. д. Очевидно, этот каталог, находившийся в 1928 г. в собрании Н. А. Макаренко, не был полной описью рукописных книг, так как в нем отмечены лишь 32 рукописи, а не 290. Свою библиотеку Сулакадзев составлял более 30 лет (там же, стр. 490), по-видимому, с конца XVIII века.
- ³¹ Собрание церковных законов и правил. Составлен Иоанном Схоластиком, константинопольским патриархом, приблизительно в 545 г. Экземпляр Сулакадзева оказывается на сто лет старше.
- ³² Коран был составлен и канонизирован между 644 и 656 гг. Значит, и этот экземпляр Сулакадзева лет на 50 старше.
- ³³ А. Н. Пыпин. Подделки рукописей и народных песен. Спб., 1898, стр. 12.
- ³⁴ У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России. Ч. II. Спб., 1913, стр. 51.
- ³⁵ С. П. Жижарев. Записки современника, стр. 437—438.
- ³⁶ Г. Р. Державин. Сочинения. Под ред. Я. К. Грота. Т. 6, стр. 339.
- ³⁷ Там же, т. 7, стр. 586—587.
- ³⁸ М. Н. Сперанский, назв. соч., стр. 71.
- ³⁹ Г. Р. Державин. Соч., т. 7, стр. 586—587.
- ⁴⁰ А. Н. Пыпин. Подделки рукописей и народных песен, стр. 21.
- ⁴¹ А. Н. Пыпин. Подделки рукописей и народных песен, стр. 21—22.
- ⁴² М. Н. Сперанский, назв. соч., стр. 73.
- ⁴³ Чешский.
- ⁴⁴ Будапеште.
- ⁴⁵ «Рассмотрение древнейшего документа славянской церковной истории, литературы и языка — пергаменного кодекса VIII века». См. об этом: А. Родосский. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1893, стр. 242—243.
- ⁴⁶ К. Ф. Калайдович. Известие о древностях славяно-русских и об Игнатие Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных. М., 1811, стр. 11—12.
- ⁴⁷ Konst. von Wurzbach. Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. B. 7. Wien, 1861, S. 316—319.
- ⁴⁸ P. Eudel. Le truquage. Altérations, fraudes et contrefaçons dévoilées. Paris, 1908, p. 252—253 (П. Эдель. Трюк. Подлоги, мошенничества и разоблаченные подделки. Париж, 1908, стр. 252—253).

- ⁴⁹ P. Eudel. Fälscherkünste. Nach der autorisierten Bearbeitung von Bruno Bucher neuherausgegeben und ergänzt von Arthur Roessler. Leipzig, 1909, S. 150 (*П. Эдель. Приемы фальсификации. По авторизованной обработке Б. Бухера вновь издано с дополнениями А. Реслера. Лейпциг, 1909, стр. 150.*)
- ⁵⁰ Willoughby. The uses of bibliography, p. 44—54 (*Уиллоуби. О пользе библиографии, стр. 44—54.*)
- ⁵¹ Gazette de France, 1778, 8 Juin, p. 206.
- ⁵² «Санкт-петербургские ведомости», 1745, 13 сентября, № 73, стр. 623.
- ⁵³ Sanktpetersburgische Zeitung, 1745, 13 September, N 73, S. 284.
- ⁵⁴ «Воспитатель народа».
- ⁵⁵ «Мюнхенский медицинский еженедельник».
- ⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 17. М., 1961, стр. 335, 574, 593.
- ⁵⁷ У меня было предположение, что составителем этой подборки газетных вырезок был пушкинист проф. Б. В. Никольский, но оказалось, что его почерк не был похож на почерк неизвестного лица.
- ⁵⁸ П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. Изд. 3-е, просмотр. и доп. М.—Л., ГИЗ, 1928; Л. П. Гроссман. Карьера д'Антеса. М., 1935 («Библиотека «Огонек» № 7(850)); В. В. Вересаев. Спутники Пушкина. 2. М., «Советский писатель», 1937, стр. 446—453.
- ⁵⁹ «Русский курьер», 1880, 27 июня, стр. № 172, 4.
- ⁶⁰ Это не совсем верно: родной отец Ж. Дантеса — барон Жозеф-Конрад Дантес (1773—1852); приемный его отец — барон Луи де Геккерн (1792—1884). Следовательно, в 1880 г. ему не было полных 90 лет. Министром он не был.
- ⁶¹ На государственную службу Ж. Дантес вступил еще в 1845 г. С 1850 г. он примкнул к партии Луи Наполеона, ставшего впоследствии Наполеоном III.
- ⁶² Это указание не точно: по сведениям В. Гюго (см. примеч. 63), Дантес в качестве сенатора получал 30 тысяч франков.
- ⁶³ В сборнике «Châtiments» (Génève et New-York, 1854) нет стихотворений, посвященных специально Дантесу-Геккерну. В стихотворении «Ecrit le 17 juillet 1851, en descendant de la tribune» p. 159—160 («Сойдя с трибуны. Писано 17 июля 1851 г.») говорится о

Ces hommes qui mourront, foule adjecte et grossière,
Sont de la boue avant d'être de la poussière.

Все эти господа, кому лежать в гробах,
Толпа тупая, грязь, что превратится в прах.
В. Гюго. Собр. соч., т. 12. М., 1956, стр. 120.

В примечаниях к этому стихотворению (p. 353—368) приведены выдержки из стенограммы заседания Национального собрания от 17 июля 1851 г., на котором пересматривалась конституция и на котором В. Гюго выступил с четырехчасовой речью. Среди правых депутатов, нападавших на Гюго, был и Дантес-Геккерн.

Две его реплики приведены на стр. 363 и 366; они сопровождаются указаниями В. Гюго о том, что Геккерн — сенатор с окладом в 30 тысяч франков. Ничего больше о нем не сказано.

- ⁶⁴ Разрядка здесь и ниже Загуляева.
- ⁶⁵ *Герцог де Морни, Шарль-Огюст-Луи-Жозеф* (1811—1865) — побочный сын королевы Гортензии, брат Наполеона III. В 1856—1857 гг. был французским послом в Петербурге. Поэтому его и упоминает Загуляев как лицо, известное русским читателям.
- ⁶⁶ Кроме статьи И. Яковлева, в эти же пушкинские дни 1899 г. в газете «Биржевые ведомости» была напечатана статья, подписанная псевдонимом Ин, настолько пошлая и оскорбительная для памяти поэта, что ни перепечатывать, ни пересказывать ее не считаю нужным.
- ⁶⁷ *А. Ф. Онегин (Отто)* (1840—1925) — коллекционер-пушкинист, начавший собирать свои материалы о поэте с 1860-х гг.; жил в Париже и завещал свой музей Пушкинскому дому, куда и поступило после его смерти все собрание.
- ⁶⁸ *Вогюв, Мельгиор*, виконт (1848—1910) — французский политический деятель, хороший знаток русской литературы.
- ⁶⁹ «Обозрение изучений России» — французский журнал.
- ⁷⁰ *Леже, Луи* (1843—1923) — французский славист.
- ⁷¹ «Энциклопедическое обозрение» — французский журнал.
- ⁷² «Если здесь нет опечатки или ошибки, то тогда эта встреча должна была произойти в 1855—1856 годах, что невозможно: в то время Россия находилась в войне с Францией, и Н. Н. Ланская не могла быть в Париже». Примечание составителя тетради.
- ⁷³ Улица Мира.
- ⁷⁴ Сестру Луи-Жоржа Дантеса звали Леония-Шарлота, она родилась 3 апреля 1840 г., умерла в доме умалишенных 30 июня 1888 года. Все это место, начиная от слов: «Знаете ли, что у меня была сестра» — и дальше кончая словами «была первой», обведены красными чернилами, и на полях сделана большая приписка составителя тетради.
- ⁷⁵ «Не строй из себя казака!»
- ⁷⁶ Политехнический институт.
- ⁷⁷ Подробнее об этом сборнике см. в моей книге «Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765» (Л., 1936, стр. 114—146 и 305—308).
- ⁷⁸ *А. Н. Афанасьев*. Образцы литературной полемики прошлого века. — «Библиографические известия», 1859, № 15, стр. 449; *А. И. Артемьев*. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке императорского Казанского университета. Спб., 1832 (далее: Артемьев), стр. 194, прим. У А. И. Артемьева — опечатка: «Антова» вместо «Актова».
- ⁷⁹ *П. Н. Берков*. Ломоносов и литературная полемика..., стр. 305.
- ⁸⁰ Это был не Макарьев Нижегородской области, а Макарьев на Унже Костромской губернии.
- ⁸¹ Биографические сведения о П. Я. Актове см.: *А. А. Титов*. Материалы для био-библиографического словаря. Словарь писа-

- телей духовного и светского чина Костромской губернии. По рукописи костромского ученого протоиерея М. Я. Диева.— Ученые делатели Костромского Вертограда. М., изд. журн. «Библиографические записки», 1892 (далее: Титов. Материалы), стр. 5—6. Биография П. Я. Актова была составлена М. Я. Диевым, родным братом Актова (см. «Русский архив», 1891, ч. II, № 5, стр. 67).
- ⁸² А. А. Титов. Материалы для истории императорского Общества истории и древностей российских. Переписка гг. действительных членов общества (1830—1876).— «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских», 1887, кн. I, отд. I, стр. 102.
- ⁸³ Известия для библиофилов.— «Литературная газета», 1842, 21 июня, № 24, Смесь, стр. 503.
- ⁸⁴ Известие для библиоманов.— «Литературная газета», 1842, 19 июля, № 28, Смесь, стр. 587. Перепечатано с пропусками и неточностями у Титова (Титов. Материалы, стр. 6—7).
- ⁸⁵ А. А. Титов. Материалы..., стр. 7.
- ⁸⁶ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина (далее: Барсуков), т. VI. Спб., 1892, стр. 364.
- ⁸⁷ Там же, т. VII. Спб., 1893, стр. 175, примечание.
- ⁸⁸ Там же, т. VII, стр. 246.
- ⁸⁹ Там же, т. VII, стр. 246—247.
- ⁹⁰ «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских», 1887, кн. I, отд. I, стр. 102.
- ⁹¹ Там же, стр. 104.
- ⁹² Написанном на пергамене.
- ⁹³ «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских», 1887, кн. I, отд. I, стр. 106.
- ⁹⁴ В 1909 г. А. А. Титов в тех же «Чтениях» (кн. IV, отд. II) продолжал публикацию переписки Диева и Снегирева; здесь Снегирев в письме от 6 мая 1843 г. запрашивает Диева о продаже библиотеки Актова (стр. 60); ответ Диева не напечатан.
- ⁹⁵ Архив ГПБ, 1838, № 6. Дело Управления Императорской публичной библиотеки о покупке для библиотеки книг, бюста И. И. Дмитриева и старинного медного образца.
- ⁹⁶ См.: И. А. Крылов. Полн. собр. соч. Т. III. М., 1946, стр. 380 и 593. Ср.: С. М. Бабинцев. И. А. Крылов. Очерк его издательской и библиотечной деятельности. М., 1955, стр. 55.
- ⁹⁷ У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России. Ч. II. Спб., 1912, стр. 50.
- ⁹⁸ Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. М.—Л., 1958, стр. 363. Здесь указаны инициалы Актовой. Кроме приведенных выше источников об Актове, беглые упоминания имеются у Ундольского («Очерк славяно-русской библиографии. С дополнениями А. Ф. Бычкова и А. Викторова». М., 1871, стлб. 46, № 353), у С. А. Венгерова («Источники словаря русских писателей». Т. I. Спб., 1900, стр. 30), в «Неизданных письмах иностранных писателей XVIII—XIX

- веков из Ленинградских рукописных собраний», под ред. акад. М. П. Алексеева (М.—Л., 1960, стр. 92). В «Предварительном списке имен русских деятелей» (Сборник Императорского Русского исторического общества, тт. 60 и 62 (дополнения) и в «Петербургском некрополе» фамилии Актова нет.
- ⁹⁹ М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзе). Проблемы источниковедения, вып. V, 1956, стр. 76—77.
- ¹⁰⁰ Jean Baptiste Pérès. Comme quoi Napoléon n'a jamais existé, ou Grand erratum, source d'un grand nombre infini d'errata à noter dans l'histoire du XIXe siècle Agen, s.d., 20 p.
- ¹⁰¹ Discours prononcé par ordre de la société populaire des Amis de la Constitution en réponse à l'avertissement pastoral de M. Yves-Alexandre de Marboeuf Par le citoyen J.-B. Pérès, de l'Oratoire. Lyon, 1791. (Речь, произнесенная гражданином Ж.-Б. Перэсом, членом ордена Оратории, по распоряжению народного общества Друзей конституции в ответ на пастьрское обращение г-на Ива-Александра де Марбефа. Лион, 1791).
- ¹⁰² В 1911 г. текст ее был перепечатан в т. III «Французской библиографии Наполеона» Давуа.
- ¹⁰³ В книге Перэса есть ссылка на сборник стихов Казимира Делавиня «Новые мессениены», которая вышла не раньше 1827 г.
- ¹⁰⁴ André Van der Gans. Anatole France. Les années de formation. Paris, 1954.
- ¹⁰⁵ Во французской деревушке Глозель местный учитель инсценировал «находку» в поле глиняных табличек, которые якобы восходили к каменному веку и содержали письма, будто бы послужившие источником европейских алфавитов. Целью этой быстро разоблаченной подделки было доказать независимое от финикийцев происхождение европейского письма. С тех пор слово «Глозель» у французов означает грубую фальшивку.
- ¹⁰⁶ «Дневник» А. А. Вырубовой, любимой фрейлины последней царицы Александры Федоровны, был напечатан в альманахе «Минувшие дни» (декабрь 1927 г., январь — апрель 1928 г.) под редакцией, с предисловием и примечаниями О. Брошниковской и Зин. Давыдова. В апреле 1928 г. в вечернем выпуске «Красной газеты» было помещено письмо редакции альманаха «Минувшие дни», утверждавшей, что в ее руках есть доказательства подлинности «Дневника А. А. Вырубовой». На самом деле это мистификация, осуществленная, как тогда говорили, П. Е. Щеголевым и А. Н. Толстым.
- ¹⁰⁷ Гэйо де Путаваля, Франсуа (1673—1743) — французский адвокат, прославившийся изданием «Causes célèbres et interessantes» («Знаменитые интересные процессы») (1734—1743; 20 томов).
- ¹⁰⁸ H. Bordier et E. Mabile. Une fabrique de faux autographes ou récit de l'affaire Vrain-Lucas. Paris, 1870. 111 p. et 14 fac-simile.
- ¹⁰⁹ E. Charavay. Faux autographes. Affaire Vrain-Lucas. Paris, 1870. 32 p.
- ¹¹⁰ Кстати, это тот самый Ротру, из трагедии которого «Венцеслав Лермонтов заимствовал эпиграф «Отмщенье, государь, отмщенье» к стихотворению «Смерть поэта».

- 111 Вспомогательная историческая дисциплина, предметом которой является правительственный документ в его историческом развитии (правила составления, приемы оформления, материалы для него и т. д.).
- 112 Мазаринады — французские политические брошюры-памфлеты, направленные против всемогущего в свое время министра короля Людовика XIV, Джулио Мазарини (1602—1661), итальянца по происхождению.
- 113 «Gartenlaube» («Беседка») — популярный немецкий еженедельный журнал, вроде дореволюционного русского журнала «Нива».
- 114 Вспомогательная историческая дисциплина, изучающая государственные, родовые и личные печати в их историческом развитии.
- 115 *Альбер Сим* — литературный псевдоним Альбера-Антуана Симоховского (Cimochowski Albert-Antoine) (1845—1924). «Amateurs et voleurs de livres». Paris, 1903.
- 116 Сим называет его Дон-Винсенте (Don-Vincente); я применяю форму, соответствующую испанскому произношению.
- 117 «Furs e ordinations fetes per los gloriosos reys de Arago als regnics del regne de Valencia».
- 118 Вопрос о судьбе книги в будущем обществе интересовал и социалистов-утопистов. Этьен Кабэ в романе «Путешествие в Икарию» (1840) посвящает этой проблеме ряд страниц. Он считает, что государство имеет право исправлять все полезные, но не вполне совершенные книги, например, национальную историю, и сжигать все старые книги, признанные опасными или бесполезными. Но вместе с тем в больших национальных библиотеках сохраняются старинные произведения в нескольких экземплярах как свидетельство невежества или безумия прошлых веков и прогресса современности (*E. Cabet. Voyage en Icarie. Paris, 1848, p. 127*); русский перевод: «Путешествие в Икарию». М., 1948.
- 119 *Жюль Верн*. Романы, повести, рассказы. Т. 2. Л., 1956, стр. 10—12.
- 120 Перевод под названием «Конец книги» был напечатан в журнале «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф», 1899, № 1 и 2, а затем дважды был издан отдельно в том же издательстве без обозначения года.
- 121 «Русские ведомости», 1894, 20 ноября, стр. 4.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	— 5
О ЛЮБВИ К КНИГЕ, БИБЛИОТЕКАХ И НЕМНОГО О МОЕЙ БИБЛИОТЕКЕ	— 9
КНИЖНЫЕ МИСТИФИКАЦИИ И ПОДДЕЛКИ	— 27
ПОДВОРКА ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК (СУДЬБА ЖОРЖА ШАРЛЯ ДАНТЕСА И ЕГО СЕМЕЙСТВА)	— 51
ЗАГАДОЧНЫЙ БИБЛИОФИЛ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ПРОШЛОГО ВЕКА ПЛАТОН ЯКОВЛЕВИЧ АКТОВ	— 69
ЧЕТЫРЕ МАЛЕНЬКИХ КНИЖНЫХ РЕДКОСТИ ИЗ СОБРАНИЯ Н. П. ЛИХАЧЕВА	— 83
КНИГА ЖАН-БАТИСТА ПЭРЭСА «ВЕЛИКОЕ ЗАБЛУ- ЖДЕНИЕ, ИЛИ О ТОМ, ЧТО НАПОЛЕОН НИКОГДА НЕ СУЩЕСТВОВАЛ»	— 85
РЕДЧАЙШЕЕ ПЕРЕИЗДАНИЕ ПОСЛЕДНЕГО НО- МЕРА ГАЗЕТЫ Ж.-П. МАРАТА «ДРУГ НАРОДА»	— 93
ДВА ИЗДАНИЯ О «ДЕЛЕ ВРЭН-ЛЮКА»	— 99
ОДИН ИЗ КАРТОНОВ ИНСТИТУТА КНИГИ, ДОКУ- МЕНТА, ПИСЬМА	—111
БУДУЩЕЕ КНИГИ И БИБЛИОФИЛЬСТВА	—125
ПРИМЕЧАНИЯ	—135

Павел Наумович Берков
О ЛЮДЯХ И КНИГАХ

* *

Редактор *Г. И. Куйбышева*
Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*
Технический редактор *С. М. Кошелева*
Корректоры: *Л. Веденеева* и *Л. Зальсина*

* *

Сдано в производство 14/I-65 г. А08781. Подписано в
печать 15/IV-65 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печатных листов
4,5 условных листов 7,38. Издательских листов 7,02.

Бум. л. 2,25. Тираж 35.000 экз. Цена 35 коп.
св. пл. общ. — полит. литер. № 2210.

Заказ № 2234.

Москва К-9, ул. Неждановой, д. 8/10
Издательство «Книга».

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.